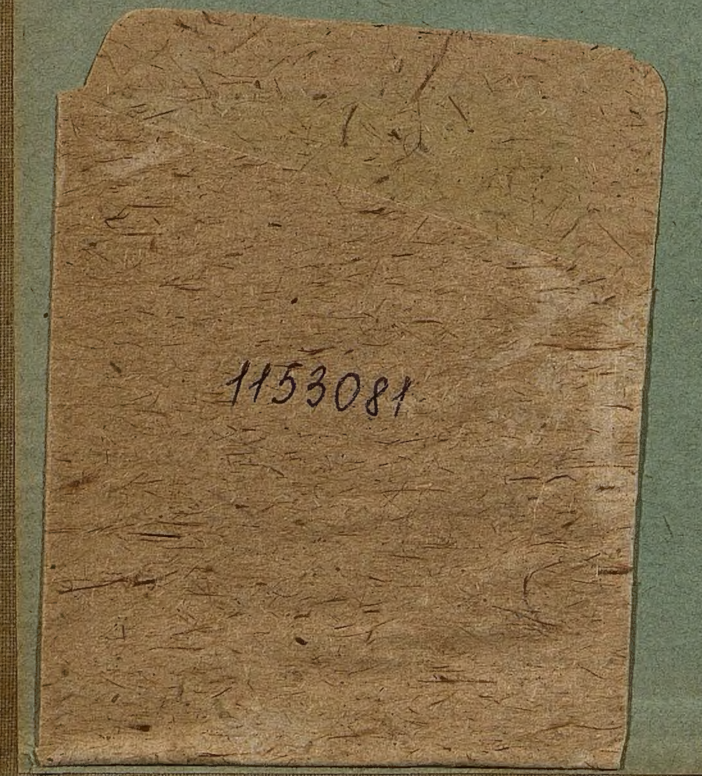
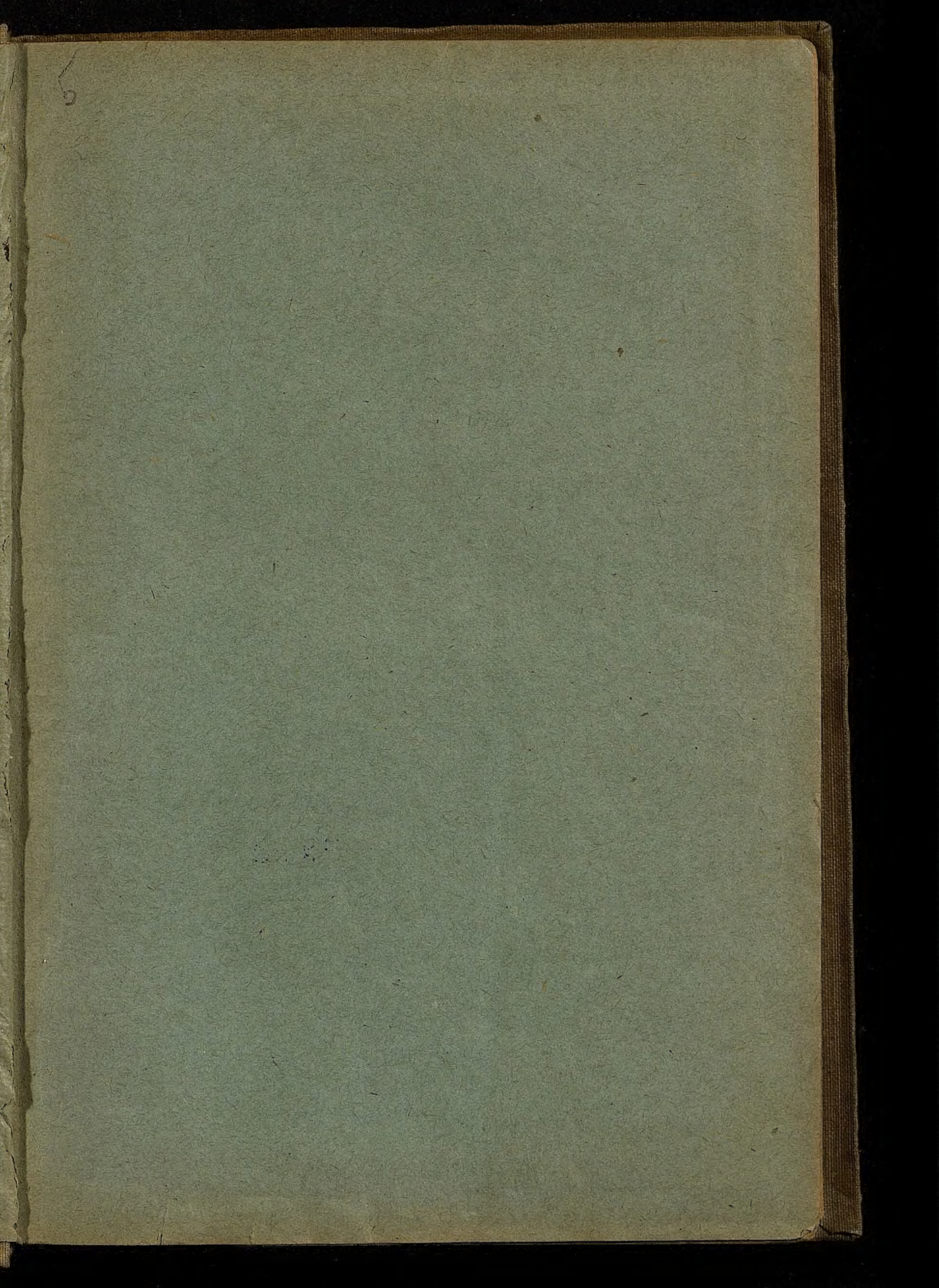
ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ КАРЕЛИИ

КАРГОСИЗДАТ
* 1939 *

NLRK
00269208

1153081

КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ

А. ЛИНЕВСКИЙ, В. МАШЕЗЕРСКИЙ, В. ПЕГОВ

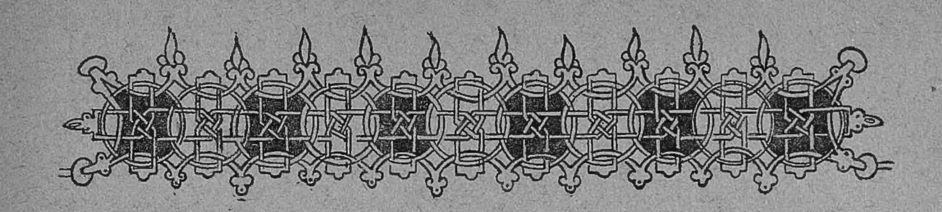
ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ КАРЕЛИИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО КОНЦА XVII ВЕКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ В. БЕРНАДСКОГО

КАРЕЛЬСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОЗАВОДСК
1939

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Дика Карелия, дика!» — писал сто лет тому назад поэт-декабрист Ф. Глинка. «Страной непуганных птиц» назвал ее писатель XX века М. Пришвин. И тот и другой были правы. Дикой, пустынной окраиной царской России была Карелия в XIX и XX вв. вплоть до Великой Социалистической Революции.

Труд пахаря на полях дореволюционной Карелии невольно воскрешал в памяти картины Калевалы или стихи того же поэта-декабриста:

«Лишь изредка отрывки пашен
Висят на тощих ребрах скал»

О седой старине напоминала вся жизнь карельского народа, затерявшегося среди дремучих лесов и непролазных болот. В темноте и невежестве протекало все его существование. Эксплоатируемый капиталистами и помещиками, карельский народ испытывал на себе еще и национальный гнет.

На протяжении многих веков карельский народ вел упорную борьбу с суровой северной природой и окружающими врагами, отстаивая право на существование и развитие. В этой борьбе он отстоял и развил свою национальную культуру.

Великая Социалистическая Революция вывела карельский народ на путь радостной и счастливой жизни.

«Свергнув помещиков и капиталистов, Октябрьская революция разбила цепи национально-колониального гнета и

освободила от него все без исключения угнетенные народы обширного государства»[1].

В братском содружестве с великим русским народом и другими народами нашей страны, под солнцем Сталинской Конституции расцветает советская Карелия.

История карельского народа издавна тесно связана с историей русского народа. Эта связь возникла еще во времена господства на северо-востоке Европы «Господина Великого Новгорода». Хозяйственное развитие Карелии в значительной мере ускорялось крепнущими сношениями с Новгородом и Москвой. Но Карелию связывали с Россией не только экономические интересы. Их сближала совместная борьба против западных врагов, пытавшихся поработить и Русь и Карелу. Рядом с новгородцами карелы бились в XIII—XIV вв. против немецких «псов-рыцарей» и шведских баронов, в начале XVII века вместе с русскими отрядами они очищали карельскую землю от польских и шведских шаек. Поэтому объективное изучение прошлого Карелии даже в рамках времени, охватываемого первым выпуском хрестоматии, должно вести учащихся к сознанию того положительного значения, которое имела для Карелии близость к русскому народу. Позднее (в XVIII—XX вв.) союз между карельским и русским народами развивался и креп в боях против капиталистов и помещиков и их зарубежных приспешников.

В годы социалистического строительства карельский народ с особой силой почувствовал благотворное влияние братского союза с великим русским народом. Благодаря мудрой ленинско-сталинской национальной политике и огромной помощи партии и правительства, карельский народ за короткий срок ликвидировал свою вековую отсталость и вместе с другими народами нашей великой родины построил социализм. Ярким свидетельством этих величайших успехов советской Карелии является введение в жизнь конституции Карельской АССР, родной сестры Великой Сталинской Конституции победившего социализма.

Тесная связь между прошлым Карелии и России делает невозможным изучение истории карельского народа в отрыве от истории СССР вообще. Материал, публикуемый в хрестоматии, может быть понят только при условии предварительного знакомства с историей СССР этого периода.

---

[1] И. Сталин — Марксизм и национально-колониальный вопрос, Стр. 189.

В школьной работе хрестоматия может быть использована в связи с прохождением курса истории СССР, для дополнения последнего или иллюстрирования его местным карельским материалом. Так, знакомя с неолитической культурой в СССР, преподаватель может очень широко использовать ценнейший материал раскопок на территории Карелии, а также тот любопытнейший источник для истории родового общества, каким являются карельские петроглифы.

Далее, излагая вопрос о северных владениях Новгорода, преподаватель должен остановиться на Карелии, как новгородской земле (привлекши для этого документы второй главы).

Говоря о борьбе новгородцев с немецкими рыцарями-«болванами», преподаватель непременно должен указать на участие в этой борьбе Карелы.

В истории борьбы новгородцев со шведами преподаватель карельской школы, естественно, не должен ограничиваться Невской битвой, но познакомить со шведским «Drang nach Osten» в конце XIII века и в XIV веке и с упорной борьбой за Карелию, в которой карельский народ принимал активное участие, выступая обычно на стороне новгородцев.

Таким же образом используется хрестоматия в дальнейших частях курса. При изложении земской реформы Ивана IV, преподаватель характеризует деятельность выборных старост убедительными по конкретности карельскими материалами. Очень живо и полно может быть обрисована при помощи карельского материала крепостная мануфактура XVII века. Изучением вопроса об Олонецких полках учащиеся с большой убедительностью могут быть подведены к пониманию необходимости Петровской военной реформы. Таким образом, познавая прошлое Карелии, учащиеся в то же время углубляют свои познания по истории СССР.

Методические возможности использования хрестоматии весьма разнообразны. Прежде всего документы должны быть использованы преподавателем при подготовке к занятиям. Некоторые из них он зачитает целиком или частично на уроке и разберет совместно с учениками, а часть использует в своем изложении. Ряд документов может быть использован как материал для домашнего задания учащимся или для небольших ученических докладов (например: «О чем рассказывают нам петроглифы», «Керетские промыслы», «Город Олонец в XVII веке», «Борьба крестьянства против первых олонецких заводчиков» и т. п.)

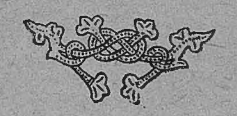
Наконец, часть документов, которую не удастся использовать на уроках, может быть привлечена как материал для внешкольной работы учащихся. Кружки по местной истории являются, как об этом свидетельствует опыт лучших школ страны, одной из наиболее ценных форм внешкольной работы.

Публикуемый материал в большей его части взят из различных печатных сборников документов. Но немало извлечено из неопубликованных сборников Карельского Научно-Исследовательского Института Культуры.

Для того, чтобы облегчить понимание публикуемого материала, ранние документы (до XVI века) даются в переводе. Лица, которым нужен будет подлинный текст документов, могут без труда найти его на основании указаний в хрестоматии или обратившись в Карельский Научно-Исследовательский Институт Культуры. К остальным документам составлен подробный словарь непонятных слов, а также даны примечания.

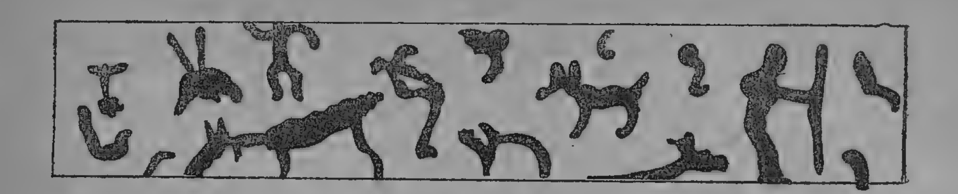
Для справок об основных фактах из истории Карелии к хрестоматии приложена хронологическая таблица. Хрестоматия иллюстрирована картами и рисунками. Одна из карт «Борьба с польско-шведскими шайками» специально составлена для хрестоматии. Хрестоматию составили научные сотрудники Карельского Научно-Исследовательского Института Культуры.

В. БЕРНАДСКИЙ

I

ПЕРВОБЫТНО—ОБЩИННЫЙ СТРОЙ И ЕГО РАЗЛОЖЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ

ВВЕДЕНИЕ

Наиболее древние следы существования человека на территории Карелии датируются археологами третьим тысячелетием до нашей эры, т. е. имеют давность примерно пять тысяч лет. Памятники письменности освещают прошлое Карелии лишь за последнюю тысячу лет. Следовательно, о прочих тысячелетиях можно судить, главным образом, по материальным остаткам. Поэтому, наш раздел о родовом обществе и раннем феодализме Карелии составлен, в основном, по данным материальной культуры.

На территории Карельской республики сохранились многочисленные неолитические стоянки. Наш край уже четыре-три тысячи лет назад не был пустынным, имел свою культуру, которая достигла высокой степени техники в обработке сланцевых полированных орудий труда.

К сожалению, почвенные слои не сохранили до наших дней инвентарь из дерева и кости. Кремень, сланец, обломки глиняной посуды не дают полного представления о жизни населения четыре-две тысячи лет назад. Зато вблизи, в Каргопольском районе и Приладожье, торфяники законсервировали кость и дерево. Вот почему раздел о доклассовом обществе Карелии мы начинаем описанием стоянки «Веретье», в котором даются сведения о костяных и деревянных изделиях. Орудия из камня, описанные в Вознесенской стоянке, типичны для всей Карелии.

Помимо стоянок, на территории Карельской республики сохранились весьма ценные памятники (примерно той же

давности) — рисунки, выбитые на скалах, так называемые петроглифы. Первобытный художник высекал на камне сцены промысла на оленей, лосей, хищников, дичь, рыб, морских животных. Кроме того, мы находим многие десятки фигур различных божеств, а также композиции, характеризующие некоторые стороны общественной жизни: празднества, брачные обычаи, нападение врагов, оборону и т. д.

Рисунки, выбитые рукой художника того времени, являются документальным подтверждением существования тех или иных форм промысла. Поэтому очерк «Промысла древней Карелии» целиком составлен по петроглифам, с частичным использованием данных о народах Сибири, где еще недавно бытовали те же самые виды охоты.

Памятники более позднего времени — городища — из-за слабой археологической работы пока не обнаружены в Карелии. Нет сомнения, что городища у нас были, так как в их функцию входит защита населения от набегов иноплеменников. Наш край, как доказывают рисунки на скале Залавруга и, много позднее, летописи, зачастую подвергался нападению со стороны иноземных пришельцев.

Зато относительно полно представлена следующая стадия развития общества — начало феодализма. По рекам, впадающим в Ладожское и частично в Онежское озеро, насчитывается свыше 1100 курганов, т. е. земельных насыпей, в которых погребены покойники IX—XII и реже XIII века, после чего появляются погребения лишь христианского типа (кладбища).

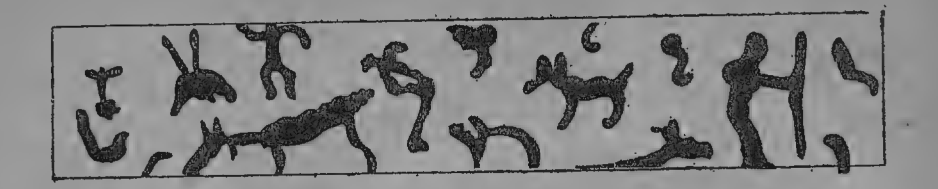
В те века господствовали представления о «загробном мире», в котором покойнику предстояло вести такой же образ жизни, как и во время реального существования. Поэтому в курганы клались все необходимые для обихода вещи: украшения, боевое оружие и бытовые предметы: котлы, горшки, лопаты и т. д. Встречаются курганы с очень большим количеством вещей высокой ценности. Раскопки соседних курганов того же века выявляют иной раз очень скудный могильный инвентарь. Это доказывает имущественное неравенство и, судя по ценности и назначению вещей, начало классового расслоения населения.

Суммирующие сведения о диференцированном обществе Приладожья дает заключительная статья. Выводы подтверждаются в следующем отделе отрывочными указаниями русских летописей.

В заключение приведен небольшой отрывок из «Калевалы». Замечательный по художественности народный эпос карел почти целиком связан с эпохой разложения родового строя. В предлагаемом отрывке показан поход одного рода на другой (вражда двух «братьев» Унтамо и Калерво). Унтамо разгромляет род Калерво и берет младенца Куллерво в рабство. Тот, став взрослым, в свою очередь уничтожает род Унтамо.

Первый раздел составлен из специально для хрестоматии написанных статей Н. Н. Гуриной, А. М. Линевского, Г. П. Гроздилова. «Неолитическая стоянка Веретье» М. Е. Фосс печатается в «Сов. Археологии» т. V. Описание кургана Н. А. Бранденбургом взято из его работы «Курганы южного Приладожья», а суммирующие выводы В. И. Равдоникаса (в сокращенном виде) — из его доклада на пленуме Государственной Академии Истории Материальной Культуры в 1933 г.

М. ФОСС

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ВЕРЕТЬЕ

Остатки поселений, на территории которых встречаются орудия и случайные находки, хотя и не в состоянии дать полную характеристику условий существования человека в эту эпоху, все же содержат некоторый материал, позволяющий наметить главные черты общественной и хозяйственной его деятельности.

Поселения, открытые в разных местах северо-запада СССР, относятся к концу неолита[1] и к бронзовой эпохе. Необходимо отметить, что бронзовая культура у нас на севере не получила развития, и металлические изделия встречаются лишь как единичные находки. Предметы же из камня, кости и дерева представляют собой инвентарь охотничье-рыболовческого хозяйства в его наиболее развитой и разнообразной форме.

Жизнь сосредоточивалась в поселениях по берегам рек, озер и морей.

Кости диких животных, птиц и рыб, в тех местах, где они сохранились, наполняют собой культурный слой. По состоянию и условиям залегания их в земле ясно, что это остатки пищи. Очаги в землянках и большое количество разнообразных глиняных сосудов различной величины дают понятие о способе ее приготовления и сбережения.

Отсутствие костей домашних животных, за исключением костей собаки, следует расценивать как подтверждение господствующего значения охоты и рыболовства. Прекрасной иллюстрацией этому служат многочисленные петроглифы[2] на скалах Карелии, изображающие диких животных, птиц, рыб и сцены охоты на них.

---

[1] Неолит — „новый каменный век" — эпоха полированных орудий и глиняных сосудов соответствует в классификации развития человеческого общества стадии родового общества.

[2] Петроглифы — изображения на скалах, рисунки, выбитые древним человеком, встречаемые на Онежском озере и вблизи Белого Моря.

Охотничье-рыболовный инвентарь очень развит и многообразен. Наконечники стрел разной формы и разной величины, изготовленные из кремня, кости или дерева, безусловно отвечают разнообразию охотничьих приемов, соответственно разным видам дичи. Различен по величине и ассортимент кремневых наконечников копий и дротиков, имеющий в виду крупного зверя, кости которого (лося, медведя, оленя) в изобилии находят на территории поселений.

Орудия ловли рыбы и других водяных животных — крючки, остроги, гарпуны, главным образом из кости, дерева и комбинированные из кости и кремня — дополняют эту картину длинным рядом прекрасно изготовленных орудий.

Характерная и общая черта — стремление к определенным размерам и формам. Из имеющегося материала можно подобрать группы орудий, почти неотличимых друг от друга.

Такое богатство и совершенство орудий для добывания пищи предполагает наличие орудий, пригодных для добывания сырых материалов (дерева и камня) и их обработки. Наши поселения, и хронологически связанные с ними случайные находки, дают нам целую группу таких орудий, изготовленных из камня, рога и кости, которые должны были удовлетворять всем требованиям добывания и обработки камня, рубки и обтесывания дерева, добывания глины, рытья земли и т. п.

На заболоченном низком берегу реки Кинемы, впадающей в озеро Лача, среди подступающего местами к самой воде леса, поднимается пологое возвышение, заросшее лугами и частично затапливаемое в сезоны «высокой воды». Наивысшая точка этого небольшого бугра — над уровнем реки (при низком стоянии воды в августе месяце) — доходит до 1,5 м. На расстоянии 30—50 м от берега начинается сухой лес, под который и уходит стоянка. Остатки ее обнаружены в торфе под дерновым покровом и представляют собой два культурных наслоения, образовавшиеся в разное время. Нижние слои торфа, содержащие остатки более раннего поселения, относятся к концу суббореального периода[1] (судя по анализу торфа), который отличается от современного сухостью и теплотой. В ранний период существования нижнего (древнего) поселения, поблизости от него произрастали такие виды деревьев как дуб, отступивший с похолоданием значительно южнее. В воде, окружавшей поселение, водились, наряду с видами, существующими в этих местах и теперь, виды более тепловодных рыб.

В это время поселение занимало площадь сравнительно очень незначительную, в виде прибрежной узкой полосы, в 25—30 м в ширину. С увлажнением климата берег стал заболачиваться, и, повидимому, полное затопление поселения послужило причиной

[1] Суббореальный период — 2500—500 лет до нашей эры.

ухода его обитателей. Тогда в жизни поселения наступает довольно продолжительный перерыв, на протяжении которого образовался слой торфа в 10—15 см толщиной, лишенный культурных остатков. И только с возвращением вновь более сухого климата и понижения уровня воды во всем бассейне озера Лача, произошло вторичное заселение Веретья, остатки которого содержатся в верхней, разложившейся части торфяного покрова. Уничтожение пыльцы под влиянием процессов разложения не позволяет судить ни о растительности, ни о климатических переменах, происшедших за время его нарастания. Надо, однако, думать, что естественные условия этого времени были близки к современным — например, кости рыб из этого слоя дают те же виды рыб, что и теперь живущие в этих водах.

Таким образом, на Веретьи было обнаружено два разновременных культурных наслоения с двумя комплексами вещей. Нижний комплекс[1] относится, по сумме типологических признаков, ко второму тысячелетию до нашей эры.

Комплекс же вещей из верхнего торфа должен быть отнесен к концу первого тысячелетия до нашей эры и к началу нашего летоисчисления.

Несмотря на столь значительный промежуток времени, разделяющий нижнее и верхнее наслоения, комплексы их по своему содержанию, характеризующему развитое охотничье-рыболовческое хозяйство, почти не отличаются друг от друга. Однообразные естественные условия, замкнутость и изолированность этого района северного края (порожистые реки должны были затруднять движение к морю и внутрь страны), застойность форм социально-экономических отношений — все это должно было способствовать поддержанию неизменности хозяйственной жизни, консервативности производственных навыков и орудий труда. Вследствие этого и самые материалы, употреблявшиеся в дело жителями нижнего поселения, неизменно остаются в употреблении также и в течение второго периода: те же породы камня (главным образом кремень и местные сланцы), те же роговые и костяные изделия. Оба периода одинаково характеризует полное отсутствие металлических предметов.

Количество найденных в раскопках вещей весьма велико, принимая во внимание незначительность площади (160 кв. м для нижнего и 72 кв. м для верхнего), и достигает 1350 предметов, не считая большего количества фрагментов керамики[2] и остатков фауны[3]. Значительная доля этих находок падает на костяные и роговые изделия.

---

1 Комплекс — собрание предметов, в данном случае орудий.
2 Керамика — изделия из глины.
3 Фауна — животный мир.

Изделия из кости, рога и дерева можно распределить по нескольким группам, соответственно их назначению и роли хозяйственной жизни обитателей стоянки Веретье.

К первой и самой значительной по объему группе относятся орудия охоты и рыболовства: разнообразные по типам стрелы, дротики, гарпуны, луки и рыболовные крючки, а также поплавки для сетей.

Вторую группу, опять-таки довольно многочисленную, составляют орудия, служившие для обработки сырых материалов и для изготовления различных изделий из дерева, кожи, лыка, волокнистых веществ и пр. Это — долота, струги, лощила, ножи с кремневыми лезвиями, шилья, разнообразные иглы для шитья одежды и плетенья сетей. К этому перечню следует добавить рукоятки, найденные отдельно от орудий, составляющие, однако, необходимую принадлежность большинства из них, затем костяные пробки, повидимому применявшиеся для затыкания деревянной и берестяной посуды и костяные бляхи, служившие застежками для одежды.

Отдельно могут быть упомянуты единичные находки таких орудий, как кирка, топор, выпрямитель древок, штамп для орнаментации посуды, свисток и некоторые другие.

Наконец имеется несколько предметов непонятного назначения, — как например, лопаточки небольших размеров, крючки (нерыболовные) и т. п.

Этим исчерпывается круг хозяйственно-бытовых предметов. Особняком стоит группа, объединяющая предметы искусства, слагающаяся из украшений и вещей культового и магического значения.

Хотя состав инвентаря обоих слоев мало чем различается, однако формы отдельных орудий претерпели существенные изменения, большей частью в сторону упрощения. Наряду с этим в верхнем слое появились некоторые новые типы, генетически с формами древнего слоя может быть вовсе не связанные.

Вообще, древние костяные вещи отличаются чрезвычайной консервативностью форм, способных удерживаться тысячелетиями почти без всяких изменений, так что обычно трудно бывает извлечь из них какие-либо выводы для хронологии того или другого комплекса.

Но на стоянке Веретье, благодаря отчетливому стратиграфическому разделению двух культурных наслоений, возможно совершенно точно фиксировать принадлежность вещей к одному из двух, разделенных сравнительно незначительным промежутком времени, комплексов, проследив внимательно типологические изменения.

Подмечая характерные особенности форм, сравнивая вещи нижнего и верхнего слоя стоянки, можно уловить новые определяющие и датирующие признаки. Разница между формами особенно показательна при сопоставлении наконечников стрел

(табл. II), гарпунов и рыболовных крючков (табл. I). Помимо формальных имеются и другие признаки, свойственные вещам лишь одного из двух комплексов. Например, вещи из нижнего слоя торфа прекрасно сохранились, и кости, в большинстве случаев, имеют цвет темнокоричневый, иногда зеленоватый или желтоватый, в верхнем же торфе (гумусообразном) вещи приобрели хрупкость, поверхность их источена, испещрена трещинами — они большей частью коричневато- или желтовато-серого цвета.

Судя по многократным находкам наконечников стрел (в общей сложности найдено целых и обломков в нижнем слое 40, в верхнем — 31), самым распространенным орудием охоты, как и повсюду на стоянках эпохи неолита, был лук.

Но насколько вообще часты и обычны находки наконечников стрел, настолько же редки находки самых луков. Нам известны находки луков лишь в болотных и озерных стоянках западной Европы, а у нас в Союзе в Шигирском и Горбуновском торфяниках.

Форма древнейших луков отличалась чрезвычайной примитивностью. Лук изготовлялся из прямой, часто обтесанной по четырем граням, палки, симметрично изогнутой, иногда утолщенной в середине, суженной по концам, на которых делались зарубки для привязки тетивы. Длина неолитических луков в разных местонахождениях колеблется от 0,55 до 1,6 м. Относительно луков малого размера высказывались предположения об употреблении их не в качестве охотничьего оружия, а в качестве прибора для просверливания камня и кости.

Незначительные размеры луков следует, может быть, объяснить исключительно местными условиями охоты, происходившей в лесу и не требовавшей от оружия такой дальнобойности, которая была бы необходима на открытых пространствах. Размер лука должен был, повидимому, зависеть также и от самого предмета охоты, т. е. в конце концов, от величины дичи.

Наконечники стрел, извлеченные из того же нижнего слоя, что и обломки лука, сделаны почти все из кости (36 экземпляров). Деревянных же всего 4, не считая обломков. Все деревянные наконечники — сосновые. Будучи довольно разнообразны по форме, наконечники стрел не одинаковы по размерам, которые колеблются от 4 см до 27,5 см. Типологически они вмещаются в 5 групп.

Разнообразие форм наконечников стрел в одном и том же культурном слое объясняется высокой степенью развития охотничьей техники и разнообразием ее приемов. Очевидно, форма и размер наконечников варьировали применительно к тому или другому предмету охоты, и каждый вариант отвечал определенным требованиям меткости попадания, убойной силы или дальности полета стрелы. Несомненно, что создание и закрепление

ТАБЛ. I.

1 — 8, 12 — 15 — наконечники гарпунов.
9 — 11 — рыболовные крючки.
14 — половина грузила для сетей.

ТАБЛ. II.

Наконечники стрел.

форм совершалось при воздействии навыков, приобретенных на охоте.

Многообразие типов наконечников стрел наблюдается и на стоянках восточного Урала. П. А. Дмитриев склонен также объяснять это тем, что «почти каждый из основных типов стрел применялся для вполне определенной цели, был приспособлен для охоты за определенным зверем». Он упоминает также о существующей у современных охотничьих народов Сибири (салымских и ваховских остяков) специализации наконечников стрел. Наконечники, предназначенные для медведя, имеют треугольную форму, для выдры — имеют зубец и колечко, при охоте на уток употребляются наконечники с развилиной, при охоте на белок — с тупым наконечником, сделанным из кости или дерева. (У остяков, живущих на низовьях р. Конды, наблюдается то же различие наконечников по форме, размеру и применению их). Стрелы для охоты на лося и оленя еще в недавнее время делались из деревянного древка с костяным полированным наконечником. На птицу употреблялись стрелы из деревянных стержней с сильным утолщением на конце и им сообразным железным наконечником. На некрупных зверей охотились тупыми деревянными стрелами, не портящими шкурку животного. Судя по остяцким стрелам, форма и размер наконечников главным образом зависит от величины животного.

Широкое распространение наконечников не может быть объяснено ни случайными совпадениями, ни культурным заимствованием, причину этого явления нужно искать в одинаковых условиях хозяйственного уклада и особенно охотничьих приемов и орудий.

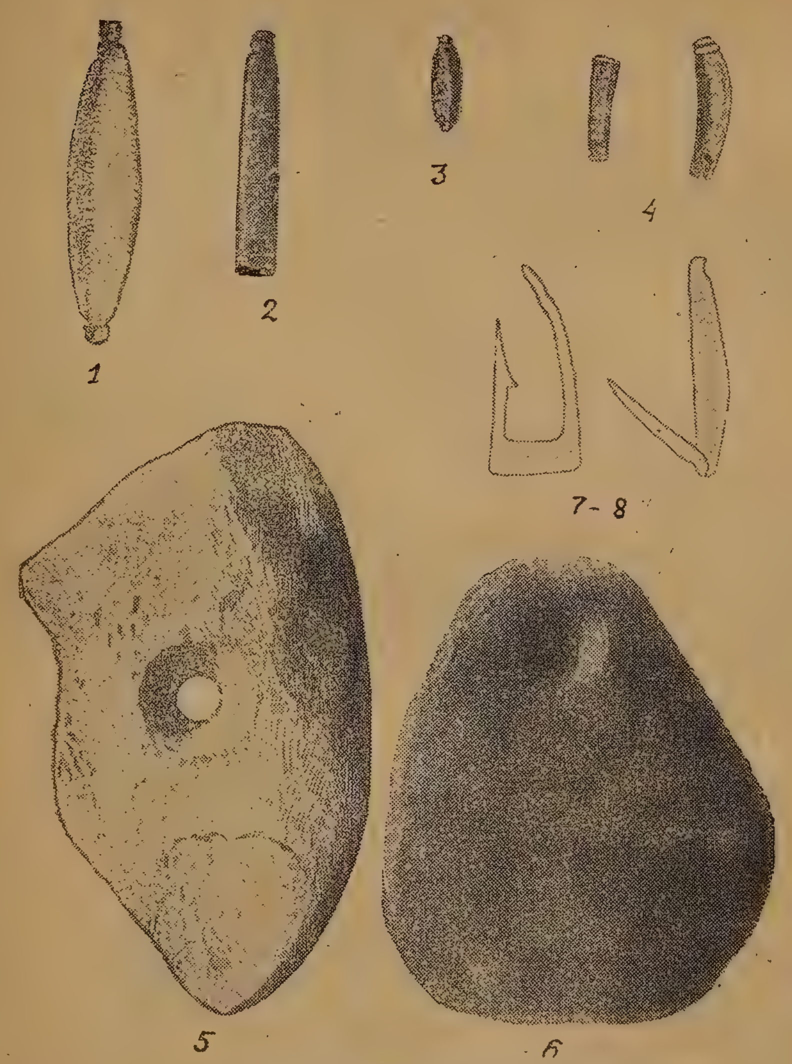
Н. ГУРИНА

ВОЗНЕСЕНСКАЯ СТОЯНКА

Вознесенская стоянка входит в круг памятников неолитической эпохи лесной полосы восточной Европы. Керамика и орудия сближают эту стоянку с рядом других, расположенных территориально вблизи нее, по берегам Онежского озера.

Она находится на правом низком берегу реки Свири, занимая площадь длиной около 1 км вдоль реки Свири от самого Онежского озера.

Здесь на поверхности встречались многочисленные обломки керамики и орудий из сланца и кремня. Эти находки сосредоточивались в узкой прибрежной части. В 1934 году были сделаны раскопки на площади стоянки.

I — 4 — части рыболовных крючков.
7 — 8 — крючки.
5 — 6 — грузила для рыболовных сетей. № 6 недосверлен.

Основная масса находок была обнаружена в торфообразном слое, на глубине 0,40—0,50 см от поверхности. Подстилающим слоем повсюду был зеленоватый суглинок. Поверх торфообразного слоя с находками залегал слой речного песка.

Во время раскопок Вознесенской стоянки был собран громадный материал (обломки керамики и орудия) численностью в 7000 предметов.

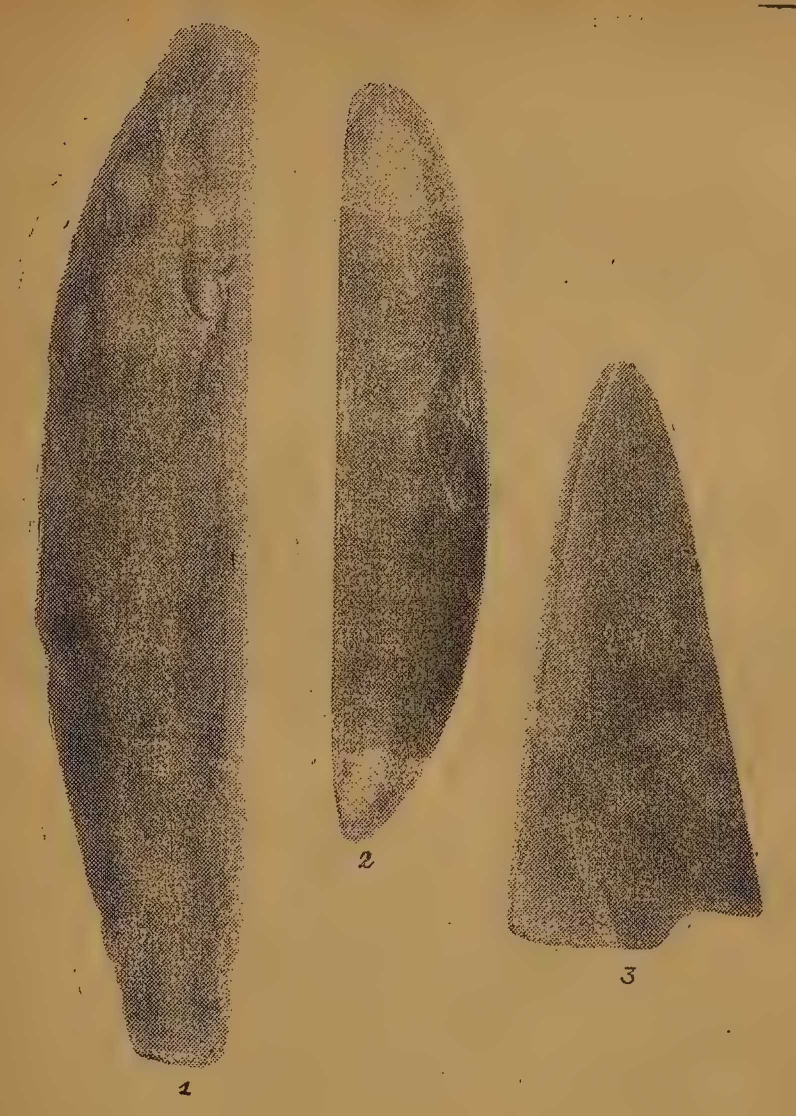
Каменные орудия стоянки отличаются большим количеством и разнообразием. Наряду с крупными сланцевыми полированными топорами, округленными или трапецевидными в поперечном сечении (характерными для ранней стадии неолита севера), встречаются в большем количестве тесла, долота, стамески, также изготовленные из сланца.

ТАБЛ. IV.

Кремневые орудия представлены в виде скребков, в основном мелких размеров (до 2½ см в диаметре), округлой, удлиненной и трехгранной формы, кремневыми ножами и ножевидными пластинками и в большом количестве наконечниками стрел, реже копий. Большое количество этих орудий указывает на охоту как на одно из основных занятий человека Вознесенской стоянки.

Техника обработки орудий, как сланцевых, так и кремневых, очень высокая. Окончательной отделкой орудий из сланца (после предварительного скалывания и опиливания) было полирование или шлифовка (табл. V). Основным приемом выделки кремневых орудий служила мелкая отжимная ретушь.

1 — сторона, нетронутая полировкой.
2 — образец кирки.
3 — отполированная сторона обломка орудия.

Особенно высокими по технике обработки являются обломки двух круглых шиферных колец и кремневого рыболовного крючка.

Высверленные круглые отверстия в кольцах свидетельствуют о знакомстве жителя Вознесенской стоянки со сложными приемами высверливания отверстий в камне (табл. III, рис. 5—6). Подтверждением служит обломок недосверленного ладьевидного топорика.

Форма орудий, как сланцевых, так и кремневых, характерна для раннего периода неолита и в поздних стоянках почти или вовсе не встречается.

Среди материала, найденного при раскопках Вознесенской стоянки, преобладающими по количеству являются обломки глиняных сосудов. Разнообразные по величине фрагменты керамики имеют многочисленные варианты в орнаментировке. Основными мотивами орнамента являются ямки округлой, ромбической или овальной формы, нанесенные посредством вдавливания в мокрую глину чекана[1] и «гребенки»,[2] всегда встречаемой в сочетании с ямками. Значительно реже мы имели оттиски веревочки, трубчатой кости, треугольника.

После тщательной разборки фрагментов (с учетом всех характерных особенностей примесей к глине, степени обжига) удалось выделить обломки, относящиеся несомненно к одному сосуду и склеить их.

В результате проделанной работы получились крупные фрагменты от различных частей сосудов, позволяющих довольно точно говорить об их форме.

Характер орнамента в виде тщательно нанесенных ямок, абсолютно преобладающих над другими элементами орнамента, равно как и форма сосудов — остродонная, реже круглодонная — указывают на раннее существование стоянки, относящейся по времени к суббореальному периоду. Раннее существование стоянки подтверждается характером найденных здесь орудий.

О какой же форме хозяйства человека Вознесенской стоянки мы можем говорить на основе имеющихся у нас вещественных остатков?

Учитывая разнообразные орудия, начиная от крупных рубящих топоров и кончая мелкими стамесками (до 3 см длины) и теслами, учитывая громадное количество обломков посуды (очень крупного размера — до 75 см в диаметре), мы должны будем сделать вывод, что эта стоянка была постоянным местом жительства в продолжение длительного отрезка времени, а не занималась только периодически (как соседняя с ней стоянка) охотой или рыболовством. Инвентарь временных стоянок

---

[1] Палочки округлой, четырехугольной или овальной формы.
[2] Штамп для нанесения узора на внешней поверхности сосуда.

обычно сильно отличается от инвентаря места постоянного жительства.

На Вознесенской стоянке мы находим орудия для самых разнообразных работ. Здесь есть и топоры для рубки крупных деревьев для жилища и других работ, тесла и желобчатые долота для выделки лодок (табл. IV), здесь же и мелкие стамески, кремневые скребки для изготовления костяных орудий и древков для них.

Судя по большому количеству наконечников, стрел и копий, по наличию рыболовного крючка можно говорить об охотничье-рыболовческой форме хозяйства с коллективными способами охоты и коллективным потреблением продуктов (на что может указывать очень крупный размер сосудов).

Само месторасположение стоянки способствовало успешному ведению промысла. Наличие озера, богатого тогда рыбой и водоплавающей птицей, леса, обильного зверями, поддерживали существование охотника-рыболова. Остатки жилищ на нашей стоянке не были обнаружены. Вследствие низкого положения стоянки над уровнем Онежского озера, она подвергалась частичному размыванию водой, в силу чего остатки жилищ исчезли.

Вознесенская стоянка имеет много общих черт в орудиях и керамике с рядом других стоянок Карелии.

Прежде всего она близка по характеру своего материала к стоянкам: 1) Негежемской, расположенной также на р. Свири выше по течению; 2) Войнаволоцкой — на северо-восточном побережье Онежского озера близ г. Повенца; 3) Сунской — около с. Суна; 4) Кубенинской (Северный край); 5) стоянке на Ладожском озере, открытой при прорытии Свирского канала.

Все они одновременны и общи по своему характеру (по форме хозяйства) и относятся ко времени суббореального периода, т. е. к концу 3-го и началу 2-го тысячелетия до нашей эры.

А. ЛИНЕВСКИЙ

ПРОМЫСЛА ДРЕВНЕЙ КАРЕЛИИ

1. ОХОТА НА СУХОПУТНОГО ЗВЕРЯ

Изучая промысел на суше, легко заметить, что из всех животных, изображения которых выбиты на скалах Карелии, олень и лось занимают у доисторических художников главное место среди прочих сухопутных животных.

Почему главное внимание уделялось видам промысла за этими животными? Свойство лосей и особенно оленей — стадность, затем характерная для обеих пород наклонность протаптывать тропы к воде, стремление лосей всю зиму держаться в определенном районе — позволяли человеку существовать этим объектом промысла.

Петроглифы Беломорского побережья указывают, что промысел производился следующим способами:

а) Метание дротика и копья (табл. VII).

б) Применение стрел.

в) Метание камней.

г) Применение какой-то западни, обхватывающей ноги.

Метание копья. Лосей обычно поражали, когда они направлялись к речке, проходя под деревьями, на которых их поджидали люди. Нам кажется, что такое ранение лося относится к приему самому безопасному и в то же время самому надежному. Метание копья сверху вниз прибавляет к силе, вложенной в удар, еще и вес копья и позволяет нанести надежное ранение в спину. В случае же неудачи охотник ничем не рисковал, оставаясь на дереве в полной безопасности от зверя.

Осколок, торчащий в спине как лося, так и лосихи (табл. VI, рис. 3) понятен. Кремневые орудия изготовлялись за отсутствием лучшего, из породы с посторонними включениями, что и играло главную роль в хрупкости наконечника. Археолог А. Я. Брюсов в своем отчете Главнауке о раскопках по Летнему берегу Белого моря пишет следующее: «Разбросанные на площади стоянок обломки наконечников, преимущественно нижней части их (считая за верхнюю часть — ранящий конец, *А. Л.*), доказывают, что охотники возвращались на стоянки с древками. Здесь, сидя у костров, они вынимали сломавшиеся каменные части из древков, бросали их и заменяли новыми, сделанными тут же. Во время охоты при ударе копьем кремневый наконечник мог легко переломиться».

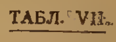
Метание стрел. Ранен стрелой в зад северный олень с типичным отростком рога над лбом и характерным прямоугольным туловищем (табл. VI, рис. 1).

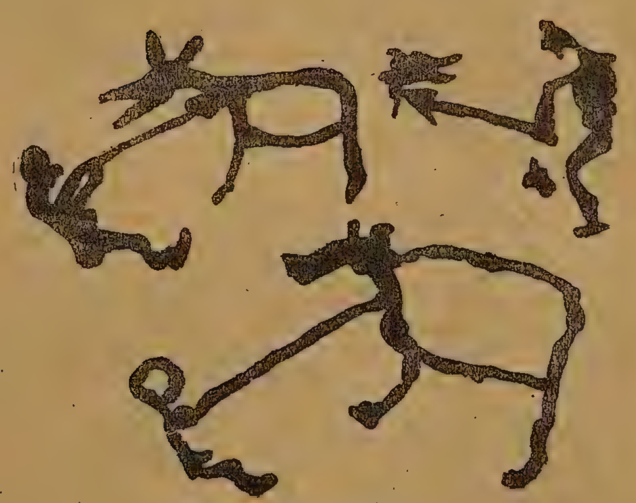
Намеком на существование ловушки с петлей являются изображения оленя со спутанными чем-то ногами (табл. VI, рис. 2). Ни один петроглиф Белого моря не указывает на ямы, ловушки или петли. Необходимо учесть чрезвычайную трудность технического выполнения подобной композиции и возможно, что под графой нерасшифрованных и испорченных изображений (20% к общему числу изображений) скрывается ряд непонятных нам промысловых приспособлений.

К описанию приемов ловли необходимо причислить способ подкрадывания к зверю, до сих пор сохранившийся на морском промысле за тюленями и моржами.

ТАБЛ. VI.

ТАБЛ. VII.

Карельские петроглифы.

Петроглифы Онежского озера не вносят в вышеуказанное ничего нового, но лишь подтверждают уже описанные формы.

а) Единоборство с оленем. — Охотник втыкал копье в горло животного (табл. VII).

б) Промысел на воде. Приведем к этому чукотский рассказ: «На воде увидел я троих (лосей), на челноке настиг, копьем убил одного, другие ушли. Лодка пришла, шесть человек насилу потащили на берег». Над головой переднего лося (точнее лосихи) выбита хвостяга,[1] которая еще недавно применялась на промысле за тюленем.

Нечто новое дает петроглиф, фиксирующий промысел во время наста. Отвислая верхняя губа лося указывает, что это самец, но он изображен без рог, следовательно, это октябрь, ноябрь, и не позднее весны (период, когда самцы ходят без рог). Охота за ним с помощью топора прямо указывает на глубокий снег, без чего едва ли охотник рискнул бы погнаться за зверем.

Пери-Нос фиксирует схватку человека с хищником, в горло которого направлено копье (табл. VII).

Малочисленность изображений хищных животных понятна исследователю. Первобытному человеку едва ли желательна встреча с ними. Любопытно, что нет ни одного изображения кабана, хотя об изобилии вепрей упоминается, как в летописях XI—XII века, так и в списке находок Иностранцева при раскопках на Ладожском озере.

2. ПРОМЫСЕЛ НА ПТИЦ

Самой многочисленной группой наскальных изображений являются фигуры птиц. Как на Белом море, так и на Онежском озере, весенняя охота на птицу являлась весьма существенной в самое голодное для охотника время года.

Гуси составляют предмет охоты весной, когда они держатся на поле у речных разливов. Гусь появляется с первым признаком установившейся весны еще до ледохода; во время же холода и прибыли воды станует на реке при разливах. Только когда вода тронется на убыль, трогаются в дальнейший путь и гусиные стаи.

Это скопление дичи в настоящее время отодвинуто человеком на самый крайний север. По описанию Иностранцева в середине XIX века: «Весной и осенью на Онежском озере останавливаются массы различных уток. Летом утки, гуси, лебеди во время линяния совсем лишаются способности летать в течение 2—3 недель. Тогда на них самая легкая охота. Расставляют между

---

[1] Хвостяга — орудие в виде вил с утолщением на рукоятке.

камышами сеть и заманивают птицу, бьют их палками и руками. Вероятно, дикари каменного века очень много охотились таким способом, тем более, что добыча зверя и лесной птицы в это время самая трудная».

Летописи и другие памятники письменности, упоминая о промысле на дичь, перечисляют и орудия этого промысла: тенето (оно же пругло), сеть (перевесь), словец (петля), кляпца.

О характере охоты на птиц можно судить и по этнографическим описаниям.

«Гиляки уток, гусей и других водяных птиц... в период линяния ловят сетками и прямо бьют палками». Точно также и в Вилюйском округе для уток употребляют петлю в так называемых «сухих озерах», где летом очень мало воды или она вовсе высыхает, ловят множество ленных (линяющих) гусей, загоняя в поставленный между двумя такими озерами невод. Подобное описание пользования сетями приведено у Сорокина, о том же говорит Максимов, описывая наш север: «В начале июня начинают линять гуси... Ловят сотнями, куда побежал один гусь, туда бегут и все».

Присутствие собаки, на что указывают петроглифы Онежского озера, позволяют допустить ее участие в промысле на дичь: «Якуты, в особенности тунгусы, ежегодно промышляют в большом количестве разного рода по преимуществу водяную птицу, которая летом и осенью доставляет населению богатую добычу. Главная охота на уток и гусей во время линяния производится с собаками. Нарочито для подсобной охоты приученные собаки весьма ценятся, потому что хорошая собака в состоянии прокормить небольшую семью в течение всего лета».

Ни беломорские, ни онежские петроглифы не дают ни одной композиции, где изображался бы человек во время промысла на дичь, хотя на морском и сухопутном промыслах мы встречаем ряд охотничьих сцен.

Отсутствие подобных изображений лишает нас возможности точно определить приемы охоты на птиц. Часто изображения дичи имеют вокруг себя изображение камней, очевидно, это является знаком метания камней в охоте за птицей.

Изображения сухопутной дичи встречаются очень редко, вся масса петроглифов данной группы состоит из лебедей (с утрированно-длинной шеей), гусей, уток, целых стай и выводков. Больше половины из них, как уже указывалось, изображено с метательным ядром около туловища. Отдельные изображения усеяны рядом камней вокруг тела птицы.

В главе о капканах мы указываем, что один из типов этого снаряда, повидимому, предназначен для ловли птиц. На это указывает петроглиф, изображающий лебедя в капкане с прямыми рычагами.

Кроме метательных ядер и капканов, в число инвентаря Онежского озера, повидимому, входили метательные палки. Одни из

них напоминают по форме известные бумеранги, другие довольно тесно сближаются с типом «чекпар» казахов.

Петроглифы дают новый тип орудия, кажется, используемого лишь на дичь. Весь снаряд в целом, повидимому, состоял из метательной рамы, которую рука охотника держала за середину. В ее концы вкладывалась метательная часть орудия, имевшая с одной стороны заостренный конец, а с другой — утолщенное тело.

Этот метательный снаряд, изготовленный нами в натуре, показал прекрасные боевые свойства. Деревянная рама во много увеличивает размах и силу в метании этого снаряда. Пользоваться им приходится таким же способом, как всеми метательными орудиями.

3. ОЗЕРНО-РЕЧНОЕ РЫБОЛОВСТВО

Самым древним видом рыболовства надо считать до сих пор существующие в Карелии «заколы». Так, например, на Беломорском побережье, там где вдоль берега дно моря имеет лишь незначительный скат, население делает изгородь из ельника и жердей, с кое-где вставленными вершами. После отлива, бродя по пояс в воде, люди осматривают ловушки — не попала ли туда рыба после прилива воды. Такого же типа промысел существует до сих пор на многих реках.

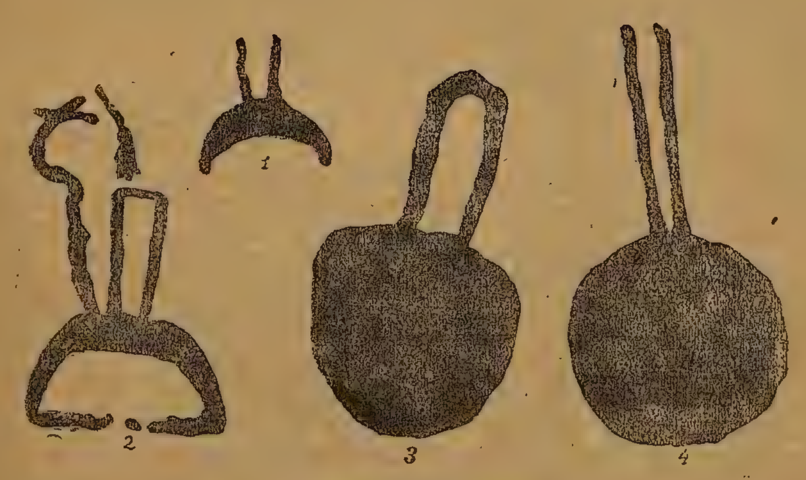
Промысел «забором». Семга из океана идет метать икру в реку Поньгому, где встречается «забор» — неширокая речка перерезана поперек заградой из хвороста и хвойных жердей, плотно прикрепленных к двум слегам — длинным бревнам, которые сходятся между собой под углом. В эту вершину угла (обращенной в верхнюю сторону реки) вставляется верша из прутьев. Внутри этой верши привязывается язык-сетка для того, чтобы помешать обратному выходу рыбы. Чтобы вода не могла развалить забор, на верхние бревна накладываются тяжелые камни. В Умбе, на Терском берегу, ставится забор огромных размеров: при взгляде с горы он кажется мостом, настолько широким, что по нему можно свободно ходить в ряд четырем человекам. «Кротят» (бьют) семгу деревянной колотушкой.

Пушкарев, изучивший в XIX веке рыболовство бассейна Онежского озера, пишет следующее: «Как у Подпорожья, в 12 верстах вверх по реке Водле, так и ниже до самого устья реки Водлы существуют три периода рыбного промысла: весенний лов лосося, осенний — сига, зимний — налима. Дно реки Водлы сохраняет следы давнего промысла. В одной версте выше Подпорожья находится знаменитый своими некогда значительными уловами порог Миневец... Закол на пороге Миневце от каждого берега состоит из двух половин, между которыми оставляется свободное пространство. Последнее, впрочем, почти

ТАБЛ. VIII.

ТАБЛ. IX.

Карельские петроглифы.

сплошь завалено камнями, которые вернее всего, что нарочно затащены (по Даниловскому, до 1.000 пудов камня)». Таким образом все данные говорят за рыбные промыслы.

Петроглифы Онежского озера дают нам ряд изображений промысла на рыбу:

1. Метание остроги (табл. VIII, рис. 1).
2. Метание трезубца (табл. VIII, рис. 2).
3. Оглушение ударом пешни о тонкий лед (табл. VIII, рис. 3).

Наиболее поздний прием рыболовства — лов сетями. Он появляется, судя по отпечаткам на стенках сосудов, в 1-м тысячелетии до нашей эры.

4. МОРСКИЕ ПРОМЫСЛЫ

То обстоятельство, что сельдь дважды в год устремляется в Сорокскую бухту Белого моря, вызывало передвижение вслед за ней тех морских животных, которые этой рыбой питались. «В Сорокскую губу испокон веков является один род сельдей — галодья, — писал путешественник XVIII века. Она приходит в Сороку... обыкновенно в осенние месяца, начиная с сентября и кончая серединой ноября. В Сорокскую губу заходит такое количество сельдей, что, по словам туземцев, вода густеет... Сие стадо (сельдей, *А. Л.*) окружается со всех сторон макрелями, сойдой, пикшуями, треской, семгой, палтусами и многими другими плотоядными. Оных окружают звери водоземные: нерпы, серки, тюлени и др. А сих стесняют звери рыбоводные — белухи, акулы, касатки, кашолоты и других родов киты» (это старинное описание цитируется по Максимову, «Год на севере»).[1]

Нам неизвестно, промышляли ли сельдь творцы Беломорских петроглифов. Одно изображение дает указание на использование не то короткой сети, не то корзины, что делает лов вполне возможным. Зато до сих пор существующие залежки морских зверей на Белом море прямо указывают, что петроглифы, изображая охоту на моржа, тюленя, белуху и китов, являются правдивым отражением действительности.

Простейший вид промысла на морского зверя состоит в том, что промышленник обходит побережье в надежде найти выкинутую волной добычу. «На моей памяти зашел кит по воде (за рыбой знать за мелкой погнался) да и замешкался», — вспоминал один беломорский рыбак. — «Вода то его не подождала — пошла на убыль, он и сел на мели. Нас, что было — все высыпали, да на него с топорами, с ножами, со скребками. Рубили мы его часов пять и много вырубили: из одного языка 80 пудов сала вытопили!» Также случается «обсохнуть» и белухе.

---

[1] Цитаты из Максимова подверглись некоторым сокращениям.

Самой простой охотой, не требующей особых сложных приготовлений, надо считать промысел на моржа и тюленя в период так называемых залежек. Под конец зимы тюлени выбираются на обширные льдины, где лежат иногда многочисленными стадами в 500 или 600 голов вместе.

Образ жизни моржа чрезвычайно облегчает промысел на них. «Ходят они от веков стадами («юровами»)... ходят они по весне на полой воде. По летам бьют его в воде, когда лезет он на берег чесаться, потому что проедают на ту пору ему кожу кокшаки-червяки. По осени морж на льдину идет детенышей выводить, а летом вылезает он из воды, выползает на берег и ляжет, другой ляжет рядом, третий, четвертый, а вылезет из воды который, да увидит, что другой залег уже тут, возьмет тинками (ластами), да и отодвинет моржа, а сам на его место ляжет. Этак-то накладут они такую залежку, что который первый вылез версты за две уже от берега очутился. Спит морж крепко, очень крепко и спит ли, не спит ли морж, а ревет бычьим голосом». (Из описания Максимова «Год на Севере»).

Зверя в эту пору бьют или подъезжая на лодке с воды, или подползая к нему по суше. «На Устинском промысле хорошо коли сильные ветры сопрут льдины к берегу. Зверю тут выхода не бывает, бежать ему некуда, воды кругом нет. Тут в дело пускаем хвостягу... Зверя мы окружим со всех сторон, юрово (стадо) видит, что дело пропащее... лезут друг на друга, делают большие груды... тут не зевай, колоти сподручнее их в куче, а то проломят лед. Бей их прямо в голову». Чтобы подползти к зверю, на Белом море держат впереди себя обледененную со снегом доску.

Промысел на моржа нередко превращался в целый поход, когда промышленники имели достаточное оборудование, чтобы уйти вглубь. «Гораздо значительнее... весновальный промысел. Сначала промышленные артели отправляются в дальний путь на льдинах, на которых и живут по месяцу, по два, а случается, что ветер унесет льдину и дальше. Нередко весновальные промышленники попадают на противоположный берег Белого моря. Лодки на этом промысле употребляются очень маленькие, соответственно этому и артели составляются из двух-трех человек». Кожа моржей идет, как отличный материал для ремней, употребляют ремни в оленью упряжку, для тросов при ловле того же моржа. Мелкое зубье идет на костяные изделия, клыки и кости порой весят до 20 кг.

Промысел за тюленем, по сравнению с охотой на моржа, гораздо проще, но в то же время не продуктивен. Ненцы ловят, выжидая его, лежа целыми сутками в лодке.

До сих пор мы касались промысла за морским зверем артелями. Максимов описывает этот промысел одиночными охотниками следующим образом: «Едут больше двое, один гребет назад от себя, чтобы меньше шумела вода, не разбудила бы

зверя (который предполагается спит на льдине, *А. Л.*)... Кутилом моржа не возьмешь, самый острый носок застрянет между морщинами из-за его особо толстой кожи... Когда подъедешь к моржу, то будишь его криком. Он вздрагивает, выправит складки на теле — тогда бросай ему в зашеек спицу (кутило), в зашейке у моржа отверстие. Зверь сейчас же на утек. Тут метальщик лишь успевай выкидывать весь трос с баклажкой в ту сторону, куда морж уплыл, а весельщик умей во время отскочить, отгрести лодку, а то упадет зверь в суденышко, добра мало. Раненый морж гневен, сунется в воду и опять кверху лезет, потому что рассол ему разъедает рану, а баклажка далеко в глубь не пускает... А выстанет он из воды... бери на затин, умей во время из лодки на берег на льдину выскочить, умей пешню крепко упереть об лед и обматывай на нее трос (ремень, который соединяет зверя с промышленником)... Вскоре зверю идти некуда, он устал и ремень уже весь почти намотан на пешню. Морж ревет так зычно, что уши ломит... на льдину лезет, пугает тебя, пока ты его не убьешь». (Максимов, «Год на Севере»).

Петроглифы дают нам изображение лодок с тремя ловцами, промышляющими китов.

Китолов всегда старается напасть на кита, когда последний спит, и в случае успеха при свежем попутном ветре, люди пристают к его спине, и гарпун глубоко вонзается в его тело. Этот момент изображен на петроглифах (гарпунщик вонзает гарпун в хвост китенка).

Таков в общих словах промысел на морских зверей.

В заключение отметим факт консерватизма промысловых форм севера, начиная от приема бить кита в хвост, моржа — в загривок и выезда на промысел моржа (чаще всего) вдвоем в лодке, а на кита тремя промышленниками. Сюда же надо прибавить дошедшие до наших дней промысловые орудия: хвостягу, пешню, трезубец. До нашей поры не дошло лишь одно орудие — костяной гарпун, вытесненный в свое время железным кутилом.

А. ЛИНЕВСКИЙ

САМОЛОВЫ

Самоловы или капка́ны, т. е. орудия, которые механически защемляют попавшую в них добычу, неизвестны по археологическим раскопкам Карелии.

Поэтому, выбитые на скалах Онежского озера петроглифы самоловов являются уникальными изображениями прообраза со-

временных капканов, дошедших до наших дней под именем «кляпцей».

Приведем обстоятельное описание кляпцей, сделанное С. Г. Нат, лично ими пользовавшимся: ...«В прежнее время по следу старого лыжника (которым рысь предпочитает пользоваться в своих скитаниях в лесу), ставились «кляпчи» — древнее орудие лова. Принцип кляпчи — рычаг, снабженный на конце тремя гарпуновидными зубьями: рычаг приводится в быстрое движение упругостью скрученных жил из крепкой бичевы. Насторожка делается усилием ноги, причем спусковой механизм состоит из двух рычажков. К более длинному прикрепляется нитка, которую должно задеть животное. Тогда гарпуновидный рычаг кляпчи освобождается и с громадной силой опускается в область шеи или спины животного, которое (если не будет убито тут же) уже не сможет освободиться от зубьев рычага, проникающих на 2—3 вершка в тело зверя».

Разберем теперь устройство капкана доисторического человека Карелии. Эти капканы выбиты на скалах Пери-Носа, Онежского озера в количестве свыше трех десятков. Есть целая скала, покрытая изображениями этих ловушек.

Онежские капканы имеют два основных типа: один из них с прямыми рычагами (табл. IX, рис. 1 и 4), у другого типа эти рычаги вогнуты и образуют дугу (табл. IX, рис. 2 и 3).

Последний вид капканов, повидимому, был приспособлен к крупным животным, для которых рычаги в виде дуги надежнее, так как при всей упругости оленьей жилы все же нельзя достигнуть такой силы удара, чтобы насмерть задавить волка; этот капкан для хищника мог использоваться как цепкая ловушка, в которой зверь подыхал от голода.

Капканы с петлеобразными рычагами, в свою очередь, делятся на орудия с плахой в форме полумесяца (табл. IX, рис. 2), повидимому, для хищных зверей и с плахой в виде ядра (табл. IX, рис. 3). Последняя форма опять раздваивается: один тип имел рычаги, складывающиеся в кольцо, предназначенное для ног или лап зверя (табл. IX, рис. 3), а другой с длинными рычагами сдавливал туловище животного (табл. IX, рис. 4).

Форма плахи в виде полумесяца (табл. IX, рис. 1) создавалась, повидимому, для того, чтобы капкан острыми концами втыкать в землю. Попавшийся хищник опрокидывался на бок и тем самым лишал себя точки опоры для ног, то есть он попадал в самое невыгодное для него положение. Если плаху лишить этого выреза, она своей тяжестью задержала бы добычу от паденья набок и хищник, упираясь ногами о землю, имел бы больше возможности вырваться на свободу.

Современное применение капканов у коми, на Печоре, у пермяков позволяет дополнить формы пользования этими древними орудиями лова. Например, на Среднем Урале оленей

ловят капканами по глубокому снегу: «капкан весит не более 18—20 фунтов и ничем не отличается, кроме большой величины, от волчьих или лисьих. Ставят их обыкновенно в ельниках на тропах или на переходах».

По всем данным, капканы с круглой плахой и кольцеобразными рычагами (табл. IX, рис. 3) предназначались для мягкой и круглой лапы волка, которая сильно утолщается в пальцах. «Зимой волк ловится капканами. Волк попадает в капкан всегда одной ногой и уносит за собой капкан в лес, где за ним гонятся звероловы».

Самоловы, кое-где еще уцелевшие в охотничьем хозяйстве по окраинам севера СССР, бытовали не одно тысячелетие.

На наш взгляд капканы (механические ловушки) являются ценным показателем относительно высокого развития общества. Несомненно есть разница в степени обеспеченности добычей между охотником, существующим лишь на ту добычу, что он убьет ударом руки и тем охотником, у которого раскинута по лесу не одна сотня механических ловушек.

Не имея капканов, бродячий охотник вынужден весь день тратить на поиски добычи. Зато ловушки, если их много, обеспечат промышленника запасами, необходимыми в непромысловое время. Запасы создают обеспеченное существование, а последнее вызывает развитие тех разнообразных общественных функций, которые не могут развиваться в среде, члены которой вынуждены тратить время целиком на ежедневную борьбу за возможность своего существования.

Отсюда делается ясным громадная роль механических ловушек в развитии культуры на этой стадии человечества.

А. ЛИНЕВСКИЙ

ВЕРОВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ КАРЕЛИИ ПО ПЕТРОГЛИФАМ

Рисунки на скалах Карелии, так называемые петроглифы, выбиты примерно 3—2 тысячи лет назад. Мотивом их создания было убеждение, что достаточно сделать рисунок животного или человека, проговорить определенные словесные формулы и можно будет влиять на живой оригинал сделанного изображения.

Естественно, что такие изображения имели для охотника особенное «практическое» значение в районах периодического скопления промыслов. И действительно, группы таких наскальных

изображений мы найдем в местах наибольшей концентрации рыбы во время нереста и прилетной дичи.

Одна из крупнейших рек Карелии Выг, в семи километрах от устья, встречает преграду в виде гранитной гряды, которая образует поперек реки островок Шойрукшин. Сильное течение воды (в этом месте большой скат) пробивается сквозь два промежутка между берегами реки и островком. Один промежуток образует водопад, другой — порог Шойрукшу. Рыба, идущая для нереста из Белого моря в реку, наталкивается на сильнейшие струи порога и отвесную стену водопада. Она массой скапливалась перед островком, на одной из скал которого выбито свыше 300 рисунков (петроглифов) — «Бесовы следки».

На восточном берегу Онежского озера существует залив Чура, образуемый двумя выступающими далеко в озеро мысами Пери и Бесовым, вследствие чего этот залив освобождается от льда раньше других мест восточного побережья озера. Названные мысы покрыты свыше полутысячей рисунков, в числе их очень много изображений прилетной дичи, которая останавливалась в заливе, ожидая дальнейшей весны.

Места, где скапливались промышленники за промыслом рыбы и дичи, 3—2 тысячи лет назад являлись местами культа. К этому выводу приводит изучение рисунков, выбитых на этих скалах художником древней Карелии. По характеру своих верований он был анимист, т. е. верил, что природа — камни, вода, леса, ветры и т. д. являются живыми существами, и каждое дерево или камень имеет свою особую душу, разум, язык и является для человека вредным или полезным.

Сделав изображение лося и, попав в него копьем, охотник был убежден, что он фактически ранил живого лося, который ему попадется в ближайшей охоте. Вот почему большое количество изображений промысловых животных пострадало от выбоины, образовавшейся от удара по рисунку. Иные петроглифы животных изображены с орудиями ранения (табл. VI, VII и VIII) третьи показывают животных убитыми, что достигалось высеканием на скале изображения головою вниз и т. д.

Кроме таких магических приемов для овладевания объектами промысла, первобытный человек был озабочен борьбою со злыми духами. Изображая их, художник наносил повреждения конечностям духов, чтобы тот или иной «бес» не мог бы двигаться, заболел бы и т. д.

Однако, кроме злых божеств, анимист древней Карелии знал благоприятных к нему «хозяев», их он изображал также в виде звероподобного или человекообразного существа, никогда при этом не нанося повреждения рисунку. Некоторых из «добрых духов» охотник кормил. Так например, «бесу» с Бесова носа сделан рот в разветвлении двух расщелин, края которых обиты, чтобы увеличить отверстие рта.

По некоторым признакам, разные скалы Онежского озера

были предназначены определенным видам промысловых животных (например, Карецкий нос обращает на себя внимание парами лосей, а мыс Кладовец обилием дичи). Очевидно, уже 3—2 тысячи лет назад были разнообразные религиозные церемонии.

К этому предположению приводит также и тот факт, что божества изображались разной величины и, например, из 500 рисунков лишь три выбиты размером свыше 2,5 м: «бес», выдра и налим. Выдра была вредным животным, поедающим яйца дичи, уничтожающим выводки, разгоняющим добычу. Зато налим подходил из озера к берегу в самое голодное время (поздняя осень, ранняя зима) и был основной пищей населения. Эти три самых крупных изображения окружены рисунками объектов приносимых им жертвоприношений: лосями, оленями, лебедями, утками.

Таким образом, культы древней Карелии были созданы по чисто практическим причинам — невысокая техника лова, случайности существования охотой вызывали поверия о милости или мстительности того или иного духа. Анимист пытался урегулировать свои взаимоотношения с ним, так как по анимистическим представлениям каждый «дух» («хозяин») вел такой же образ жизни и имел такую же психику, как и сам промышленник.

Г. ГРОЗДИЛОВ

КУРГАНЫ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛЬСКОЙ АССР

Курганы, кроме костных остатков покойника, благодаря верованиям того времени, дают могильный инвентарь. В загробный мир умершему «требовались» вещи, которыми он пользовался при жизни, а потому при погребении их клали в могилу. Неодинаковое количество вещей в могиле являлось результатом имущественного неравенства. Кроме того, нередко богатые захоронения отмечались специальными, более высокими земляными насыпями, чем другие курганы. Это выделяет их из общей массы более бедных захоронений в данном могильнике.

Процесс роста имущественного неравенства, по сравнению с предыдущими общественными этапами (до IX в.), выявляется предметами неместного происхождения: особое вооружение, бронзовые и серебряные украшения одежды встречаются лишь в отдельных курганах, чем последние выделяются среди других находок местного производства. Привозные предметы обычно

скандинавского происхождения: массивные железные мечи с короткими рукоятками (табл. X, рис. 1), обложенными обычно серебряной проволокой и оканчивающимися особыми навершениями, часто украшенными золотым и серебряным плетением или чернью, в виде сложного растительного орнамента. На некоторых из них имеются надписи, или вернее клейма мастера, сделавшего меч. Чтение клейм указывает на западное происхождение как мечей, так и некоторых предметов украшений (табл. X, рис. 7—10). Вещи попадали в район юго-восточного Приладожья и некоторые районы Карелии, в результате обмена местного населения с норманнами-варягами, отмеченными в русской начальной летописи.

Для района юго-восточного Приладожья, а также и Карелии, вряд ли можно говорить о каких-либо норманнских колониях, так как предметы вооружения и некоторых украшений скандинавского происхождения, найденные в курганных могильниках IX—XI вв. в южном Приладожье и части Карелии являются единичными и резко выделяются среди предметов местного производства, количественно преобладающими над ними.

Что же дали раскопки курганов в Карелии? Археологические работы, проведенные после Социалистической Революции в Видлицком и Олонецком районах, а также на северо-восточном берегу Онежского озера, дали возможность открыть новые памятники материальной культуры.

Древнейшие памятники, представленные десятками курганов вблизи деревни Капшейла, Гиттола и Гомала на р. Олонке вскрывают достаточно полно картину дохристианского обряда захоронения, а найденные при раскопках вещи, положенные с умершими, характеризуют быт и, в некоторых случаях, хозяйственную деятельность местного населения.

Древнейший обряд погребения — трупосожжение на костре: после сжигания мелкие кости и предметы собирались в берестяную коробку или горшок (а иногда и просто без посуды), кости клали кучкой на земляную искусственную насыпь и совершали обряд тризны. Следы поминок устанавливаются в курганной насыпи остатками костра и нередко железным котлом (табл. XI, рис. 1), который подвешивали железной цепью, железной сковородой, лопатой, сковородником. После окончания тризны насыпали могильный холм. Среди предметов, найденных в погребениях, кроме местных карельских, встречены в небольшом количестве предметы скандинавского происхождения. Например, массивные застежки, так называемые фибулы, в виде чашек, на обратной стороне которых имеются иглы для скрепления одежды, застежки всегда покрыты сложным орнаментом в виде плетения (табл. X, рис. 7—10). Такие предметы попадали сюда в результате обмена.

Из каких вещей состоит прочий могильный инвентарь? Это железные боевые топоры (табл. X, рис. 3), железные наконеч-

ники стрел и копий (табл. X, рис. 4—6), бронзовые и железные пряжки от поясов (табл. XI, рис. 8), огнива для высекания огня (табл. XI, рис. 11), каменные точилки, железные ключи, служившие в качестве подвесок, застежки в виде колец с иглой, ножи, глиняные горшки (табл. XI, рис. 14—15). Все перечисленные предметы встречаются, главным образом, в мужских погребениях. Женские погребения содержат также ножички, реже предметы вооружения и в значительном большинстве украшения, представленные в виде ожерелий из стеклянных и пастовых разноцветных бус с бронзовыми подвесками-всадниками, фигурками животных и птиц (табл. XI, рис. 5, 7, 13), игольники (табл. XI, рис. 6), уховертки, бубенчики, костяные гребни (табл. XI, рис. 4) и другие предметы.

Наряду с обрядом трупосожжения, существовал обряд положения умершего на спине в вытянутом положении с засыпкой сверху насыпью земли в виде небольших холмиков, близко расположенных друг от друга. Но количество насыпей для этого времени в одном могильнике незначительно.

Иные данные в более поздних курганах XI—XIII вв. в Видлицком районе на рр. Тулоксе и Видлице. Лучше всего эти курганы выражены в группе у села Видлицы. Они представляют невысокие насыпи очень расплывчатых обычно круглых очертаний, близко соприкасающихся между собою. В таких насыпях захоронены несожженные трупы, заключенные в срубы из одного ряда бревен. Вместе с покойниками клали вещи, но уже в меньшем количестве.

Еще более поздний характер имеет курганный могильник у деревни Большие Горы (Нижний Конец). Насыпи здесь по своим размерам незначительны и также содержат скелеты, заключенные в низкие и узкие срубы. Железные мотыги, найденные в некоторых погребениях, указывают на земледелие. В более южных районах у Ладожского озера, в курганах XI—XIII вв. и позднее встречены железные сошки и серпы.

Археологическими раскопками в этих районах обнаружены и еще более поздние памятники, уже без признаков курганных насыпей, а представляющих грунтовые ямы, т. е. кладбища, где покойник хоронился в грубо сколоченных гробах, обычно по христианскому обряду, но все еще с языческими пережитками, что доказывается могильным инвентарем.

Неменьший интерес представляет курганный могильник близ села Челмужи на Онежском озере, раскопанный в 1934 году. Это древнее дохристианское кладбище из 12—13 невысоких искусственных холмов, расположенных вблизи друг от друга, вдоль края старого русла реки Немены, занимающее в общем площадь 80×30 м. В северной части могильника сосредоточивались более крупные курганы высотой до 2 м при диаметре высотой до 7—10 м. Курганный могильник в значительной части разрушен хозяйственными работами и только

Предметы, найденные в курганах на территории Карелии.

пять насыпей оказались целыми. Исследование Челмужского курганного могильника вносит новые данные в историю северного Заонежья.

Раскопками Челмужских курганов обнаружены три способа захоронения: 1) трупосожжения в насыпи, широко известного в южном Приладожье и в южной части Карельской АССР (на р. Олонке), 2) коллективного трупосожжения в большом деревянном срубе, опущенном в грунтовую яму под насыпью и 3) погребения в вытянутом положении на поверхности земли с обкладкой из дерева по сторонам покойника.

Трупосожжение производилось на стороне, вне могильника, как это наблюдается, например, в южном Приладожье. После сжигания мелкие обожженные человеческие кости собирались обычно с вещами, также побывавшими в огне и затем переносились в насыпь кургана. Здесь устраивалась тризна, после чего погребение засыпалось сверху землей.

В погребении, найденном в центральной части кургана, кроме кучки пережженных костей человека найдены: бронзовый браслет и украшения для скрепления одежды (табл. XI, рис. 5), оплавленные от действия огня стеклянные пастовые бусы, бронзовая бляшка, полая подвеска в виде уточки, а также горшок из грубой глины с примесью дресвы, сделанный от руки техникой налепа.

Коллективные погребения в деревянном срубе, опущенном в яму и сверху прикрытом земляной насыпью этого времени до сих пор не обнаруживались. Устройство сруба, открытого во время раскопок, состояло из трех вертикальных стенок (четвертая отсутствовала), покрытых сверху слегка наклонной крышей, образованной из трех продольных бревен, положенных на одно поперечное бревно, сверху бревен наблюдалось перекрытие из бересты. Дно ямы под срубом выстлано также берестой. Две боковые внутренние, наклонно стесанные стенки придавали срубу ладьеобразную форму. Деревянное могильное сооружение с очагом из перекаленных камней на месте отсутствующей (четвертой) стенки сруба, служившей входом в этот сруб, воспроизводит жилище-землянку, так называемую «трехстенку». Остатки деревянных сооружений, большей частью в виде обкладки по бокам покойника, вообще явление весьма часто наблюдаемое в курганах Ленинградской области. Однако, ладьеобразная форма сруба-землянки с очагом встречена здесь впервые.

Относительно хорошая сохранность сруба позволила определить его своеобразную конструкцию. Внутри сруба, на дне ямы, были обнаружены три человеческих скелета в вытянутом положении, на спине, головой на юг. Один из скелетов, принадлежащий мужчине, находился у восточной стенки, два же других, женский и мужской, находились рядом

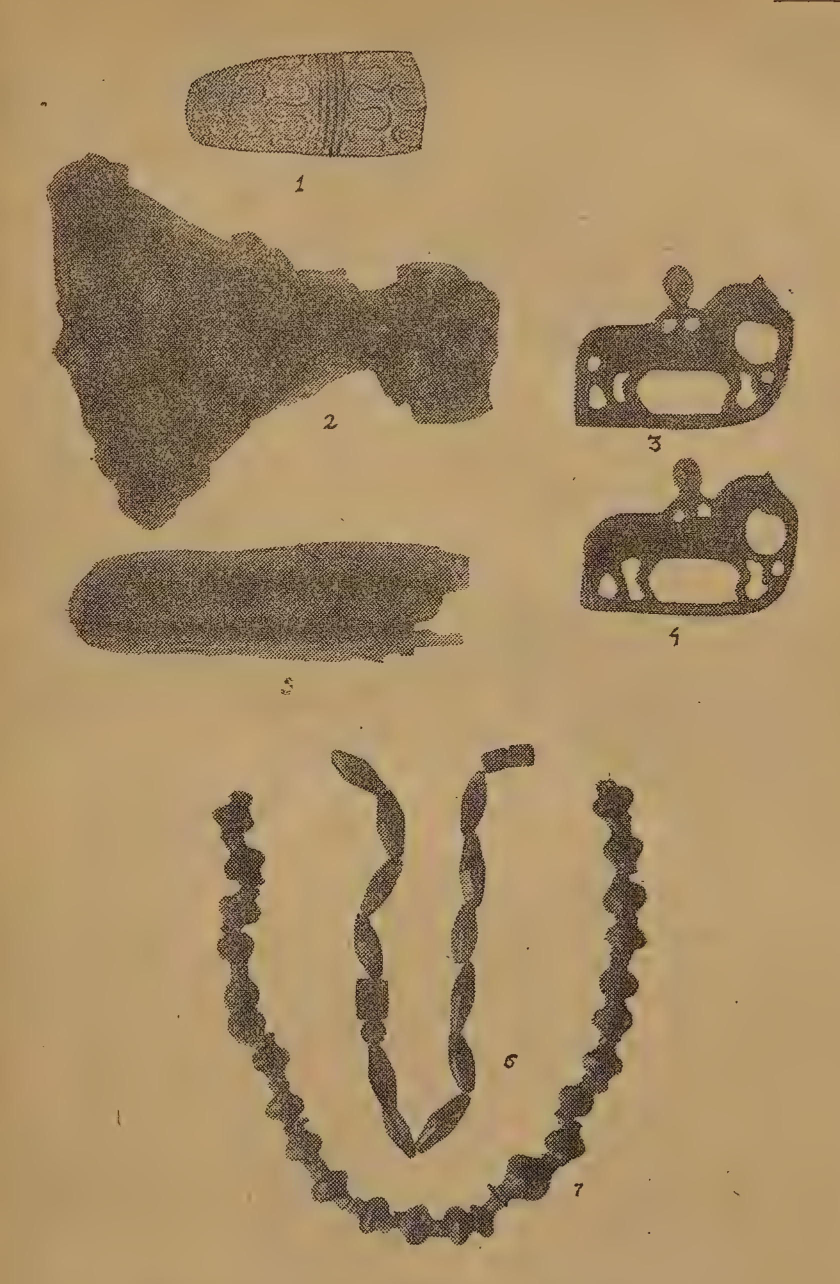

Предметы, найденные в курганах на территории Карелии.

один с другим у западной стенки. Погребение всех трех скелетов произведено одновременно, так как никаких следов вторичного раскапывания могильного сооружения не имеется. В головах всех трех скелетов стояли грубые глиняные горшки. В ногах мужского скелета обнаружен очаг, сложенный из небольших булыжников, очень сильно обожженных, легко раскалывающихся. Камни очага, повидимому, принесены в сруб обожженными, так как ни следов угля, ни пепла в очаге не обнаружено. При каждом скелете находились бронзовые и железные вещи. У мужского скелета, у черепа справа, маленькая полая серебряная буса. У пояса — бронзовая пряжка от ремня. Рядом с пряжкой лежал точильный брусок с отверстием, а под ним бронзовое кресало, представляющее прорезную пластинку в виде двух борющихся медведей. По одному краю вложен железный вкладыш, служившей для высечения огня. Здесь же был найден кусок кремня и нож с серебряной обмоткой на рукояти. Повидимому, все предметы были подвешены к поясу. Ниже пояса, справа у ноги, лежал массивный железный топор, обращенный обухом к скелету в шерстяном мешечке или чехле, имевшем специальную костяную обойму для лезвия (табл. XII, рис. 2). Рукоять топора не сохранилась. Вероятно, топор являлся боевым оружием умершего. У головы стояли два глиняных горшка. На женском погребении этого кургана найдены следующие предметы украшения: 1) у черепа, справа и слева, по небольшому серебряному проволочному колечку, в области шеи, несколько ниже, ожерелья (табл. XII, рис. 6—7), состоявшие из крупных сердоликовых, разноцветных стеклянных и пастовых бус, и кроме того, мелкий цветной бисер до 440 штук. В состав ожерелья входили 4 западно-европейские серебряные монеты и три арабских серебряных диргема. Определение монет произведено нумизматическим отделом Гос. Эрмитажа. Диргемы: 1) Саманидский, Нух II ибн Махсур, 878 г., 2) Саманидский, Нух-ибн Наф Самарканд, 3) Варварское подражание саманидскому диргему. Западно-европейские монеты следующей чеканки: 1) Германия, Бавария Наббург, герцог Генрих III, 985 — 995 гг., 2) Германия, Бавария, Генрих II, 982—985 гг., 3) и 4) Чехия, Болеслав I, 935—967 гг. На плечах по бронзовой застежке с остатком ткани. На руках — два широких пластинчатых браслета. Интересен пояс, состоящий из двух ниток бронзовых бус, концы которых спускались вдоль ноги[1]. Здесь же, повидимому, были привешены 4 литые бронзовые подвеска в виде всадника (табл. XII, рис. 3—4), попирающего ногами змею; рядом с ними бронзовое полушарие, с рельефным орнаментом, возможно служившее обоймой для кисти. Под подвесками бронзовая полая трубочка и овальная бляшка. Справа от погребения нож железный. Находившийся рядом

---

[1] Такого рода бусы в курганах южного Приладожья обычно входят в состав ожерелья.

Предметы, найденные в курганах на территории Карелии.

с женским погребением мужской скелет также имел ряд вещей. У пояса — остатки кожаного мешечка, по краям украшенного бронзовыми пластинками. Поверхность кожи имеет тиснение, в виде чешуи рыбы. На мешечке находился обтесанный кремень, а рядом с ним костяной орнаментированный гребень с вкладышем (табл. XII, рис. 5). Под мешечком найдены: железный нож в кожаном чехле с бронзовой обоймой по краю и точильный брусок с отверстием; между ними бронзовое фигурное кресало. Справа от скелета лежала бронзовая пряжка от пояса. Повидимому, все эти предметы были подвешены к поясу. Около правого колена лежал массивный железный топор, обращенный лезвием к скелету. Ниже его находился повернутый острием к ногам скелета железный наконечник копья. В головах покойника стояли три горшка из грубой глины с примесью дресвы. Горшки сделаны от руки, техникой налепа, вероятно без употребления гончарного круга.

Третий вид обряда погребения, наблюдавшийся в раскопках курганного могильника вблизи села Челмужи представляет несколько иной тип. Умершего клали на поверхность земли, заключали в узкий сруб из тонких бревен или вытесанных плах, а затем возводили насыпь. Сруб сложен из одного ряда вырубленных в чашку бревен. Сверху сруб накрыт берестой. Внутри одного из таких срубов обнаружено женское погребение вместе с детским. На скелете в области шеи — ожерелье из разноцветных стеклянных и сердоликовых (бипирамидальной формы) бус, общим числом 145, слева и справа у черепа по серебряному височному проволочному кольцу с небольшими овально-ромбическими щитками, так называемого кривичского или новгородского типа. В составе ожерелья три западно-европейских монеты, служивших в качестве подвесок: 1) Англия, Этельред II, 978—1016 г., 2) Чехия, Вратислав II, 1054—1092 гг. и три византийские монеты — императоров Константина II и Романа II, 945—957 гг., императоров Василия II и Константина VII и императора Иоанна Цимисхия, 967—976 гг. Среди бус бронзовая миниатюрная застежка, с привешенными к ней тремя бронзовыми цепочками, заканчивающимися каждая привесками в виде двух крестов четырехконечной формы и выпуклой фигурки всадника на конце, держащей в правой руке боевой топор, а в левой — предмет неясной формы, может быть, щит. На руках найдены по бронзовому узкому браслету с головками животных на концах и по одному пластинчатому серебряному перстню. В области пояса лежало сложенное украшение, состоящее из бронзового кольца с цепочкой и подвешенными к ней деревянной палочкой с бронзовой орнаментированной оковкой, тремя бронзовыми ключами-подвесками, семью бронзовыми спиральками-витушками, колокольчатой привеской, двумя бронзовыми ложечками-подвесками, и рядом с ними складной костяной гребень, украшенный нарезками. Вдоль правой ноги, на остатках ткани,

лежали несколько бронзовых бубенчиков, четыре бронзовые цепочки с подвесками в виде конька, креста и ложечки.

У детского скелета, лежавшего у пояса справа от женского погребения, также найдены различные бусы и у черепа проволочное серебряное колечко с тремя напущенными бусами.

Находки из раскопок курганов близ села Челмужи хорошо датируются найденными монетами X—XI вв. Ранний тип погребения, с обрядом сожжения на костре, широко известен не только на территории Карелии, но прослежен у славянских племен, и имеет ближайшую связь с курганами южного Приладожья. Характер находок из кургана с трупосожжением, а также из кургана с коллективным погребением в срубе, почти полностью совпадает по времени и культуре с упомянутыми курганами IX—X вв. В тоже время тип некоторых привесок, как например всадников на конях, указывает на установившуюся связь населения с районами Прикамья, где, повидимому, производились эти подвески, попавшие сюда в результате обмена. Вряд ли можно говорить в это время о влиянии Новгорода. Однако, позднее, в XI—XII вв., роль феодального новгородского городского центра подтверждается находками из женского погребения с монетами XI века, обнаруженными в кургане близ Челмужи, где находки имеют несколько иной характер.

Здесь следует прежде всего отметить наличие характерных височных колец с ромбическими щитками, колец с напущенными бусами, ряд подвесок и других предметов новгородского происхождения, связанных с кривичами или новгородскими славянами. Этнографический тип украшений одежды XI—XII вв. значительно разнится от более ранних находок, представленных в этом могильнике.

Н. БРАНДЕНБУРГ

ОПИСАНИЕ КУРГАНА С БОГАТЫМ ПОГРЕБЕНИЕМ

Курган окружностью 66 шагов, вышина — 3½ арш., грунт — песок, по всей подошве слой пепла. Северная сторона насыпи круче прочих.

1. От середины на юго-запад в 3 арш. на глубине 2 арш. выше подошвы найдены отдельно железный топор и бронзовый бубенчик.

2. От середины на юго-восток в 4 арш. близ подошвы (на ½ арш. выше) — немногие остатки скелета головой на юг; при

нем: около правого уха плоская серебряная серьга, а на шее остатки двух шейных обручей и монисто из бус с монетами и подвязками.

Один из обручей железный (в виде кольцеобразно согнутого прута), другой серебряный — в виде тонкой круговой пластинки, украшенной орнаментом из городков, монисто же составляли три серебряных монеты (из них две германских X века[1], а третья неизвестная испорчена), две плоских круглых бронзовых подвески с ушками (в последних следы ремешков), из которых на задней стороне одной остатки холста и несколько рядов мелких бус из композиции, вперемежку с крупными стекловидными и из сердолика.

У обоих плеч (ниже ключиц) — по небольшой бронзовой фибуле (типа скорлупообразных), соединенных длинной, спускавшейся ниже груди, кольчатой цепью, с остатками на них шерстяной ткани, причем рядом с правой находилась еще маленькая бронзовая кольцеобразная пряжка, а на груди — еще фибула серебряная, колесообразного вида и при обеих остатки такой же ткани.

Все это (т. е. верхняя часть туловища скелета) было покрыто древесной корой, сохранившей на себе отпечатки перечисленных украшений.

У правого бедра скелета (у таза) найдены отдельно: бронзовая трубочка с нагнанными на ней кольцами и ушком, — вероятно игольник, со следами на нем, повидимому, холста с остатками древесной коры, бронзовая боченкообразная пронизка, с остатками в ней ремешка, еще пронизка грушевидной формы, плоская подвеска в виде двулистника, складной костяной гребешок с колечком и остатком ремешка, небольшой железный ножик со следами на нем чехла или футляра и несколько обломков железа. Все это, по всей вероятности, было привешено на цепочке, соединявшей две упомянутых уже выше фибулы.

Кроме того, под позвоночным столбом скелета (близ оконечностей лопаток) найдена еще бронзовая со следами позолоты, фибула, формою в виде трилистника, с двумя подвешенными к ней на цепочках бубенчиками и остатками на ней ткани, а у левого берца — еще бубенчик и обломок тонкой бронзовой спирали.

3. Еще далее на юго-запад от середины в 6 арш. на ½ арш. выше подошвы — слой сожженных человеческих костей, в которых найден лишь обломок бронзовой проволоки.

Почти рядом с ним (на ½ арш. восточнее), на 1 арш. выше подошвы, другой слой сожженных же костей и в нем: плоский бронзовый браслет и обломки другого, обломки двух железных ножей, несколько перегорелых бус и, повидимому, остатки про-

[1] Одна Аугсбургская—епископа Лиутольфа, 987—996 гг., другая—Зальцбургская—герцога Генриха, 995—1002 гг.

стой шейной гривы из бронзовой проволоки. С вещами найдены также следы бересты.

4. От середины на юго-восток в 5 арш. на той же глубине, что и выше ($1/2$ арш. над подошвой), немногие остатки другого скелета, также головой на юг, при нем на шее плоский шейный обруч в виде серебряной круговой пластинки (такой же, как и выше) со следами на нем бересты, монисто из бус (сердоликовых и из композиции) с пятью восточными монетами и одной Аусбургской X века[1] и маленькая кольцеобразная бронзовая пряжка.

На правой стороне верхней части груди другая кольцеобразная же пряжка, ниже которой лежали один за другим 3 бубенчика и обломки железа, а у середины нижней части груди — третья такая же пряжка, с остатками на ней ткани.

Еще ниже (на месте живота) находились обломки кости руки, на которых найден (в остатках) род большого тонкого браслета, в виде согнутого из узкой серебряной ленты обруча, с застежками на концах и следы ткани, а далее к тазу еще один бубенчик, с правой стороны упомянутого браслета на $1/4$ арш. найден серебряный перстень, а правее бубенчика (несколько ниже) — железный ножик, с обтяжкой из серебряной проволоки на черенке и следами чехла или футляра.

Кроме того, с правой же стороны скелета найдены: у плеча — железный наконечник стрелы, а у таза — щитообразная бронзовая фибула с цепочкой и остатки ткани.

На всей грудной и ниже до таза части скелета, а равно и на боковой, остатки древесной коры, на которой сохранились отпечатки перечисленных предметов.

Рядом с описанным скелетом, в расстоянии от него на 1 арш. к западу лежал в таком же положении (головой на юг) еще другой, дурно сохранившийся скелет, при котором найдены у правого плеча — бронзовая подковообразная пряжка, с остатками на ней коры и шерстяной ткани; между грудью и тазом — также остатки коры, две бронзовые пуговки со следами ткани, бронзовое кольцо (с частицами, повидимому, холста) и поясная пряжка, а у таза маленький точильный оселок с отверстием.

Кроме того, с левой стороны скелета: у бедра — часть ножа в футляре, с проволочной обтяжкой на черенке, а близ плеча (в расстоянии 1 арш.) — железный топор.

5. В середине на $1/2$ арш. выше подошвы, огневище из слоя угля в виде полосы с севера на юг (длина 2, ширина $3/4$ арш.) на подошве из гравия, на южном конце огневища грубый горшок и рядом с последним — железное копье.

---

[1] Епископа Линтольфа, 987—996; восточные же представляют подделку монет Саманидских.

В. РАВДОНИКАС

ОБЩЕСТВО ПРИЛАДОЖЬЯ В X—XI вв.

Посмотрим теперь, что представляло собой Приладожье в переходную эпоху X—XI вв. Древнее Староладожское городище превращается в город. Это показывают верхние слои городища, содержащие типичную курганную культуру X—XI вв. и позднее керамика, сделанная на гончарном круге, стандартные железные и бронзовые изделия и т. д. Укрепленная валом площадь городища расширяется: масса населения живет рядом с городищем в открытом поселении, остатки которого можно наблюдать на весьма широкой площади в районе современного поселения Старой Ладоги. В XI веке здесь появляются церкви — известная церковь Климента, сначала деревянная, а затем и каменная. В XII веке городище, или детинец, переносится на новое место — по соседству с прежним,— где сооружается каменная крепость, строится новая каменная церковь Георгия с фресковой росписью, сохранившаяся до сих пор.

Старая Ладога была городским центром всего Приладожья, массовыми памятниками которого являются многочисленные и в высокой степени интересные курганы, а также селища. Население Приладожья жило в открытых поселениях небольшими коллективами, скорее всего вначале большими, а затем и малыми семьями, объединенными в род. С этой точки зрения представляет интерес распределение курганов по территории Приладожья. Они расположены по берегам рек и озер, как правило, отдельными группами. Мною зарегистрированы здесь 172 группы с общим числом 1113 курганов X—XI вв. Следовательно, средние размеры курганной группы — 7 курганов. Если считать каждую группу семейными курганами, то необходимо признать, что состав обособленной семьи в эту эпоху здесь уже не был многочисленным. Более поздние курганы — с конца XI до XIII—XIV вв. — уже расположены значительно более крупными курганными группами — в 50, 100 и более курганов, что говорит, мне кажется, об объединении отдельных семей уже в территориальные союзы — общины.

По обряду погребения более ранние курганы содержат, главным образом, трупосожжение, отчасти и трупоположение, более поздние, начиная с XI века — исключительно трупоположение. Некоторые черты обряда погребения — нередкие захоронения убитых женщин при мужчинах, сооружение очагов в курганах — являются бесспорными признаками идеологии патриархального рода.

Материальное производство Приладожья вырисовывается довольно ясно как по курганным находкам, так и по находкам в Старой Ладоге. Население занималось охотой на мясного и пушного зверя (множество находок охотничьих орудий — разно-

образные стрелы, копья, топоры) и скотоводством со стойловым, конечно, содержанием скота, следовательно, заготовляло на зиму запасы корма. Виды животных разводились здесь нам уже известные — лошадь, корова, овца, свинья, собака. Земледелие было подсечно-мотыжным (находки железных мотыг XII века в Карелии), но одновременно с ним развивалось земледелие пашенное. Находки железных сошников относятся к XII веку. Подсечное земледелие здесь чрезвычайно долго уживалось даже с трехпольным земледелием. В некоторых районах такое сосуществование продолжалось вплоть до наших дней.

Многочисленный инвентарь приладожских курганов вместе с находками в Старой Ладоге и в поселениях при ближайшем изучении можно разбить на четыре категории.

Первая категория — изделия домашней промышленности, собственноручные изделия каждой семьи: лепленые от руки горшки, которые очень долго держатся на ряду с горшками, сделанными на круге, и присутствуют как в богатых, так и в бедных погребениях; затем многие изделия из дерева — рукояти, мутовки, топорища, боченки, деревянные ведра и кости — кочедыга для плетения лаптей, челноки для плетения сетей, текстильные изделия, льняные и шерстяные и т. д.

Вторая категория — изделия местных ремесленников, работавших на местный рынок и живших как в сельских поселениях, так и в Старой Ладоге, позднее в Новгороде: горшки, сделанные на гончарном круге (древний центр производства — на р. Ояти в районе Ярославичей и Сецкого погоста), большинство железных изделий (в Приладожьи издавна добывалось железо из болотной руды) — ножи, топоры, стрелы, копья и т. д., некоторые бронзовые изделия — например, круглые и овальные застежки со спирально загнутыми концевыми головками.

Третья категория — продукция крупных ремесленных центров восточной Европы: некоторые бронзовые подвески — звериные, шумящие, частично шедшие из Волго-Камского края через Булгар — некоторые виды бронзовых и серебряных браслетов, стеклянные золоченые бусы, шиферные пряслица и т. д.

Четвертая категория — предметы внешнего импорта: из Скандинавии — оружие, бронзовые фибулы — овальные, круглые, трехлистные, массивные бронзовые браслеты, костяные гребенки и пр., из Прибалтики — некоторые виды подковообразных застежек, бронзовые прорезные игольники и пр., с Востока через Булгар — поясные наборы с иранской орнаментацией, топорики с вытянутым обухом, многие виды бус из пасты и стекла. Кроме того, в приладожских курганах во множестве встречены монеты, западные, преимущественно XI века и арабские, абасидские и саманидские диргемы.

Распределение инвентаря по отдельным курганам X—XI вв. в Приладожьи свидетельствует о резком имущественном расслоении в обществе. Диференциация наблюдается, с одной сто-

роны, между группами курганов: наблюдаются богатые и бедные группы (примером первых может служить группа у дер. Залющик, на р. Паше, раскопанная Европеусом, у дер. Заозерья, раскопанная мною; примером вторых — группа у дер. Чемихино, на Сяси, группа у хутора Новосельск, на Тихвинке). С другой стороны, диференциация наблюдается между курганами в одной и той же группе. Пример богатого погребения X века — курган у дер. Заозерья, содержащий основные и сопровождающие погребения, видимо, убитой женщины и рабов.

ПОХОД ОДНОГО РОДА НА ДРУГОЙ

1.

Ставит сети Унтамойнен
Там, где тони у Калерво,
Калервойнен[1] видит сети,
В свой мешок берет всю рыбу,
Но зломыслящий Унтамо
Обозлился, рассердился,
В бой свои пускает пальцы
И в борьбу пускает руки
За отброски этой рыбы,
За окунью эту мелочь.
Оба бились и боролись,
Не могли побить друг друга:
Сильно бьет один другого,
Получая сам удары,
Наконец уже в другой раз,
На второй день или на третий,
Свой овес Калерво сеет
За жилищем у Унтамо.
Вот овца Унтамо дерзко
Тот овес Калерво съела,
Но свирепый пес Калерво
Разорвал овцу Унтамо.
Унтамойнен[2] угрожает
Своему Калерво брату,
Что убьет весь род Калерво,
Всех от мала до велика,

---

[1] То же что Калерво.
[2] То же, что Унтамо.

Уничтожит всех домашних
И пожжет у них жилища.
... Он мужей снабдил мечами,
Храбрецам дает оружье,
Молодым на пояс копья,
Топоры дает красоткам,
И пошел он, чтоб сражаться
Против собственного брата.
Женка милая Калерво
У окна как раз сидела:
Вот в окно она взглянула,
Говорит слова такие:
«Дым, должно быть, там поднялся,
Или темная что ль туча
На краю вон той поляны,
На конце дороги новой».
Но не туча поднималась,
То не дым густой стелился:
Храбрецы Унтамо вышли,
Шли к Калерво на сраженье.
Вот пришли с мечами мужи,
Храбрецы пришли Унтамо,
Всех убили у Калерво,
Все его большое племя,
И дотла весь двор спалили,
Весь с землей его сравняли.

(Руна XXXI)

2.

. . . .

Вот приходит сам хозяин,
Посмотреть туда приходит,
Как молотит сын Калерво,
Бьет цепом по ржи Куллерво:
Рожь летит там тонкой пылью,
А солома вся трухою.
Разсердился Унтамойнен:
«Никуда слуга не годен!
Что ни дам ему работать,
Всю работу он испортит.
Отвести ль его в Россию,
Иль продать его в Карьялу,
Ильмаринену на кузню,
Пусть там молотом махает?»
Продал он Калерво сына,

И купил его в Карьяле
Сам кователь Ильмаринен,
Тот кузнечный славный мастер.
Цену дал кузнец какую?
Цену дал кузнец большую:
Два котла он отдал старых,
Три куска железных крючьев,
Кос пяток он дал негодных,
Шесть мотык плохих, ненужных,
За негодного парнишку,
За слугу весьма плохого.

(Руна XXXI)

3.

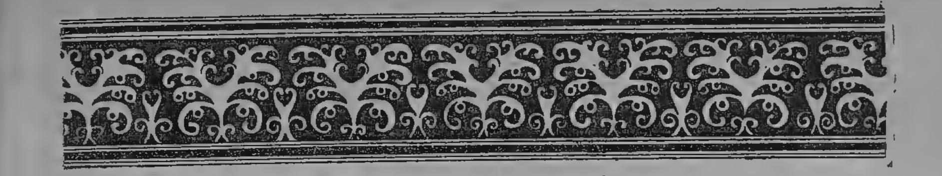
. . . .
«Не могу я возвратиться:
Не наказан мной Унтамо,
Не погиб противник злобный,
Не сражен еще преступный».
Он идет, шумя, на битву,
С торжеством в страну Унтамо,
Говорит слова такие:
«Укко! ты мой бог высокий!
Ты пошли мне меч получше,
Дай ты мне клинок прекрасный,
Чтоб он мог с толпой бороться
Устоял бы против сотни».
Меч нашел себе по мысли,
Взял клинок из самых лучших,
Он толпы мечом сражает,
Истребляет род Унтамо,
Обращает избы в пепел;
Только пыль одна осталась,
Лишь остались в печке камни,
Да рябина у забора.

(Руна XXXIV)

II

КАРЕЛИЯ — ОБЛАСТЬ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА (XII—XV ВВ.)

ВВЕДЕНИЕ

В XII—XV вв. Карелия входила в состав земель Новгородской вечевой республики.

При всей скудости документального материала, источники с полной определенностью подтверждают прогрессивное влияние Новгорода на развитие Карелии. Оно выразилось, в частности, в ускорении развития феодализма и в значительном росте торговли и товарно-денежных отношений в Карелии в XII—XV вв.

Сведения о Карелии этого периода, дошедшие до нас в русских источниках, очень кратки.

Чрезвычайно ценным материалом при изучении древнейшей истории Карелии являются свидетельства русских летописей. В настоящем разделе хрестоматии помещены некоторые выписки из русских летописей, относящиеся к Карелии. Из них мы узнаем об участии карел в политической жизни Господина Великого Новгорода (док. № 5), о борьбе карельского народа вместе с новгородцами против соседнего племени емь (док. № 3), против грабительских шведских и немецких вторжений и попыток шведских и немецких рыцарей захватить территорию Карелии (док. № 4, 6), о восстаниях карельского народа против новгородских феодалов (док. № 6, 10).

Более подробные пояснения к отдельным выпискам из летописей даны в тексте хрестоматии.

Частые опустошительные войны со Швецией сопровождались большими лишениями для карельского народа. Об этом, правда глухо, но свидетельствуют и летописи. В летописном известии

о договоре новгородцев со шведами о Карелии (док. № 9) невыдача крещеных карел мотивируется так: «и без того мало их осталось, а то все померли».

Длительная и кровавая борьба с иноземными вторжениями в это время оставила глубокий след в сознании карельского народа. Об этом свидетельствует помещаемое в хрестоматии народное предание о карельском богатыре Валите, который «сам собою был дороден, ратный человек и к рати необычайный охотник: то у него был большой промысел, что рать... и побивал немец...» (док. № 7).

Публикуемый в разделе немногочисленный актовый материал знакомит нас с развитием феодализма в Карелии. Здесь мы встречаемся прежде всего с документами, характеризующими различные пути роста феодальной собственности (док. № 13, 15, 16, 17, 19, 21). При этом в качестве феодальной собственности выступают не только и даже иногда не столько земельные угодья, но и леса и в особенности воды с их богатейшими рыбными ловлями.

Монастыри и новгородское боярство захватывают огромные и богатейшие территории. Расширение феодальных владений идет путем вкладов (док. № 13, 16), ростовщичества (док. № 17), купли (док. № 15, 21) и иными путями.

Большой интерес представляет выписка из писцовой книги по Шуйскому погосту конца XV века (док. № 20). На основании ее можно получить достаточно полное представление о размере погоста и отдельных деревень, о размерах запашки, о характере и размерах оброчных повинностей, падавших на крестьян. Благодаря упоминанию в выписке старых оброков, вносимых крестьянами, представляется возможным путем сопоставления их с новыми, познакомиться с изменениями в оброчном обложении. Оказывается, что если раньше оброки взимались только натурой (рожью, овсом, белками, лисицами и т. д.), то в конце XV века мелкие оброки переводятся на деньги, а натурой взимается главным образом хлеб. Это обстоятельство свидетельствует о значительном проникновении в карельскую деревню уже в конце XV века товарно-денежных отношений.

По документам, относящимся к карельской деревне, мы узнаем о наличии в Карелии особой группы мелких землевладельцев, своеземцев.

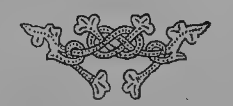
Захват монастырями и боярством угодий и обложение насе-

ления оброками вызывали сопротивление со стороны крестьян. В одном из приведенных в хрестоматии документов отмечается факт такого сопротивления крестьян в связи с захватом места для рыбной ловли новгородским тысяцким (док. № 11).

Сведения эти, к сожалению, крайне скудны, но вместе с летописными известиями о восстаниях карел против новгородского боярства они свидетельствуют о проявлениях классовой борьбы в Карелии в это время.

В борьбе карельского народа против притеснений местных новгородских наместников, Новгород нередко, как это подтверждают документы (№ 6, 10), выступал в защиту карельского народа. Это было глубоко правильной государственной политикой с точки зрения общих интересов Новгородской области.

Древние письменные свидетельства о Карелии и карелах при всей их скудости с полной определенностью подтверждают установление с незапамятных времен самых тесных экономических и культурных связей карельского народа с русским народом, связей, являющихся, как сказано выше, прогрессивным фактором в истории Карелии. Укреплению этих связей в значительной мере содействовала совместная борьба новгородцев с карелами против иноземных поработителей.

№ 1. Первые известия о карелах в русских летописях

I. *1143 г.* В то же лето ходила карела на емь[1] и бежала (назад) в лойвах[2] разбитая.

Новг. 1, 135.

Под 1143 г. новгородский летописец впервые упоминает о карелах. Конечно, тесные связи между карелами и Новгородом сложились значительно раньше. В грамоте кн. Святослава (1137 г.) упоминается среди северных новгородских земель, плативших дань князю и владыке Обонежский ряд и Олонец («А это Обонежский ряд: в Олонце 3 гривны... Во время поездки владыки от всей земли ему 10 гривен, а попу 2 гривны»). Связи Новгорода с Карелией объясняют то пристальное внимание, которое обнаруживает Новгород в середине XII века к борьбе карел с западным соседом.

II. *1149 г.* Той же зимы Изяслав ходил на дядю своего Юрия за обиду Новгородскую, а с ним брат его Ростислав со смольнянами, новгородцами, псковичами и карелою.

Ерм. 35.

В походе 1149 г. новгородцы выступали против суздальского князя Юрия Владимировича на стороне киевского князя Изяслава, сын которого Ярослав княжил в то время

[1] Емь или ямь — финское племя, первоначально обитавшее вокруг Ладожского озера, откуда оттеснено карелами в пределы нынешней Финляндии.
[2] Лойва — большое парусное судно.

в Новгороде. Вместе с Новгородом, на стороне последнего выступают здесь и карелы.

III. *1191 г.* Ходили новгородцы с карелою на емь, завоевали землю их, пожгли и скот порезали.

Новг. 1, 163.

Скандинавские хроники повествуют, кроме того, о двух более ранних походах карел. В 1178 г. карелы проникли к еми, захватили шведского епископа Рудольфа и, уведя к себе, умертвили. В 1188 г. новгородцы вместе с карелами опустошили берега озера Мелар и сожгли древний многолюдный город Сигтуну [1].

№ 2. Крещение карел кн. Ярославом Всеволодовичем (1227 г.)

Того же лета князь Ярослав Всеволодович послал крестить множество карел, мало не все люди.

Лавр. 140.

Христианство среди карел начало распространяться, конечно, значительно раньше. В XIII веке Новгород озабочен возможно более быстрым крещением всех карел, чтобы помешать распространению католицизма, являвшегося орудием шведского влияния.

№ 3. Выступление карел на стороне Новгорода в войне его с емью (1228 г.)

1228 г. Пришла емь воевать в Ладожское озеро в лодках; и пришла на Спасов день весть в Новгород. Новгородцы же, севши в насады, [2] пригребли в Ладогу [3] с князем Ярославом. Владислав, посадник ладожский, с ладожанами, не ожидая новгородцев, погнался в ладьях за ними (за емью) вслед, и настиг

---

[1] Гор. Сигтуна был на месте нынешнего Стокгольма.
[2] Насад — речное судно.
[3] Ладога — город на р. Волхове в 12 км от Ладожского озера.

их и бился с ними; и наступила ночь и отступили (ладожане) на остров, а емь осталась на берегу с пленниками: потому что (они) воевали около озера на островах и у Олонца. В ту же ночь (емь) просили мира и не дал им посадник с ладожанами. А они, изрубив пленников всех, сами побежали в лес, лодки побросавши, пешие. Много их там пало, а лодки их пожгли. Впоследствии же оставшихся (емь) ижоряне[1] встречали бегающих и тут их избили много, а остаток их разбежался куда глаза глядят; но этих карелы, где попадутся, в лесу ли, или на ниве, или в шалашах, выводя избили; потому что их пришло, по слухам, 2000 или более, бог знает. Мало же их в свою землю убежало, а то все мертвы.

Новг. 1, 224—225.

Поход еми был вызван стремлением освободиться от власти Новгорода. Неудача похода настолько ослабила емь, что она вновь попала на ряд лет под влияние Новгорода.

№ 4. Участие карел в борьбе с „псами-рыцарями" (1241 г.)

Пришел князь Александр на немцев на город Копорье с новгородцами и ладожанами и с карелою и с ижорянами и взял город, а немцев привел в Новгород; а иных отпустил.

Новг. 1, 259.

Несомненно, карелы принимали участие и в дальнейшем походе Александра против немцев — в борьбе за Псков и в славном «Ледовом побоище».

№ 5. Участие карел во внутренней жизни Новгорода

I. *1270.* Новгородцы же послали к нему[2] Лазаря Моисеевича: княже, сдумал ты на святую Софию; уезжай, не то мы все умрем честно за святую Софию; у нас князя нет, но бог и правда и святая София, а тебя мы не хотим. И собралась в Новгород вся волость новгородская: псковичи, ладожане, карела, ижера, вожане, и пришедши в Голино[3] от мала до велика, стояли неделю на броде, а Ярославов полк стоял на другой стороне... Прислал

---

[1] Ижоряне — племя, близкое карелам.

[2] К князю Ярославу, изгнанному новгородцами и делающему попытки для возвращения в Новгород.

[3] Погост на Шелоне.

Вид Старо-Ладожской крепости.

Ярослав с поклоном в новгородский полк и взяли мир на всей воле новгородской, и посадивши (на княжение) Ярослава водили ко кресту.

Новг. 1, 294.

Карелы принимают участие во внутренних новгородских распрях, как составная часть новгородского государства. В данном случае карелы выступают на стороне новгородцев, изгнавших своего князя и стремящихся ограничить княжескую власть.

II. *1316 г.* Вышли наместники Михайловы из Новгорода и пошел князь Михайло к Новгороду со всею Низовскою землею, а новгородцы построили острог около города по обе стороны. И сошлась вся волость новгородская: псковичи, ладожане, рушане, карелы, ижера, вожане. Князь же Михаило, не дошедши до города, стал в Устьянах.[1] И не взяв мира, ушел прочь недобившись ничего.

Новг. 1, 317.

Карелы вместе со всей новгородской землей принимают участие в борьбе тверского князя Михаила Ярославовича с московским князем Юрием Даниловичем на стороне последнего.

№ 6. Попытки Швеции завладеть Карелией и Обонежьем

I. *1283 г.* Приехали немцы[2] ратью Невою в Ладожское озеро и избили новгородцев обонежских купцов и пришли ладожане в Неву и бились с ними.

Новг. 1, 300.

Известие интересное не только, как один из эпизодов борьбы Новгорода со шведами за территорию Приладожья, но и тем, что оно указывает на пребывание новгородских купцов в Обонежье, т. е. говорит о торговых связях карел с новгородцами.

---

[1] Устьяновский погост в 50 км от Новгорода.
[2] Имеются в виду шведы.

План древнего Новгорода.

II. *1284 г.* Воевода шведский Трунда со шведами в лойвах и в шнеках[1] вошли ратью Невою в Ладожское озеро, хотев на кареле дань взять. Новгородцы же с посадником Семеном и с ладожанами съехавши стали на истоке Невы, и дождавши избили их, а остальные убежали месяца сентября в 9.

Новг. I, 300.

Так же как и известия предыдущего года, свидетельствует о значительной активности шведских попыток покорения Карелии.

III. *1292 г.* Пришла свея[2] воевать, 800 их, 400 пошли на карелу, а 400 на ижеру. Побила их ижера, а карела побила своих и иных руками изымали.[3]

Это первый случай, когда карелы отбились от нападения шведов своими силами, без помощи со стороны новгородцев.

IV. *1293 г.* Приехавши свея поставила город на Карельской земле.[4] . . .Послал князь Андрей князя Романа Глебовича и Юрья Мишинича, Андрея тысячкого с немногими новгородцами к городу свейскому. И подступили во вторник на похвальной неделе[5] крепко и застрелили с города мужа доброго Ивана Клекачевича и много ранили. Той же ночью была оттепель, разлилась вода под городом, а коням не было корму. И отошли и возвратились все здоровые.

Новг. IV, 247.

Постройка Выборга сопровождалась обращением большой части западных карел в католичество и присягой их шведскому королю. Эти события можно считать началом отделения западной части Карелии от восточной.

V. *1295 г.* Поставила свея с воеводою своим Сигом город в Карелии.[6] Новгородцы же, пришедши, город разграбили, а Сига убили, не выпустив (из города) ни одного человека.

---

[1] Шнек — рыболовная лодка, род карбаса.
[2] Свея — шведы.
[3] Взяли в плен.
[4] Выборг.
[5] Пятая неделя великого поста.
[6] Корела — город, современный Кексгольм, стоит при впадении р. Вокши в Ладожское озеро.

Построив в 1293 г. Выборг, шведы в 1295 г. попытались продвинуться вглубь Карелии, заложив город Корелу, но новгородская рать, на стороне которой были и карелы, разбила шведов. Город остался в руках новгородцев. Впоследствии, в 1310 г. новгородцы разрушили город Корелу и построили новый.

VI. *1314 г.* Избила карела горожан, кто был русские в корельском городке, и ввела в город шведов. Новгородцы же с наместником Федором пошли (походом) на них. И предалась карела и избили новгородцы шведов и карел изменников.

Новг. 1, 314.

Восстание карел против Новгорода было вызвано притеснением наместника Карелии князя Бориса Константиновича. В грамоте 1308 г. великому князю тверскому Михаилу Ярославичу новгородцы пишут: «А Бориса Константиновича кормил Новгород Карелою, и он Карелу всю истерял и за немцы заложил».

VII. *1337 г.* Пришли шведы к Карельскому городу со многою силою; был в городе тогда воевода Валит Корелянин, и Валит поспешил изменить и сдал город шведам. Шведы же начали городом владеть. Новгородцы же узнав со всею силою своею, стали под городом июля в 3 день. В восьмой же день приступили к городу и Валит поспешил перейти на сторону новгородцев и отворил город. Новгородцы же взяли свой город июля 8-го в полдень, а шведов избили, а иных перевешали.

Соф. 1, 220.

VIII. *1338 г.* Воевали шведы с карелою много по Обонежью, после и посад Ладоги пожгли, а города не взяли. Потом ходили молодцы новгородские с воеводами, воевали выборгскую и шведскую карелу и много опустошили земель их и добро пожгли и скот посекли, и возвратились (в Новгород) все здоровы с добычей.

Новг. 1, 337.

№ 7. Предание о карельском богатыре Валите

Был в Кареле и во всей Карельской земле большой владетель, именем Валит (Варент тож), а послушна была Карела к великому Новгороду с Двинскою землею и посаженик был тот Валит на Карельское владение от новгородских посадников,

и как он ту муромскую землю учав войною приводити под свою власть, и мурмане били челом Норвежским немцам, что б они по соседству за них стали и отстояти (немцы) их не могли, потому что он сам собою был дороден, ратный человек и к рате необычный охотник: то у него был большой промысел что рать... и побивал немец, а в Веренге на побоище немецком, где варенской летней погост, на славу свою, принесши с берегу своими руками, положил камень, в вышину от земли есть и ныне больши косые сажени; а около его подале выкладено каменьем кабы городовой оклад в 12 стен; — а назван был у него тот оклад «Вавилоном». А в Коле, где ныне острог, обложено было у него каменьем в 12 стен тем же обычаем; и тот камень, что в Варенге и по сей час словет Валитов камень; а что был в Коле, то развалено, как острог делали. А меж Печенги и Пазреки, от Печенгской губы по ту сторону верст с 35, есть губа морская, вышла в берег кругла, а середь ее остров камен высок, кругом сверху ровен: тут у него для крепости и покоя за города место было... А как Валита не стало, а в крещение ему было имя Василей, и положен в Карелы на посаде.

Н. М. Карамзин, т. XI, прим. 56.

№ 8. Ореховский договор Новгорода со шведами в 1323 г.

Я в. кн. Юрги с посадником Алфоромеем и с тысяцким Аврамом со всем Новгородом заключили с братом своим с кн. шведским с Манушем Орикосовичем. А приехали от шведского князя послами Герик Дюурович, Геминки Орислович, Петр Юншин, поп Вымундер, а тут были от купцев с Готского берега Лодвик и Федор.

И заключили мы мир вечный и крест целовали. И дал кн. в. Юрги со всем Новгородом по любви три погоста: Севилакшю, Яскы, Огребу корельские погосты; а развод и межа: от моря река Сестрея, от Сестреи мох, среди мха гора, оттоле Сая река, от Сае Солнечный камень, от Солнычнего камени на Чермную Щель, от Чермной Щели на озеро Лембо, оттоле на мох на Пехкей, оттоле на озеро Кангасьерви, оттоле на Пурноярви, оттоле... Янтоярви, оттоле Торжеярви, оттоле Сергилакши, оттоле Самосало, оттоле Жити, оттоле Кореломкошки, оттоле Патсоеки, оттоле Каяно море.

А что наших погостов новгородских воды и земли и ловищ: Уловежи половина во всем, Ковкоукали половина, Ватикиви половина, Соумовиси половина, Уксипя половина, Урбала половина, Кедевя шестая часть бобров, Коуноустани шестая часть за рубежем, а то все Новгороду...

Гости гостити без пакости из всей немецкой земли из Любека из Готского берега и Шведской земли по Неве в Новгород горою и водою, а шведам всем из Выборга города гостей не переимати; такоже и нашему гостю чист путь за море.

По сему миру городов не ставити ко Корельской земле ни вам ни нам.

А должник поручник и холоп и хто лихо учинит а убежит ли к вам или к нам, выдати его по исправе.

А земли и воды у Новгородской Корелы не покупати Шведам и выборянам, а если Занаровцы не будут правити к в. кн. и к Новгороду, а Шведам им не пособляти.

А что учинится в том миру обидное или от вас или от нас миру порушити, всему тому исправа учинити, а где учинится тяжба то нам кончати по божьей правде, а Новгороду мир и пригородам всем и всей волости Новгородской, такоже и всей земле Шведской.

А взял кн. в. мир и весь Новгород со Шведским князем и со всею Шведскою землею и с Выборгом в пятницу за три дня перед успением святыя богородицы. А кто изменит крестное целование на того бог и святая богородица.

Зап. Ак. Наук XXXI, прил. № 3, стр. 3—4.

№ 9. Летописные известия о договоре новгородцев со шведами о карелах (1339 г.)

Того же лета прислали новогородцы Кузьму Твердиславовича и Александра Борисовича[1] с товарищы, а от владыки сестрицича[2] его Мотфея, за море к свейскому князю посольством и съехавшись в Мурманской земле в городе Людовли[3], и довершили мир по старым грамотам. А про Карелу так сказали: если к вам наши бегут, секите их или вешайте, или ваши к нам, мы также с ними поступим, тогда не польстят промеж нами; а тех не выдадим, которые крещены в нашу веру, потому что и без того мало их осталось, а то все померли гневом божиим.

Новг. 1, 336.

№ 10. Выступление карел против князя Патрикия

Приехали горожане Ореховцы и карельские с жалобой к Новгороду на князя Патрикия. И князь Патрикий стал в Славно[4]

---

[1] Боярин и воевода, кн. Горбатый-Суздальский.
[2] Брат сестры.
[3] Людовли — город Лунд в южной Швеции.
[4] Часть Новгорода, один из новгородских „концов".

и смутил Новгород. И стали славляне за князя и созвали вече на Ярославле дворе, а другое вече у святой Софии, обои с оружием, как на рать, и мост великии перешли. Но сохранил бог и святая София от усобной рати, но отняли у князя те города, а дали ему Русу и Ладогу.

Новг. 1, 371.

Князь Патрикий Наримонтович, приглашенный новгородскими боярами из Литвы получил от них в «кормление» города Орешек и Корелу.

№ 11. Нападение карел на рыбные ловли новгородского тысяцкого по р. Выг (1415—1447 гг.)

Били челом Никита Иванович новгородскому тысяцкому Дмитрию Васильевичу и срядился рядом Дмитрий Васильевич с Никитой Ивановичем: что послал тысяцкой Дмитрий Васильевич своих ловцов на карельский год [1] на свою куплю на Выг, и карела тысяцкого Дмитрия людей прогнали и сети выкинули, что были в участке на Выге; и Никита Иванович тысяцкому Дмитрию Васильевичу за себя, за свою вину, дал рубль, а от иных участников, своей братии карелы отказался, а расправится тысяцкой Дмитрий Васильевич с ими по свой воле. А потом Никите Ивановичу не вступаться, в тысяцкого Дмитрия Васильевича куплю по купным грамотам тысяцкого Дмитрея Васильевича.

А на то рядцы с обе половины: Есиф Васильевич, Яким Яколич, Лука Андроников.

А кто сей ряд нарушит, дает князю и владыке гривну золотом.

Запись карела Никиты Ивановича новгородскому тысяцкому о возмещении убытков от нападения карел на его ловцов на р. Выг.

Материалы по Истории Карелии, док. 2.

№ 12. Откуп обонежского суда (1434 г.)

У в. кн. наместника у Григорья Васильевича мы, Яким Гуреев и Матфей Петров, купили обонежский суд князя великого [2] вниз по Волхову и на Паше реке и на Кожеле и на Кукоевском по-

---

[1] Карельский год — боярский год — поочередное, погодное пользование рыбными угодьями.

[2] Взяли на откуп сбор судебных пошлин.

госте и в Липне и на Сетомле и на Ояги на реке и на Свири на реке и на Олонце на реке, а Кукоевского погоста, где будет; или в городе или в селе; платити им суду князя великого по старине, а суд им судити и пошлины имати им по старине и вирное им имати; а кто поймает осетра — судьям половина, а осетра им имати по старине; а корму им взимать себе и конем вдоволь, от подводы до подводы, а кто стонит или замешает дает кн. в. гривну, а борцам[1] серебра в двое. А купили тогда, когда был кн. в. Василий Васильевич в Новгороде Великом.

Акты А. Э. т. I, док. 27.

№ 13. Расширение монастырских владений путем вкладов (1456—1458 гг.)

По благословению господина преосвященного архиепископа Великого Новагорода владыки Еуфимия. Что дал Олексей землю Толвуйскую вотчину с водою в дом святого Николы и ввеки, и игумен и все старцы сговорились так с Олексеем: владети

Стена и башни Соловецкого монастыря XV века.

Олексею тою землею Толвуйскою вотчиною своею до своей смерти, а давати Олексею в дом святого Николы с той земли половина во всем, а по его смерти, та земля все в дом святого

[1] В данном случае, тот, кто объявит о сгоне или ином каком преступлении.

Николы и ввеки, и по его данной грамоте и по дельной его грамоте с братом с Иваном и по старым грамотам вотчин его, что дал в дом святого Николы той земли грамоты. А где будет какой крестьянин на землю ступит или помощь будет нужна, а то игумену Якиму и всею братий с Олексеем сообща. А, где будет о той земле или о крестьянине какое слово обидное, тогда им стоять за одно. А на то послухи с обе половины: посадник новгородский Дмитрий Васильевич, другой посадник Иван Иванович, тысяцкие новгородские Иван Васильевич, Алексей Игнатьевич.

Запись Вяжицкого монастыря о порядке владения вкладом в монастырь.

Материалы по Истории Карелии, док. 11.

№ 14. Хозяйственные взаимоотношения между монастырями (1458—1465 гг.)

По благословению господина преосвященного архиепископа Великого Новагорода и Пскова владыки Ионы, се вложился игумен Игнатеи из дому святои богородицы Палья острова с всею братьею в дом святого спаса в Русу в вечныи хлеб и дал 16 рублев. И кто ни будет игумен после его имать игумену Игнатью и всем старцам дому святои богородицы хлеб и соль, как иные пустынники емлют при игумене при Феогнасте, при попах при Никоне и при Аврамие, при дьяконе Григорьи, при келаре Варсанофье и при всех старцах святого Спаса.

Вкладная Палеостровского монастыря в Спасский монастырь в Русе на шестнадцать рублей за снабжение хлебом и солью.

Материалы по Истории Карелии, док. 22.

№ 15. Покупка карелами земельных угодий (1459 г.)

Купили Иван и его братья Денисии, Максим Минуев дети у Фалалея из Вардоли у Савы, у Сидора у Юрьевых детей землю и воду на Поморье по морским рекам и по лешим озерам, Олексеев участок каргопольской; а ловити Ивану и Денисию и Максиму Минуевым детям в Кеми реке под Ужмом, Юндою; также владети им иным Олексеевым участком, землею и водою и лопью и празгою между корелою, где все 5 родов владеют.

А дали Иван и его братия Денисию и Максиму за ту землю, за олексеевы участки, Фалалею Волдольскому и Саве и Сидору Юрьевым детем, 8 сороков белок [1] да рубль серебром...

[1] 8 связок белок по 40 шт. в каждой.

А на то послухи с обе половины: Матфей Иванович, Илья Степанов, Насон Волосов, Иван Юрьев.

Из купчей Ивана Минуева с братьями на земельный участок по морским рекам.

Материалы по Истории Карелии, док. 15.

№ 16. Данная Семена Климова Соловецкому монастырю на участки по морским рекам (1459—1470 гг.)

Дал Семен Климов вотчину свою в дом божии святому спасу, игумену Ивоне и священникам и всеи братии, в Выгу у Золотца участок и полешеи лес, в Шуи реке участок и в Кеми реке участок и до Соны реке, по берегу землю и воду и полешии лес, промежи пяти родов иввеки святому спасу, игумену Ивоне и всеи братии. А на то люди сторонние: Семен Григорьевич, Дементии Киприянович.

Материалы по Истории Карелии, док. 18.

№ 17. Ростовщичество монастырей (1459—1470 гг.)

Поручился Макарии старец соловецкой по Олфуи корелянине Семену кузнецу в трех сорока белки [1], а срок тем кунам заговенье, а кончина петров день. А в тех кунах заложил Олфуи Юрьев отчину свою корельской земли, промежю пятью родов корельских детеи, старцу Макарью соловецкому в Золотцы и в Выгу два участка земли и воды и полешего лесу, в Шуе реке участок в земле и в воде и в пожнях и полешии лес, куда Олфуи володел промежю пятью родов корельских детеи. А на то послуси: Фома Бурков, Анисим Борисов.

Закладная карела Олфуя Юрьева Соловецкому монастырю на участки по рекам Выг и Шуе.

Материалы по Истории Карелии, док. 22.

№ 18. Обмен земельными угодьями между крестьянами (1465—1478 гг.)

Поменялись Панфилеи Селифонтов с Богданом Ермолиным землею на землю. И дал Панфилеи Селифонтов Богдану Ермолину землю и воды в Тубозере, что купил Панфилеи у Богдана

---

[1] 3 связки по 40 штук белок.

и у Якова Мануиловщину, деда Богданова полевую землю и лешую землю и полешеи лес, все без вывета, пожни и ловища, и на Онежском берегу два мужа места полешего леса, и в Тубы реки половина; а володить Богдану Ермолину и его детям тою землею и водою в Тубозери по старому володенью и по Мануилову володенью и по панфильевой по купной грамоте и по сеи по меновной грамоте, одерен вовеки. А против тои земли дал Богдан Ермолин Панфилию Селифонтову в отмену землю и воду в Уноских вотчину свою, что ему досталось от отца своего Ермолы и от братеи в дел,[1] полевую землю и лешую землю и полешеи лес и пожни и ловища и остров, все без вывета, в Уноских и в Унои губе остров и малые островки и по Шале реки земли и пожни; а володить Панфилию Селифонтовичю и его детям тою землею и водою и полешим лесом и пожнями и островы по старым грамотам и старому володенью и по ермолинои купной грамоте и по богданову володенью и по сеи меновнои грамоте, одерен и ввеки. А придал Панфилеи Селифонтов Богдану Ермолину к Уноскои два рубля. А ся им мена с обе половины крепка и их детем. А на сеи мены были с обе половины: Богдан Михайлович, Стефан Остафьевич, Василеи Оксентиевич.

Меновная Панфила Селифонтова с Богданом Ермолиным на земли и воды в Тубозере и в Уноксах.

Материалы по Истории Карелии, док. 31.

№ 19. Запрещение толвуйским крестьянам промышлять в вотчинах Палеостровского монастыря (1477—1478 гг.)

От игумена Варлаама святого Николы Вяжицкого монастыря и от священников и от всех старцов ключнику нашему Якиму и крестьянам ко всем святого Николы толвуянам, или кто ни живет на домовой земле[2] святого Николы Вяжицкого монастыря. Буди всем ведомо: пожаловали есми игумена Конона рожества святеи богородицы и священников и всех старцов Палья острова, или кто по нем иной будет игумен в том монастыре: и вы на Палье острове и на Речном острове и на Кобылье острове и на Заечье острове и на лудушах, куды обдержит грамота, данная в дом святеи богородице Палья острова, лесу не секите, сена не косите, зайцев не гоняите, рыб не ловите, ягод ни гриб не берите. А кто ослушится сеи нашеи грамоты и почнет наступати на домовую землю святеи богородицы и почнет лес сечи, пожни косити, заицов гоняти или рыбы ловити, или ягоды

---

[1] По разделу с братьями.
[2] На земле, принадлежащей, в данном случае, Вяжицкому монастырю.

и грибы брати без игуменского благословения, тогда тот лишен будет лодки и сетеи и за свою вину даст нам рубль. А кто почнет с ними супоровати, тогда его звати нашею позовницею, а суд ему предо мною. А дана сия им наша жалованная грамота в дом рожества святеи богородицы во веки в лето 1478.

Грамота Вяжицкого монастыря монастырскому ключнику в Толвуе о запрещении промыслов в вотчинах Палеостровского монастыря.

Материалы по Истории Карелии, док. 34.

№ 20. Крестьянское хозяйство по писцовым книгам конца XV в. (1496 г.)[1]

Волость Федоровская Остафьева Глухова

И по старому письму деревень 91, а дворов 93, а людей в них 168 ч., а обеж 103, а сох 34 с третью, а старого доходу шло с тое волости с 83 обеж половье ис хлеба да 320 бел да 3 барана, а с обжи четверть ис хлеба, а з десяти обеж оброком — 404½ бел., да с тех же со всех обеж посельничьи пошлины 80 бел и 1½ белки да 3 коробьи с четверткою ржи да 30 овчин, а с 9 обеж доходу не было: были во льготе. И за тот весь доход оброку давали и за обежную дань 13½ рубля и 15 деньги. Да волостелин корм 2½ рубля и 3 четвертицы. И при старом письме[2] прибыло в той волостки 11 деревень и с починки, а дворов 20, а людей 63 ч., а обеж 12, а сох 4. А по новому письму деревень и с починки 102, а дворов 114, а людей 232 ч., а обеж 115, а сох 38 с третью. И на ту волость оброку в. кн. положено деньгами 2 рубля и 10 гривен без 2 денег, а хлебново оброку 115 коробей ржи, 115 коробей овса, а имати деньгами за коробью ржи по 10 денег, а за коробью овса по 5 денег. И на которой год не взяти оброку хлебново, ино за хлеб оброку деньгами 8½ рубля и 5 гривен и 8 денег. И всего оброку деньгами и за хлебной оброк 11½ рубля, опричь обежные дани. А корм волостелин в той волости положен с 25 обеж. И в той волости 4 кормы и 15 обеж. И всего корму волостелю с тиуном и з доводчики на весь год, на три празники, 2 рубля и 7 гривен и 3 деньги с четверетцою.

---

[1] Писцовая книга, принадлежащая писцу Юрию Константиновичу Сабурову в подлиннике не сохранилась; она до нас дошла только в случайных выписках. Помещаемый отрывок на Шуйский погост был сделан в XVII в. для Тихвинского большого монастыря, получившего во владения этот погост.

[2] Имеются в виду „старые" книги, так называемое „первое" письмо, произведенное по новгородским пятинам московскими властями, вслед за присоединением Новгорода к Москве. Эти книги до нас не дошли.

Волостка Михайловская Берденева

И по старому письму деревень 16 и дворов 16, а людей 29 ч., а обеж 16,5 сох с третью. А оброку в. кн. 2 рубля 16 денег да за волостелин корм 6 гривен. И при старом письме прибыло 2 деревни да 6 дворов, а людей 16 ч., а обеж 5 с полутретью. И по новому письму деревень 18 и с починки, а дворов 20, а людей в них 42 ч., обеж 21 обжа да полтрети обжи. И на ту волостку положено оброку в. кн. денег и за мелкой доход 2 гривны и 4 деньги да хлеба оброком 20 коробей ржи да 40 коробей овса. А на которой год не взяти оброка хлебново, ино оброку деньгами и за хлеб и за мелкой доход 2 рубля опричь обежной дани. А корм положен с 25 обеж, а обеж 21 обжа с полутретью, ино волостелю корму и с тиуном и з доводчики на весь год, на 3 празники, 57 гривен без 2 денег. А старого дохода шло с тое волости со 11 обеж половье ис хлеба, а с 4 обеж треть ис хлеба, а с обжи четверть ис хлеба, да с тех же со всех обеж 102 белки, да посельскому 30 бел, да 1½ коробьи ржи.

Деревни Лукинские

По старому письму деревень 11, а дворов 11, а людей в них 15 ч., а обеж 11, а сох 3¾. А в. кн. оброку дают рубль и 3 гривны и 9 денег, а за волостелин корм 4 гривны и 2 деньги без четвертци. А старого доходу шло с тое волостки з 9 обеж половье из хлеба да 42 белки, а посельничьи пошлины 16 бел, да четвертка ржи, а с обжи оброку 20 бел, а с обжи оброком лисица. И при старом письме прибыл двор да 6 ч., а обжа убыла: при старом письме сложено. А по новому письму деревень 11, а дворов 12, а людей 21 ч., а обеж 10, три сохи с третью. А у в. кн. оброку положено на ту волость деньгами и за мелкой доход гривна и 2 деньги да хлебного оброку поспом 10 коробей ржи, 20 коробей овса. А на которой год не взяти оброку хлебново, ино оброку деньгами и за хлеб и за мелкой доход рубль опричь обежные дани. А корм волостелин положен с 25 обеж. И с тех обеж корму волостелю и с тивуном и з довотчики на весь год, на 3 празники, 3 гривны и 4 деньги с четверетцкою.

Волостка Олександровская

А по старому письму деревень 5, а дворов 11, а людей 14 ч., 9 обеж, 3 сохи. А старого дохода ис хлеба четверть да 4 гривны и 3 деньги, да 48 бел да боран, да посельскому 6 бел да овчина. И при старом письме прибыл починок, а убыло 3 двора да обжа с третью. А по новому письму деревень 6 и с починком, а дворов 8, а людей 14 ч., а обеж 8 без трети, 2 сохи да 2 обжи бес

трети. И на ту волостку положено оброку деньгами и за мелкой доход 4 гривны и 6 денег да хлебом 8 коробей ржи, 8 коробей овса. А на которой год не взяти оброку хлебного, ино оброку деньгами за хлеб и за мелкой доход 13 гривен и 6 денег опричь обежные дани. А корм волостелин положен с 25 обеж, а обеж 8 бес трети; и ис тех обеж корму волостелю и с тиуном и з довотчики на весь год на 3 празники, $2^1/_2$ гривны с полуденьгою.

Деревни Натальинские Моисевых Бабкина

И по старому письму деревень и с пустою и з большим двором 13, а дворов 14, а людей 18 ч., а обеж 14, а сох 5 бес трети. И при старом письме деревня убыла: двор был писан деревнею; да две обжи бес трети убыли, а людей прибыло 8 ч. А старого доходу шло с тех деревень с 7 обеж половье ис хлеба, а с обжи треть ис хлеба, а з дву обеж четверть ис хлеба, да с тех же со всех обеж 42 белки, а посельскому 12 белок да овчина, а з дву обеж оброк 24 белки, а з дву обеж дохода не было. А по новому письму деревень 12, а дворов 14, а людей 26 чел., а обеж 12 с третью обжи, а сохи 4 да треть обжи. А в. кн. оброка положено на те деревни деньгами и за мелкой доход 8 гривен бес четырех денег да хлебного оброку 10 коробей ржи, 10 коробей овса. А на которой год не взяти оброка хлебново, ино оброка деньгами и за хлеб и за мелкой доход рубль и 3 гривны, опричь обежные дани. А корм волостелин положен с 25 обеж. И с тех 12 обеж корму волостелю и с тиуном и з довотчики на весь год на три празники, 4 гривны и 2 деньги с четвертцою.[1]

Выписка из писцовой книги Обонежской пятины Никольского погоста в Шуньге.

Писцовые книги Обонежской пятины, 1496 и 1563 г., стр. 1—9.

№ 21. Лесные и рыбные промыслы на севере Карелии (XV в.)

Купил Иван Абакумов у Юрья у Каргуева землю и воду и лес полешии на Выгу, полесовати 4-мя человеком, ловити 4-м человеком в корельский год на Выгу, а в боярский год человеком

---

[1] В виду однородности материала данную выписку редакция приводит с сокращениями внутри волостей, а некоторые волости выпущены целиком. Общий итог книги по Шунгскому погосту следующий—было по старому письму: деревень и починков —139, дворов в них — 148, людей — 250, имели земли обеж 156, сох. $51^1/_2$.

Было к моменту описания: деревень и починков 152, дворов в них 174, людей 343. Имели земли обеж — $169^5/_6$, сох — $52^1/_3$.

в корельской части, в Золотце, в Шуи реке селище свое и воду, в Кеми реке ловить 4-м человеком, под Ужьма гарвами ловити и Вонге реке полесовати 4-м человеком и ловити Вонги реке и по всем рекам до Керицкой межи и по лешим озерам до Каяньского рубежа и на Дикои Лопе до Тирского наволока, торговати Ивану и празга ему имати, и между наволоча роду на пятый год 3 часть между корелои и на Лешеи Лопе участке, где володел Юрьи Каргуев. И дал Иван за ту землю и воду 5 рублев себе и ввеки и своим детям. А на то послух: Демьян Яколь, Гаврила Борков, Василь староста выгозерский, Микифоре Григорьеве. А у печати стоял в Огорьево место Офоносе Кукшине.

Купчая Ивана Абакумова на землю в Дикой Лопи.

Материалы по Истории Карелии, док. 46.

№ 22. Раздел земель между братьями своеземцами (XV в.)

Разделилися Василей з братом своим с Маковеем имущества и отчину отца своего Прокофья по половинам. И досталось Василью 3 села земли. Июдино седенье да Созоново седенье да Михалкино седенье: А Маковею досталось против того 3 села земли: Василево седенье да Елизарово седенье да Онаньино седенье. И положили промеж себя межу роскладную: из роскладной межи, из олшяга,[1] да у веросовину[1] из веросовины да в сухой дуб на ручью, из дуба да в ель; на ели, посерод Василева репища, да в дуб во горелои, из дуба дрянь и местища, из местища дрянь навалилась да во Твеку реку. А тот дел им в одерень. А на то люди Сидоря да Харитоне.

Раздельная Василья и брата его Маковея на земли отца их Прокопия.

Материалы по Истории Карелии, док. 49.

[1] Местные предметы, служившие в данном случае обозначением границы владениям.

КАРЕЛИЯ
ОБЛАСТЬ
НОВГОРОДСКОЙ
ЗЕМЛИ
Масштаб 1:8 250 000
ЛОПАРИ
САМОЯДЬ
ПЕЧОРА
ПЕРМЬ
ВЯТСКАЯ ЗЕМЛЯ
Мурманское море
Долгая Щель
Лампожня
Кулой
Архангельск
Холмогоры
Порог
Выгозерской
Челмужской
Новозерской
Пудож
Каргополь
Валаам
Корела
Олонсь
Выборг
Копорье
Ям
Белоозеро
Вел. Устюг
Усть Кулом
Хлынов (Вятка).
Новгород
Боровичи
Псков
Ст. Русса
Торжок
р. Печора
р. С. Двина
р. Онега
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
Современная Карелия
Торговые пути
Граница Новгородской земли в XV веке.
Граница современной Карелии.

III

КАРЕЛИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В XVI ВЕКЕ

ВВЕДЕНИЕ

Раздел хрестоматии «Карелия под властью московского государства в XVI веке» содержит четыре главы: карельская деревня, монастырское хозяйство, местная промышленность и взаимоотношения со Швецией.

В главе «Карельская деревня» большой интерес представляют публикуемые отрывки из писцовых книг (док. №№ 4, 7, 8). Они с достаточной отчетливостью характеризуют особенности развития крестьянского хозяйства в Карелии, экономическое положение отдельных групп крестьянства (государственных, владычных, своеземцев, бобылей, пашенных и не пашенных крестьян), размеры и характер оброчного обложения населения.

Материалы писцовых книг XVI века с полной отчетливостью подтверждают процесс ликвидации в Карелии, после ее присоединения к Московскому государству, крупного боярского и владычного землевладения и переход этих земель в руки Московского царя.

Богатства Карелии и развитие торговли в связи с открытием в XVI веке морского пути через Белое море в Западную Европу привлекают сюда русских и иноземных купцов. Любопытно в этом отношении краткое свидетельство, посетившего в XVI веке поморские погосты иноземца Штадена, о развитии здесь промыслов и торговли, в частности с иностранными купцами. Не менее интересны сведения о Карелии в записках английских путешественников.

Материалы писцовых книг и другие документы этой главы (док. 1, 3, 4, 7, 8, 11) свидетельствуют о значительном развитии

в Карелии в XVI веке промыслов: рыболовства, солеварения, добычи слюды, жемчуга и пр. Имеются указания на применение на промыслах (солеварение, рыбная ловля) наемного труда (док. № 7).

Для характеристики некоторых сторон быта сельского населения интересна грамота новгородского архиепископа Макария (док. № 2) об искоренении языческих обрядов в карельских деревнях. В грамоте указывается, что население продолжает совершать языческие обряды, молиться «древесам и каменьям». Макарий предписывает принять решительные меры против язычников, наказывать ослушников, а «скверные мольбища» их разорять, истреблять и «огнем жещи».

Среди повинностей, которое несло местное население по отношению к Московскому государству значительное место занимала военная служба, об этом, например, свидетельствует грамота Ивана IV о присылке в Московское ополчение со всех пятин людей с «коньми и с доспехом» (док. 17).

Большая часть документов второй главы относится к Соловецкому монастырю. Этот монастырь в XVI веке выступает как владелец обширной территории в Поморье. В уставной грамоте игумена монастырским волостям (док. № 11), регламентирующей кормы монастырской администрации, судебные пошлины, и другие повинности, упоминаются волости: Виремская, Шижемская, Сухонаволоцкая и Слободка. Монастырь в XVI веке владел большим количеством соляварен, рыбных тонь, вел крупную торговлю, о чем свидетельствуют записи в писцовых книгах. Помещаемые документы подтверждают также, что монастырь был полным хозяином в своих землях: назначал свою администрацию, творил суд, облагая население оброком, имел даже свои крепости и вооруженные гарнизоны (док. №№ 5, 13).

Приводимые в хрестоматии закладная и отступная грамоты характеризуют пути роста феодальной монастырской земельной собственности.

Публикуемая в хрестоматии выдержка из правой грамоты Палеостровскому монастырю о спорных землях с Муромским монастырем (док. № 10) чрезвычайно ярко вскрывает борьбу двух монастырей-феодалов за земельные угодья. При этом, как свидетельствует грамота, обе стороны в борьбе за землю прибегали к прямому насилию, грабежу и подлогам. Попутно грамота дает представление о характере самого судебного процесса

(состязание сторон, документальные свидетельства, допросы и показания свидетелей).

Местная администрация и ее деятельность в Карелии в XVI веке освещается рядом документов третьей главы.

Все материалы этой главы свидетельствуют о широком развитии самоуправления в карельских волостях в XVI веке. Это, повидимому, связано со сравнительно слабым развитием в Карелии крупного частного феодального землевладения и, следовательно, наличием в карельских деревнях большого процента государевых черных крестьян.

Участие в суде и в собирании налогов выборных представителей от местного населения (земских целовальников, старост, волостных судей) подтверждается несколькими грамотами и наказом управителю Заонежских погостов (док. № 16, 18, 19). В этих документах определяется круг деятельности выборных представителей и регламентируется взимание судебных пошлин.

Отдельные места из приводимых документов с достаточной яркостью изображают типично феодальные методы деятельности местной администрации (взяточничество, насилия, волокиту).

В ряде случаев такая деятельность администрации приводила к значительному разорению и запустению крестьянских дворов. Об этом мы в частности узнаем из приводимых в хрестоматии отрывков из писцовых книг (док. № 7).

Московское правительство возлагает на местные власти еще одну очень важную функцию — борьбу с уходом государевых тяглых крестьян на жительство в частновладельческие вотчины.

Одна из приводимых в хрестоматии грамот (док. № 20) предписывает старостам водворять ушедших в монастырские, владычные и боярские вотчины, государевых крестьян на прежнее их местожительство.

Вместе с тем эта грамота выясняет, что повидимому, уход государевых крестьян на жительство в частновладельческие вотчины был одной из форм борьбы против феодальной эксплоатации их государством.

Во внешней политике Русского государства в XVI веке, в частности в борьбе его со Шведским королевством за Прибалтику, Карелия играла исключительную роль. Карельский народ в союзе с великим русским народом самоотверженно боролся против иноземных насильников.

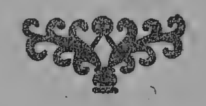
Несколько документов, помещенных в IV главе, ярко рисуют

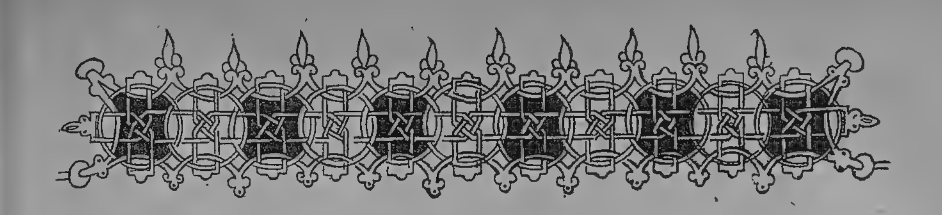
борьбу Московского государства с неоднократными попытками Швеции захватить территорию Карелии и поработить карельский народ.

Приводимый материал: инструкция шведского короля начальнику похода в Карелию Петру Багге, донесение шведского военачальника Свена Педерсена, грамоты царя Ивана IV и Бориса Годунова (док. №№ 21, 22, 23, и 24), со всей убедительностью подтверждают насильственный, грабительский характер шведских вторжений. Вторгавшиеся шайки бесчинствовали, разоряли и жгли погосты и деревни, разрушали промышленные заведения, убивали жителей.

В целях более быстрой ликвидации бедствий, нанесенных шведскими вторжениями, Московское правительство в конце XVI века дает местному населению ряд льгот. Об этом свидетельствует приводимая в хрестоматии жалованная грамота царя Бориса Годунова (док. № 24).

Таким образом, документальный материал со всей очевидностью подтверждает, что Карелия XVI века стояла на уровне передовых областей Московского государства, что она была важнейшей пограничной областью этого государства и что крупные сдвиги, происшедшие в развитии Московского государства в XVI веке (рост ремесла, торговля, административные реформы), нашли свое отражение и в Карелии.

1. КАРЕЛЬСКАЯ ДЕРЕВНЯ

№ 1. Иностранцы о Русском Севере времени Ивана Грозного

Генрих Штаден [1]

...Кола — река или залив. На этой реке русские рубят остроги; в особенности же Яков и Григорий Аникиевич Строганавы. [2] Около трех лет тому назад они здесь же поставили еще солеварню. Эти братья владеют еще городом Великой Пермью и Солью Вычегодской. Здесь на этой реке они торгуют с голландцами, антверпенскими торговыми людьми и другими заморскими. Они же обещали великому князю укрепить это место. Сюда голландцы и антверпенские (торговые люди) привезли несколько сот колоколов, которые были взяты из монастырей и церквей и всякого рода церковные украшения — венчики, светильники от алтарей, медные решетки с хор, церковные облачения, кадильницы и многое множество подобных вещей.

Кандалакша — река; на ней — незащищенный посад с небольшим монастырем. Здешние жители кормятся от моря вместе с монахами и их слугами. Здесь — граница Лапландии...

Кереть — река и незащищенный посад. Люди кормятся там от стекла, которое добывается из земли. Оно разрывается на тонкие листы, а потом из него делают окна; на русском языке это называется слюда.

---

[1] Немец-авантюрист, приехал в Московию в 1564 г., сделался опричником и участвовал в походе на Новгород 1570 г.. Генрих Штаден в 1576 г. покинул Московское государство и после ряда приключений приехал в Германию, где и написал сочинение о Москве Ивана Грозного.

[2] Богатые землевладельцы на Урале, ведущие обширную торговлю и сосредоточившие в своих руках почти все соляные промыслы на севере.

Кемь—река. На этой реке — большой незащищенный посад. Питаются сельдью и ловят семгу.

Шуя Карельская — бухта и незащищенный посад. Опустошен опричными.

Соловки — монастырь; лежит в море на острове, омываемом кругом со всех сторон, так что можно подойти на кораблях и объехать кругом этот маленький остров. Шесть русских князей отдались под покровительство этого монастыря со всеми их деньгами и добром.

Сума — река и незащищенный посад; принадлежит Соловецкому же монастырю. Торгуют разного рода товарами и топят ворвань.

Г. Штаден, „О Москве Ивана Грозного", стр. 63—64.

Стифен Бэрроу[1] (1556 г.)

...К юго-востоку и югу от Лаппии находится провинция, называемая Карелией, а народ в ней называется карелами. На юго-юго-восток от Карелии лежит страна, называемая Новогордией.

Все эти три нации состоят в подданстве русского царя... они говорят на собственном языке... Карелы, русские и москвитяне похожи друг на друга во всех отношениях.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI в., стр. 113.

Томас Соутэм и Джон Спарк[2] (1566 г.)

Мы выехали из Колмогор около 10 часов утра в ладье, или барже, которую мы наняли, чтобы доехать вдоль берега до места, называемого Сорока. На ладью мы наняли 6 матросов и мальчика, которые обязаны были довезти нас до означенного места. Ладья, или баржа наша имела 25 т вместимости или около того, на ней мы спустились по р. Двине при слабом ветре до монастыря, называемого монастырем св. Михаила...

30-го[3] мы отъехали от мыса острова Абдона в 4 часа утра, держа курс на запад, и к 10 часам прибыли в монастырь, называемый Соловки...

---

[1] Командир судна „Сергерифт", совершивший в 1556—1557 гг. путешествие по северным морям.

[2] Английские путешественники, совершившие путешествие от устья р. Двины до Новгорода.

[3] 30-го июня 1566 г.

Старшие монахи дали нам лист за печатью монастыря и одного из слуг, чтобы благополучно проводить нас по опасной реке Выгу.

Народ, обитающий в этих местностях, — дикий и говорит на другом языке; по большей части это все монастырские крестьяне. В листе было сказано, что они должны быть готовы оказать нам помощь во всех опасных местах и, где необходимо, перетаскивать наши суда и товары волоком, что они действительно и делали. . .

Около 4 часов пополудни мы вошли в реку Выг, близ селения, называемого Сорока. Здесь мы покинули нашу барку, или ладью, и пробыли до 3 августа, припасая маленькие лодки для плаванья вверх по реке.

3-го мы выехали из Сороки в 2 часа пополудни на нанятых нами 3 лодках с 12 гребцами и поплыли вверх по Выгу.

В этот день мы проехали 7 миль до места, называемого Островом, где провели ночь. На дороге, в 4 милях от Сороки, в месте, где вода падает со скал, как будто отвесно стекая с горы, нам пришлось выгрузить товары из лодок и заставить тащить их целую милю по сухому пути, после чего таким же порядком живущие здесь люди, крестьяне вышеназванного монастыря, перетащили на руках наши лодки.

Когда лодки прибыли к тому месту, где сложены были наши товары, мы спустили лодки в воду, снова погрузили в них товары и поплыли в названное выше место, где и остались всю ночь.

Мы выехали из Острова утром до восхода солнца, шли на веслах или тянули лодки 5 миль. Тут мы доехали до места, где мы снова принуждены были выгрузить товары и тащить их и лодки 3 мили по сухому пути; таким образом, гребя, таща и подтягивая лодки, мы проехали в этот день еще 7 миль до селения Слобода, где и провели ночь. . .

Город Повенец стоит в миле от знаменитого Онежского озера, которое тянется на 320 миль в длину и имеет в некоторых местах до 70 миль в ширину, а в наиболее узких местах до 25 миль; оно питается множеством прекрасных рек, впадающих в него. . .

Здесь следует заметить, что от Повенца до Сороки вниз по опасным рекам, по которым мы проехали, невозможно ни в какое время года перевозить товары, идущие из Новгорода, Нарвы и иных подобных мест, ибо летом нельзя везти товаров вниз по рекам вследствие водопадов, спадающих со скал; то же самое происходит и зимой из-за силы и течения рек, которые иногда так поднимаются, что в некоторых местах никогда не замерзают. Все товары, идущие из Новгорода в Повенец, перевозятся зимою сухим путем в селение, называемое Сумь (Сумский посад), расположенное, как и Сорока, на берегу моря. . .

Из Повенца мы выехали 12 августа в 9 часов утра на 2 маленьких лодках, нанятых до Толвуя на Онежском озере, в 50 милях от Повенца, куда мы и прибыли 13-го утром.

Тут мы купили лодку, на которой мы и доехали с нашими товарами до самого Новгорода...

30-го утром мы... приехали в город Новгород... Тут мы нашли агента компании Уилльяма Роули, который был здесь задержан со всеми своими спутниками и не получал разрешения выехать из Новгорода в Москву под тем предлогом, что в Новгороде была чума. Мы передали ему все товары, привезенные из Колмогор, потому что на пути мы продали их на какие-то гроши; очень уж бедно везде население страны.

Ниже показана прямая дорога для перевозки товаров из Новгорода до Розового острова в бухте св. Николая, где ежегодно грузятся наши суда...

180 миль от гор. Ладоги до монастыря Вознесения Христова, на верховьях Свири, хотя по этой реке очень много селений; селения или маленькие городки попадаются через каждые 5—6 миль.

160 миль от Вознесения Христова до монастыря св. Климента, хотя по всему берегу Онежского озера очень много селений.

48 миль оттуда до Вороньего.

67 миль оттуда до города Толвуя; и здесь по всему берегу озера различные селения, в которых везущие товары могут остановиться и добыть еду для людей и лошадей.

50 миль оттуда до Повенца, где кончается Онежское озеро...

В Повенце можно нанять не мало складочных помещений; если бы товаров было столько, сколько могут увезти 10 кораблей, то складов на это хватило бы. Но если много товара будет лежать там все лето и перевозиться в Сумы зимою, то в Повенце не легко достать лошадей, чтобы везти товар в Сумы. Поэтому для купленных в Новгороде товаров надо иметь подводы для перевозки их по санному пути в Сумы.

По рассказам русских, можно иметь до 2000 таких подвод. Из Новгорода каждый год зимой идет много санных подвод с возчиками в Сумы за солью; можно закупить пустые подводы, а потом пригнать их в Новгород и продать на рынке, или другим способом.

Из Новгорода в Сумский посад перевозка товаров обойдется по 8 или 9 пенсов с пуда; однако товары во всяком случае должны быть высланы из Новгорода к 6 января с тем расчетом, что бы они были в Сумах к сретению, ибо если товары задержатся в дороге до 15-го февраля, когда солнце начинает греть, то дело может принять опасный оборот. Лед на глубоких озерах Ладожском и особенно Онежском трескается от дневного солнечного тепла и если вдруг наступит неожиданная оттепель, как это часто бывает в это время года, то эти озера вскрываются и лед в них ломается, что влечет за собою гибель людей: тонут и люди и лошади; а между тем реки долгое время и после того остаются замерзшими.

В Сумском посаде так же много складов; недостатка в них для наших товаров ждать нельзя. . .

Писано Томасом Соутэмом, служащим компании.

Английские путешественники в Московском государстве в XVI в., стр. 113.

№ 2. Борьба с язычеством (1534 г.)

Здесь мне сказывали, что деи в ваших местах многие християне з женами и с детьми своими заблудили от истинныя християнския православныя веры, о церкви деи божии и о церковном правиле не берегут, к церквам и к божественному пению не ходят и к вам деи к отцам своим духовным, ко игуменом и попом, на покаянье не приходят, а молятца деи по скверным своим мольбищам древесом и каменью по действу диаволю: и среды деи и пятка и святых постов не чтят не хранят, в петров деи пост многие ядят скором, и жертву деи и питьи жрут и пиют мерзким бесом,[1] и призывают деи на те свои скверные мольбища злодеевых отступник арбуев чюдцкых, и мертвых деи своих они кладут в селах по курганом и по коломищем[2] с теми же арбуи, а к церквам деи на погосты тех своих умерших оне не возят сохраняти; также деи у них у которые жены детя родитца, и они деи наперед к тем своим родильницам призывают тех же скверных арбуев, и те деи арбуи младенцем их имена нарекают свойски, а вас деи игуменов и священников оне к тем своим младенцем призывают после; а на каноны деи свои призывают оне тех же скверных арбуев, и те деи арбуи и над каноны их арбуют скверным бесом и смущают деи христианство своим нечестием, и их деи развращенным учением те християне, заблудив, многая злочинья творили и до сего дни, и в том их нечестии и злочиньи велика поношенья бывают истиныя христовы веры православному християнству: . . . И яз ныне слышав о таковых неистовственных делех. . . святую воду послал к вам и к вашим детем духовным и к всему православному християнству, в ваши места, с своим рожественским священником с Ильею, а с тем священником с Ильею послал есми своих детей боярских Васюка Палицина да Ивашка Ошманаева, а приказал есми им у всех християн в ваших местех, те скверныя мольбища велел разоряти и истребляти, огнем жещи, а християн тех мест велел есми священнику Илии наказывати и поучати на истинную православную христову веру. . .

И которые арбуи и их учению идолопоклонници, от своих скверных дел престанут и учнут каятись вам, отцом своим ду-

---

[1] Исполняют языческие обряды перед принятием пищи.

[2] Похороны умерших в ящиках из бревен, устанавливаемых на поверхности земли.

ховным, что вперед им таким не быти, и вы б всех тех исправливали по правилам святых апостол и святых отец; а который арбуи и их ученици, идолопоклонници, вас, отцов своих духовных, не учнут слушати и на поученье к вам приходити, и вы о тех о всех не послушницех сказывали и возвещали тем детем боярским, которые христиане за которыми детьми боярскими живут, чтоб оне тех законопреступников имали и к нам присылали в Великий Новгород...

А которые христиане государя в. кн. заповедь и наше наказанье и преступят, ваших отцов своих духовных поученье, леностию и нерадством, не учнут, которые слушати и повиноватись вам о всяких недоумеемных делех духовне и телесне, и вы б о всех о тех непослушницех и о безчинствах отписывали ко мне к архиепископу подлинно, ныне с нашим священником с Ильею, да и впредь бы о том к нам отписывали ж, а ныне есмь велел своим детем боярским, Васюку Палицину и Ивашку Ошманаеву, тех всех ослушников и законопреступников, которые не учнут вам о своих согрешениях каятись, давати на крепкие поруки, с записьми, да срочити пред собя, перед архиепископа в Великий Новгород и тем всем от государя великого князя быти в великой опале, а от нас в конечном изверженьи без милости...

Писана грамота в Великом Новогороде, лета 1534 марта в 25 день. А подписывал архиепископль диак Васьян Александров.

Из грамоты новгородского архиепископа Макария в Вотскую пятину, в Чудь, Ижору, Карельский и другие уезды об искоренении языческих обрядов.

Материалы по Истории Карелии, док. 56.

№ 3. Земельный спор крестьян Остречинского погоста и Александро-Свирского монастыря (1555 г.)

Били нам челом из Оштинского стану из Остречин староста Михалко Онтонов и во всех крестьян место того погосту, что деи была у них тоня Нотосар на Свере на реке, а дана деи была та тоня двем боярщинам Яковлевской да Спиридоновской; и та деи тоня ныне отдана в Олександрову пустыню игумену з братьею; да в Олександрову ж деи пустыню дана деревня в Гакручье х той же тоне на приезд; и крестьяне деи тое деревни у Остречинского погоста отнимают воду по обе стороны Нотосара острова по 2 версты вниз и вверх, рыбу деи ловят сильно, а прежь деи сего они ловили лучовую рыбу берегом, а тянули всякое тягло к Оште,[1] а их деи Остречинскому погосту с Оштою вода и земля в роздел.

[1] Платили подати в Оште.

И как к вам Остречинского погосту крестьяне с сею грамотою приедут и вы б того сыскали книгами, как та тоня и деревня дана в Олександрову пустыню, и велено ли Остречинским крестьяном около Нотосара острова рыба ловити.

И в чем ся сопрут,[1] и вы б их в том судили, и обыском обыскали, и управу им учинили.

В чем будет вам им управы учинити невозможно, и вы б суда своего список и обоих исцов к нам прислали к докладу.

Писан на Москве лета 1535 г., октября — в 27 день.

Грамота царя Ивана Васильевича дьяку Федору Сверкову о производстве сыска о спорной тоне на р. Свири.

Материалы по Истории Карелии, док. 82.

№ 4. Крестьянское хозяйство по писцовым книгам (1563 г.)

Олонецкий погост

Настасьинские деревни в Ильинском приходе

На Олонце ж в Ильинском приходе Настасьинские деревни на Дедове горе. Дер. на Дедове горе на речке на Куксенге; во дворе Онтропко Тимофеев, во дворе Иванко Левонтьев, обжа, сеют в поле ржи 1½ коробьи, сена косят 6 коп. Дер. на Дедове же горе: во дворе Ондрейко Степанов да брат его Тараско, обжа без трети, сеют в поле ржи коробью, сена косят 5 коп. . .

И всех деревень живущих и пустых и с припускными 123, а дворов 347, а людей 452 ч., а обеж 148 бес трети обжи, а сошного письма 49 сох да 2 трети обжи. А оброку царева в. кн. в казну платят деньгами 16 рублев ноугородцкую и 4 гривны.

А угодей у них по писцовым книгам Юрья Костянтиновича Сабурова в Сямозере рыбная ловля. Настасьинским самозерцом в ловле 3 части в Самоозере, а Тимофеевским Грузова и Спиридоновским и Яковльским Слизина и Олександровским Тимофеева и Ондреевским Посохнова и с Васюковским Шалеева пяти боярщином четверть.

Ананьинские Теряева деревни в Ильинском приходе

В Олонетцкой же волости в Ильинском приходе царя и в. кн. деревни Онаньинского Теряева купетцкие. . .

[1] Скажут неправду.

И всех деревень 3, а дворов 14, а людей 17 ч., а обеж 7, а сохи 2 с третью. А оброку царева в. кн. идет деньгами 10½ гривны в ноугоротцкое число.

Волостка Микулинская

В том же погосте на Олонце царя в. кн. волостка Микулинская Остафьева Победитцкого вопче[1] со владыкою по половинам, а доход с тое волостки идет по годом переменяя — царя в. кн. год, а владыце год.

И всего деревень вопчих со владыкою 7, а дворов 23, а людей 35 ч., а обеж 12, сошново письма 4 сохи. А оброку идет деньгами и за хлеб в цареву в. кн. казну 14 гривен в ноугоротцкое число.

Деревни, взятые у архиепископа и отписанные царю в Ильинском приходе

В том же погосте в Рожественском и в Ильинском приходе царя в. кн. деревни, что бывали за владыкою, и те деревни в лете 1552-го по цареве государеве в. кн. грамоте Иван Ильич Кренев да Степан Микифорович отписали на царя государя в. кн., а в тех место деревень царь и в. кн. пожаловал, дал архиепископу Пимину в Вотцкой пятине в Тесове 100 обеж.

И всех деревень и с пустою 22, а дворов 202, а людей 214 ч., а обеж 100, а сох 33 сохи с третью.

А оброку по новому письму идет в цареву в. кн. казну и за белку и за рыбную ловлю и за Видлицу реку и за масло и за сено и за тиунскую и за ключничю пошлину, что владыка прибавил сверх жалованные грамоты, и доходу и за обежную дань 34 рубля и 8 алтын, да царя в. кн. пошлин с оброку рубль и 23 алтыны 4½ ден., да дворетцкого пошлин и дьячие и ключничи рубль и 25 алтын, да за мед и за рыбную ловлю 2 рубля, да царя и в. кн. пошлины 3 алтыны и 2 ден. да дворетцкого пошлин и дьячие и ключничи 3 алтыны и 3 ден да за откосное сено 3 рубли, да царя и в. кн. пошлин 5 алтын да дворетцкого пошлин и дьячие и ключничи 5 алтын з деньгою, да хлеба поспом ржи 93 четвертки бес третника четвертного, 62 четверти бес третника четвертново овса.

А угодья у тех деревень 100 обеж, что было за владыкою, в ловле вопче меж владычными крестьяны, что на Видлице реке, в ловле в неводной и в коловой четверть, а оброку владыце платили с тое четверти ловли 2 рубля московскую. А ныне царю государю платят крестьяне тот же оброк 2 рубля московскую.

---

[1] Вместе.

Новоприбылые отписанные на царя деревни

По Ондрееву письму Лихачева да подъячево Ляпуна Добрынина в той же цареве в. кн. волостке под деревнею, что на Олонце реке у Имониц, у Спирка у Федосова поставлена мельница после письма, а мелет 1-м колесом не во все лето в межень, а мелет днем да ночью коробью, а от мелева емлют от коробьи по деньге. И на ту мельницу положено оброку гривна ноугородцкая, а дати ему тот оброк на рожество христового лета 1564.

Владения софийского дома

И всех деревень живущих и пустых и с старыми и с припускными починками 197, а дворов 636, а людей 690 ч., а обеж 340 да четверть обжы, а сошново письма 113 сох с третью да четверть обжы. А оброку идет по новому письму владыце с тех старых деревень и с починков деньгами и за хлеб и за рыбную ловлю 162 рубля и 13 алтын и 3½ деньги.

Новоприбылые владения софийского дома

Прибыло во владычне же волостке. По Ондрееву письму Лихачева да подъячево Ляпуна Добрынина у той же владычни волостки озеро Видло да Туломозеро да Крошнозеро, а в них рыба: щука, лещ, судак, окунь, ряпукса и всякая мелкая рыба; а ловят те крестьяне, которые круг тех озер живут, лете неводы и сетьми и котцы, а зими неводы большими; а длина тем озером по 10 верст, а ловили безоброчно. А в писцовых книгах Юрья Констянтиновича Сабурова те озера владыце в угодье не написано. Да у Олонецкие ж волости архиепискуплих крестьян угодья не письменово ж у Ондрусова монастыря в лахте котечная ловля да пашенных островов: остров Городцкой, остров Ондрусов, да рыбные ловли; тоня в Габежне за лахтою против манастыря, а ловят одним неводом сиги; да у той же тони ловля меж лудош словет Сухая Лудоша, а ловят в осень сиги сетьме. Да сенокоше в болоте на новотеребе на пожне на Ламбе и в Ятезме и в Андрусове 65 копен.

... А которые архиепископли крестьяне живут на усть Олонце реки и в Видлице и в Кондушах, и те архиепископли крестьяне ловят с архиепископлях берегов на Ладожском озере и около Ондрусова острова и в лахте сетьми и кереготы, а оброку дают в цареву государеву казну со всякого человека по 2 алтына...

Земли своеземцев

В Олонецком же погосте своеземцев Максимка да Панкрата да Ивашка Есиповых детей да Куземки Онтипова. Дер. Пицыно под порогом живут сами земцы: Максимко, Кондратко, Онтипко, 2 обжи, сеют в поле ржи 4 коробьи, сена косят 40 коп., да у них же остров на Недле-озере. А сошного письма соха без трети.

В том же Олонецком погосте своеземцев Фетка Матфеева да Сенки Иванова. Дер. на речке на Седоксе: живет земец Сенка Иванов, во дворе Иванко да Фетко Нефедовы, обжа сеют в поле ржи 1½ коробьи, сена косят 40 коп. Дер. на Олонце реке противу погоста: во дворе Кондратко да Фомка Нефедовы, обжа, сеют в поле ржы 2 коробьи, сена косят 40 коп. Дер. на Тулоксе речке: во дворе Куземка Семенов, пол-обжы, сеет в поле ржы коробью, сена косят 10 коп.

И всего 3 деревни, а дворов 4, а людей 3 ч., а обеж $2^1/_2$ соха без полутрети.[1]

Запустелые от голоду деревни

Дер. в Чюи же наволоке 3 дворы пусты, поля и пожни лесом поросли 2 обжи, а запустели те 2 обжи от голоду 15 лет... Дер. в том же наволоке: двор пуст, засеву в поле коробья, сена 15 коп., поля и пожни лесом поросли, а запустели от голоду 15 лет, обжа а на ту обжу дана льгота на 3 годы...

Мельница и толчея на р. Тулоксе

...Да под тою ж деревнею мельница да толчея на Тулоксе речке, а мелет 2-мя колесы во весь год, а умилает днем да ночью 3 коробьи, а от мелива емлет от коробьи по деньге.

Никольский погост в Шуньге.[2]

Волость Федоровская, Остафьевская Глухова

...И всех деревень и с старыми починки 99, а дворов 66, а людей 259 ч. а обеж 113½ обжы да четверть обжы, сошного

---

[1] Всего в Олонецком погосте (причем эти подсчеты не являются точными, ввиду утраты начала рукописи) описано 356 деревень и починков из них: 3 дер. своеземцев, 157 владычных и 8 дер. общих с владычными, дворов в них—1078, из них: своеземцев — 4, владычных — 636, общих — 27, людей в них — 1256, из них: своеземцев — 3, владычных 690. Остальные деревни (дворы и люди) государственные.

[2] Всего в Шуньгском погосте по писцовой книге числилось — 132 дер., из них: помещичьих — 11, монастырских — 4. Всего дворов — 111, из них: помещичьих — 12, монастырских — 4, всего людей — 318, из них: помещичьих—18, монастырских 2.

письма 38 сох да четверть обжы, а преж того было в той боярщине 115½ обжы да четверть обжы. И с тех обеж по цареве и в. кн. грамоте отдельно Палеостровскому монастырю 2 обжы. А оброку платят за волостелин корм 102 рубля и 5 алтын, да хлеба поспом 207 четвертей ржы, 207 четвертей овса.

Прибыло

По Ондрееву письму Лихачева да подьячего Ляпуна Добрынина в той волостке прибыло. Поч. Огафоновский: Огафонко Васильев Медведев, Фетко Ермолин, сеют в поле ржы полкоробьи, сена косят 5 коп., 1/6 обжы, земля худа; а оброку положено деньгами и за хлеб 2¾ алтына да за волостелин корм 3½ деньги.

Выписка из писцовой книги Обонежской пятины Заонежской половине Андрея Лихачева.

Писцовые книги Обонежской пятины, стр. 58—75, 151.

№ 5. Отказ из-за непосильных налогов и оброка от рыбных ловель (1565 г.)

Се яз староста выгозерской и выборной судья Ондронов сын, по прозвищу Бурак, . . . и все крестьяне Выгозерские волости били есмя челом игумену Филиппу о том, что за нами было старого угодья за выгозерцы и за нюхчаны по книгам Марфинских Исакова на Выгу реке в Золотицкой тони 8 участков, да по тем участком поезд вод, и мы теми ловлями владели, а в государеву казну оброк платили по рублю по наугородцкому и по 12-ти гривен по наугородцкой, и от тое есмя ловли в конец истощали и опустели, потому что ловлишко худое, а от нас удалело за 100 верст и боле, и нам столько не добыть, сколько станет в проести и в волоките, а се государева дань великая, и нам тое ловли вперед ловить не мочно, уж есмя от нас вконец опустели, а ту-то пришли с одного Соловетцкого монастыря ловли, и мы били челом выгозерцы игумену и братьи, чтоб пожаловали, взяли за собя к своим ловлям нашу половину выгозерскую вод в тоне в Золотицкой 4 участка да полпоезда, а с нас бы сняли нашу половину оброку и в казну платили по книгам, а нам бы убытка в том не было. . .

А учнем мы выгозерцы вступатися в те участки в Золотицкую тоню или в полпоезда, или учнем искати на игумена и на старцах или в иные в кои ловли ни буди в соловетцкие на Выгу

учнем вступатись, ино на нас на выгозерцах, которые в сей записи имяны писаны, и на всех крестьянах Выгозерские волости за волокиту и за убытки заставы взяти игумены Филиппу 50 рубл. московская. А не учну яз игумен Филипп и келарь и казначей и старцы с тех ловель, которые в сей записи писаны, по книгам оброку платить в казну цареву государеву за выгозерские с нюхчаны по половинам или которой убыток будет им в тех ловлях; и на мне на игумене на Филиппе взяти выгозерцам за убытки и за волокиту заставы 50 рубл. московская; и оброк мне игумену и келарю и казначею и всей братии на те годы поднимати, сколько мы ловим.

А на другой стороны записи пишет: к сей записи выгозерской староста и выборной судья Филька Ондронов сын Бурак руку свою приложил и во всех крестьян своих место выгозерские волости, да послухи Некрас да Илейка да Сергеец руки приложили.

Отступная крестьян Выгозерской волости Соловецкому монастырю на участки в Золотицкой тоне по реке Выг.

Материалы по Истории Карелии, док. 92.

№ 6. Замена мелкого натурального оброка денежным (1573 г.)

Лета 1573-го февраля в 8 день Обонеские пятины Спасково погоста Выгозерского с Соловетцкого монастыря вотчины и с царя и в. кн. оброчных обеж, всего со 150 велено взяти по розводу государев столовой обиход. И с Спаского погоста Выгозерского крестьяне били челом государю царю и в. кн., что из Спаского погоста Выгозерского государева столового обиходу довести не мочно, что место дальнее, от Новагорода 700 верст, чтоб у них за корм взяли в государеву казну деньгами.

И по государеву указу взят у них со своего Спасково погоста Выгозерского со 150 обеж за государев столовой обиход за корм по разводному списку в государеву казну деньгами: за яловицу по сороку алтын, за боров живой по рублю, за полоть мяса свинного по 10-ти алтын, за тетерев по алтыну, за заец по 8-ми денег, за куря по 8-ми денег, за гусь живой по 5-ти алтын, за гусь мерзлой по гривне, за борон по 5-ти алтын, за ведро сметаны по полуполтине, за ведро молока пресного по гривне, за пуд масла коровья по 4 гривны, за сыр сметанной по 5-ти алтын, за сыр кислой мягкой по 8-ми денег, за сыр сухой кислой по 7-ми денег, за 100 яиц по 5 алтын. Дияк Иван Собакин.

Отпись дьяка Ивана Собакина Соловецкому монастырю в приеме денег за государев столовой обиход с Выгозерского погоста.

Материалы по Истории Карелии, док. 146.

№ 7. Крестьянское хозяйство и промыслы в Поморских волостях (1574—1575 гг.)

Волость Кереть на реке Керети. В волости церковь Егорей страстотерпец, да церковь теплая Никола чюдотворец, поставленья волосных людей; да на погосте дворы нетяглые на церковной земле: во дворе поп Микула, во дворе черной пономарь старец Перфирей, да четыре кельи, а в них живут нищие, питаютца о мире: дворы тяглые непашенные[1] на усть реки Керети... И всего 27 дворов, а людей в них 45 человек.

В Керети ж дворы бобыльские, а государю царю и в. кн. с тех дворов преж сего оброк не бывал, а промышляли те люди в варницах, дрова секли, а летом уходили на море на судех наимуючись, а луковых угодей и леших ухожеев и в реке Керети и по лешим озером в рыбной ловле доли за ними не было, и оброк с их дворов не шло ничего, и они били челом государю царю, чтоб им в реке в Керети рыба ловити и в луковых угодьях промышляти, сена косити и на морских тонях и по лешим озером рыба ловити, а с своих бы им дворов давати царю тот же оброк как и с иных дворов и с рыбные ловли с волостными людьми ровно:... и всего 5 дворов с полудвором. И по государеву цареву наказу Василей Агалин да подьячей Степан Соболев на те их дворы оброк положили по тому ж, как и с иных с Керецких дворов; а в реке в Керети и на морских тонях в рыбной ловле и в луковых угодьях промышляти им с волостными людьми вместе, а государевы им подати з дворов и с угодей с волостными людьми ровно, з двора по осьми алтын и по две деньги на год. И всего 32 двора с полудвором, а людей в них 51 человек.

Керецкие ж волости погостишко Чюпа в Чюпской губе над ручьем, а на погосте дворы тяглые непашенные:.. и всего в Чюпе 7 дворов, а людей в них 10 человек.

Керецкие ж волости погостишко Черная Река, а в нем дворы черные тяглые непашенные:.. и всего в Черной реке 7 дворов, а людей в них 8 человек. И всего в Керецкой волости 46 дворов с полудвором, а людей в них 69 человек. А давали они преж сего царю оброку, по Якимову письму Романова, со 60 дворов по 8 алтын и по 2 деньги з двора на год... и убыло из живущего в пусто по Третьякову дозору Зайцава перед Якимовым письмом Романова 41 двор, а оброку сложено 10 рублей и 8 алтын на год, а ныне по Васильеву письму Агалина да подьячего Степана Соболева вышло ис пуста в живущее перед Третьяковым дозором Зайцова 22 двора, а были те дворы в пусте от лета 1570 по обыску 3 годы, а запустели те дворы от Босоргина правежу и от

[1] По всей вероятности, бобыли, не имеющие земельных наделов и занимающиеся промыслами или кустарным ремеслом, с доходов чего и тянут тягло.

лолоду; да вново прибыло 5 дворов с полудвором, и обоего прибыло перед Третьяковым дозором Зайцова 27 дворов с полудвором, а оброку прибыло 6 рублей и 29 алтын з деньгою на год; в вперед им давати оброку царю в казну по тому ж как было преж сего, по 8 алтын и по 2 деньги з двора на год; итого 11 рублей и 20 алтын и 5 денег; а тот на них оброк положен с их дворов и з животов и с промыслов: а розводити им тот оброк промеж себя самим по своим животом и по промыслом.

В Керецкой же волости анбар Сенки Пирожникова, оброку он давал преж сего по алтыну на год, а вперед с того анбара давати оброку по 9 денег на год.

А в реке в Керети ловят красную рыбу семгу двема заборы всею волостью, а давали оброку преж сего за рыбную ловлю по 3 рубли по 8 алтын на год, вперед им оброку давати по тому ж по 3 рубли по 8 алтын на год. Да в реке ж в Керети ловит рыбу даньщик Сенка Ондронов да сын его Иванко, а емлют они и с тое ловли осьму долю по государевым жалованным грамотам, а дают они с тое ловли за осьмую долю оброку по 4 гривны на год с волостными людьми вместе в тот же оброк в 3 рубля и 8 алтын.

Да в Керети ж в реке тутошние жильцы и приезжие люди промышляют жемчюг, а являютца[1] у Керецкого даньщика, а емлют у него печати, а с тое их жемчюжные добычи идет на государя царя и в. кн. десятое зерно[2] лутчее, сколько хто добудет, а збирает жемчюг на государя царя и в. кн. Керецкой даньщик и отвозит к Москве и отдает в государеву казну з данными деньгами вмести ежегодно безпереводно.

В Керецкой же волости на Пулонском озере тутошние жильцы и прихожие люди промышляют, слюду бьют в каменных горах, и у прихожих людей емлют они оброк в волость, а преж того с их промыслу не бывал брок, а вперед давати им с того промыслу оброк царю и в. кн. в казну Кеpечаном и Чюпляном и Черноречанам по рублю на год.

Тони луковые по морскому берегу от Кемского рубежа от Ноугороцкого уезда... и всего 8 тонь, а ловят на тех тонях красную рыбу семгу всею волостью. И всего в Керецкой волости и в Чюпинской губе и в Черной реке 48 луков и $^{1}/_{12}$ лука.

А тем луком волостные люди ведают промеж собя в реке в Керети на тонях по морскому берегу ловлю красную рыбу семгу и по лешим местом в речках и в озерах ловят рыбу и на пожнях сенные покосы и в леших ухожеех звериные и птичьи ловища и всякие угодья: а луки ведают промеж себя по своим крепостям; а лук они купят промеж себя по 12 рублей; а давали они преж сего царю и в. кн. оброку по Якимову письму Романова с 45 луков по 2 гривны с лука на год; а по Третьякову

---

[1] Разрешение на промысел, связанное с уплатой специальной подати — явки.
[2] Платят оброк, равный $^{1}/_{10}$ части дохода.

Забор для ловли семги.

дозору Зайцова давали они преж сего оброку с 30 луков, а за лук по тому ж по 2 гривны на год и по Третьякову дозору Зайцова убыло из живущего в пусто перед Якимовым письмом Романова 15 луков, а оброку с них сложено 3 рубли; а ныне по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева прибыло из пуста в живущее 15 луков, а были те луки в пусте, а запустели от Босаргина правежу и от мору; да вново прибыло 3 луки и $^{1}/_{12}$ лука, а оброку прибыло 4 рубли з гривною на год, а вперед им давати царю в казну по тому ж, как было преж сего по 2 гривны с лука на год; итого 9 рублей и 12 алтын и 3 деньги.

И всего в Керецкой волости 17 варниц. А оброку с них шло по Якимову письму Романова с 44 варниц, которая варница топитца летом, а зиме не топитца, или которая варница зиме топитца, а летом не топитца, и с тое варницы оброку шло по 2 гривны на год; а которая варница топитца зиме и лете через весь, и с тое варницы на год: а по Третьякову дозору Зайцова давали они оброку со 16 варниц по тому ж по 2 гривны с варницы, и убыло из живущего в пусто по Третьякову дозору Зайцова перед Якимовым письмом Романова 28 варниц; а ныне по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева прибыло из пуста в живущее варница, была в пусте 4 годы, а запустела от Босаргина правежу; а оброку прибыло 4 гривны; а вперед им давати оброку царю и в. кн. в казну по 4 гривны с варницы на год, и всего с варницы давати 6 рублей и 26 алтын и 4 деньги.

Мельницы оброчные на реке на Керети: мельница Сеньки да Ортемка Шуигиных, а наперед того была та мельница Игнашевская Титова, дают они оброку по 5 алтын на год; 2 мельницы Соловецкого монастыря, оброку с одное мельницы 5 алтын, а з другие мельницы гривна на год; мельница Чюпского жильца Кирилка Григорьева, оброку 3 алтына на год; мельница Иванка Чюплова, оброку 5 алтын. . .

Керецкие ж волости сенные покосы, леших розчистях, розчищали их новооброчные, а не луковые. . . и всего с леших розчистей оброку рубль и 30 алтын и 4 деньги на год.

Да на монастырском берегу сенные покосы Пшагинские Соловецкого монастыря, а оброку они дают за 2 лука, с лука по 5 алтын без 2 денег на год, итого 9 алтын и 2 деньги.

На диком лесу живут царевы и в. кн. лопари крещеные, а промысл их: ловят по леших озерам мелкую рыбу, тем кормятца: Лопин Иванко Великая Голова з детьми, ловит рыбу на Нютке-озере да в ысточке, оброку дают по 5 алтын на год; тому ж Лопину Иванку ловити рыбы на Тикшеозере, а оброчился ново, а преж того с того озера с его ловли оброк не бывал, а вперед ему давати оброку по 2 алтына на год; Лопяне Поздейка да Тимоха ловят рыбу на Топ-озере, а преж того с того озера не бывал, а оброку им давати по 2 алтына на год; и всего с леших озер с Лопян за рыбную ловлю оброку 9 алтын на год.

Керецкие ж волости дворы и места дворовые и пустые и варницы и тони пустые. . . И всего 4 двора с полудвором да 12 мест дворовых. Да в Чюпе в пусте два двора, а оброку было с тех дворов преж сего по 8 алтын и по 2 деньги з двора на год.

По морскому берегу варницы пустые... и всего 30 варниц; а оброку было с тех варниц по 4 гривны с варницы на год.

По морскому берегу тони пустые: тоня в Глубокой губе, тоня на Сон-острову, тоня о... ти... на; и всего 3 тони; дань с них шла в луковое число.

А запустели Керецкой волости дворы и места дворовые пустые и тони и варницы и всякие угодья от лета 1568 году от лихова поветрья и от голоду и от Босоргина правежу и от Двинского иску.

К сей выписи Василей Третьяков сын Агалин печать свои приложил.

Выписка из писцовой книги Поморским волостям Василия Агалина.

Сборник грамот коллегии экономии, т. II. Л. 1929 г.

№ 8. Повенец в XVI веке (1582—1584 гг.)

Вяжитского же монастыря деревня Повенец. А в ней двор монастырской да 7 дворов крестьянских, 3 двора бобыльских, да двор пустой двор Петра Гозлов да 2 двора таможнитцкие,[1] двор Михалка приходца. Пашни паханыя 5 четвертей в поле, а в дву по тому же, пол-обжи. Двор Климетцкого монастыря, двор Палеостровского монастыря, двор Ушак Иванок. Да в той же деревне анбары торговых людей, на Повенце же на царя и в. кн. земле и на монастырской Вежитцкого монастыря (следует их перечисление). И всего деревня Повенец, а в ней 3 дворы монастырских разных монастырей, да 7 дворов крестьянских, да 4 дворы бобыльских живущих, а людей в них тож, да 2 двора таможенных, да двор пустой, пашни паханыя 5 чети в поле, а в дву по тому ж. Да в то же деревне 44 анбары да сальница торговых людей разных волостей, а сыплют в них рожь и овес и соль кладут и всякие товары: а оброку с тех анбаров в государеву казну дают 3 рубля с гривною на год, да пошлин 5 алтын с деньгою.

Выписка из писцовой книги.

Неволин, „О пятинах и погостах Новгородских", прибавл. IV, стр. 164.

---

[1] Таможни и места сбора торговой пошлины.

№ 9. Ямская повинность (1597 г.)

Бил нам челом Ковской волости мирской староста Иванко Михайлов Зубков и во всех крестьян место на Кандалашского старосту на Григорья Ильина, да на Керецкие волости на старосту на Остафья Харитонова, и на всех крестьян тех волостей, а сказали: от них де до тех волостей до Кандалакши 60 верст, а до Керети 60 же верст, а посланников де наших они Ковдяне и Порьегубцы возят до их земли по обе волости по 10 верст, а через их земли по Кандалакшской волости 50 верст, мимо тех Кандалакских жильцов Княжые губы, и по Керецкой де волости мимо Керецких жильцов Черной речки возят они 50 же верст, а они деи в том не считаются от 1589 году, от Немецкие войны [1], по нынешней 1597 год; да у них же в Порьегубской волости промышляют старцы Соловетцкого монастыря двема церены, а Печенского монастыря цреном, а с ними де те старцы Соловецкого и Печенского монастыря в подводы и в кормы не тянут, и которые де казачки и торговые люди живут у тех старцев и у их промыслов, и те де Соловецкого и Печенского монастыря старцы тех торговых отъимают за собя, и с них де нашего тягла не дают, и кормов и подвод в Ковде и в Порьегубы не тянут... и как к тебе ся наша грамота придет: и ты бы Соловецкого монастыря старцом и их промышленником, которые за ними живут и у их промыслов за Соловецким монастырем Ковды волости и Порьегубе с старостами и с целовальники и с волостными крестьяны во всем велел считатися, и всякие наши подати платити, и подводы давати с волостными людьми вместе за один по прежнему...

А что Ковдяна и Порьегубцы за Кандалакшан и за Керечан наших податей платили и подвод отпускали, и ты б у них, у обоих исцев, в прошлом во 1596 году и нынешнего 1597 году велел взяти росход и прогонные книги за их руками, по которым книгам они под нашими посланники суды и подводы отпускали, и по тем книгам перед собою старостам и целовальником велел их считать в правду, по нашему крестному целованью не норовя и не дружа ни в чем никому никоторыми делы; да что по счету на ком кому взяти доведетца, кто за кого через чужую землю колько верст гонял и сколько подвод лишних в тех годех дал, и то все имянно, подлинно велел написати в роспись, за целовальниковыми руками и за своею печатью прислать к нам к Москве, и мы по тому велим указ свой учинить.

А про то бы еси всякими сыски сыскал накрепко, и будет прежь сего и до Немецкой войны Ковской волости крестьяне, и Кандалакшане, и Керечаня, наших посланников с Ковдяны

[1] Имеется в виду Ливонская война.

и с Порьегубцы на подводах возили и считалися за один, и в сыску про то скажут; и ты б, вперед, Ковским Порьегубской волости, и Кандалашским и Керчаном крестьяном, под нашими посланники велели подводы отпущати и гоняти и считатися вместе за один, и подводы отпущати и переменяти по жилым местом и мимо жилых мест никто б ни у кого не гонял, и гоняли бы и подводы давали всяк по своей земли...

Из грамоты царя Федора Ивановича в Кольский острог об уравнительной раскладке податей и подвод между крестьянами Ковдской, Кандалакшской и Керецкой волостей и Соловецким монастырем.

Материалы по Истории Карелии, док. 286.

2. МОНАСТЫРСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

№ 10. Спор о земле между монастырями (1538—1539 гг.)

...1538 г. сентября в 14 тягася игумен Корнилей Палеостровского монастыря и в братьи своей место с игуменом Лаврентьем Муромского монастыря. Так рек игумен Корнилей, став перед судьями: по государеве грамоте жалоба ми господне, на игумена на Лаврентея Муромского монастыря и на его братию, на старца на Левонида да на Варлаама, и на его слуг, на Гридю на Широкого да на Васюка на Чалца; дал Панфилей Селифонтов в дом рожества святыя богородицы и святого пророка Илье в Палеостровской монастырь в Уноских землю и воду и пожни и ловли о страдомные земли и селища и полешие лесы; и той, господине, игумен Лаврентий Муромского монастыря и его старцы и его слуги в тех Уноских землю и воду отнимают, а нас, господине, тот игумен Лаврентий и его старцы и его слуги той земли и воды лишают, а наших, господине, слуг и крестьян бьют и грабят; деялось, господине, в великой пост лета 1538, во вторник на шестой недели, приехали, господине, те старцы Муромского монастыря, Левонид и Варлаам, да и с теми слуги: з Гридею да с Васюком и со многими людьми на наши на монастырские деревни Палеостровского монастыря разобьем...[1] диака Кузмина сына и наших крестьян били и грабили и вязали, а грабежю взяли из монастырской житницы хлеба 200 и полтретьятцать, да шесть кокотов сетей плавучих, да 15 переметов сетей сиговых; а всего того, господине, грабежю взяли запасу

---

[1] В рукописи одно слово не разобрано.

из монастырской житницы хлеба на 8 рублев на московскую з гривной с московской, опричение крестьянского грабежю; и мы, господине, тех старцев Левонида да Варлаама и их слуг Гридю и Васюка познали, а многих людей не познали.

И судьи так рекли: «отвечай». И став ответчик Левонид в игуменово место и в слуг, да Васюк Чалец, так рекли: «не знаем, господине, не ведаем, ни бивали есмя их ни грабливали, тем нас клепают;[1] дай о земли и воде им допрос». Вопросили игумена Корнилия: «почему ты называешь тую землю и воду своею землею и водою?» И игумен так рек: «по тому, господине, называю своею, что есть, господине, у меня на ту землю и воду духовная Панфилия Селифонтовна и данная. . .»

И судьи так рекли: «сверх того, игумен, у тебя той духовной есть ли что улика?» И игумен так рек: «сверх той духовной есть у меня на ту землю и воду старики семи погостов». И судьи так рекли: «где у тебя, игумен, те старики». И став старики так рекли, Шунского погоста из Киж Якимко Яковлев, да Василей Терентьев сын, да Михайло Терентьев: «скажем, господине, по крестному целованью: дал Панфилей Селифантов половину земли и воды и пожен и селищ в Уноских в доме пречистий богородицы и святому пророку Илье в Палеостров; то мы, господине, ведаем». И старец Левонид и Варлаам так рекли: «то господине, на нас послухи лживые; дайте нам, господине с ними божью правду, целовав крест да лезем с ними на поле битьца, дайте нам племянника». Да из Никольского погоста из Шуньги став старики так рекли: «скажем, господине, по крестному целованю, Остафей Борсов, да Никита И. . .[2] сын, да Иван Михеев, дал Панфилей Селифонтов половину земли и воды и пожен и селищ в Уноских в дом пречистой богородицы и святому пророку Илье в Палеостров: то мы, господине, ведаем». . .

(Далее идут показания свидетелей, подобные приведенному выше, нами опускаются).

И судьи спросили у Васюка у Кузьмина сына: «чим их уличаешь?». И Васюк так рек: «уличаю, господине, их крестом животворящим, крест целую и на поле с ним лезу битьца; дайте ми, господине, племянника». И судьи вопросили старца Левонида да Васюка Чалца: — «вы крест целуете ли, а на поле лезете ли битьца?» И Левонид да Васюк так рекли — «крест, господине, целуем и на поле битьца лезем; дайте нам племянника». И оба исца поимались за поле. И судьи вспросили игумена Корнилия: «сверх того, чим уличаешь?» И игумен Корнилей так рек: «шлюсь, господине, во обыск в земской на 7 погостов на старост и на людей на добрых». И старца Левонида да Васюка Чалца судьи вспросили: «вы на те 7 погостов шлетесь ли во обыск в земской на старост и на людей на добрых?» И Левонид да Васюк так

[1] Говорят неправду.
[2] В рукописи одно слово не разобрано.

рекли: «шлемся, господине в полушевство». И старосты стали тех погостов и люди добрые. И судьи вопросили у старост, у людей добрых: «скажите по крестному целованью по в. кн. сверх того суда, что вам ведомо промеж тех игуменов?». И став староста Кижского погоста Ерш Сергеев так рек: «скажу, господине, по крестному целованью и во всех крестьян место Кижского погоста, что дал Панфилей Селифантов половину земли и воды и всех угодий в дом святий пречистой и святому пророку Илье в Полеостров; то нам, господине, ведомо». Да туто ж стали Шунского погоста староста Иван Денисьев, да Толвуйского погоста стали люди добрые, да Челмоскаго погоста староста Григорей Федоров Горбачев, да из Купетскаго погоста староста Еремей Панфильев сын Куков, да Кузаранского погоста староста Олфим Микифоров сын Сосунов да из Шальского погоста староста Данила Микитин сын Юсов, так рекли: — «скажем, господине, по крестному целованью, что дал Панфилей Селифонтов половину земли и воды и пожен и селищ в дом святий пречистой и святому пророку Илье в Палеостров, то нам, господине, ведомо». Да став не сходя с суда старец Левонид, да слуга Васюк Игнатьев в игуменово место Лавреньтево всем братством так рекли: «Жалоба нам, господине, на игумена на Корнилия и на его братию и на их слуг; наезжает, господине, тот Корнилий с своею з братьею, на нашу землю описную в Уноские, и землю, господине, пашет сильно, и ловли ловят сильно ж, и вешки поставили сильно ж: да тот же Корнилей с братиею отняли у нас починок наш монастырской на Марнаволоке; да тот же Корнилей з братиею поставили починок на Пертонаволоке, на нашей земли описной, в нашем же ободу; да от того ж Корнилия и от его братии все мы есмя изобижены и изгоняны, и наши крестьянишка вытравлены, и неводы режут у наших крестьянишек, и ловли тем не дают...» И судьи так рекли игумену Корнилию: «отвечай». Игумен Корнилей так рек с старцем з Галасием и в братии своей место и слуг: «ни знаем, господине, ни ведаем; неведов есми у них не резали, а сильно починков у них не отнимаем, а вешок на их земли не ставим, земли у них сильно не пашем, и ловли не ловим; а починки, господине, ставим на своей земли, а вешки ставим на своей же земле, а рыбу ловим на своей воде и землю пашем свою». И судьи вспросили у игумена у Корнилия и у старца у Галасея: — «почему вы называете ту землю своею?». И Корнилей игумен так рек: «есть господине у нас духовная данная грамота а та, господине грамота у вас в суде.» И судьи вспросили старца Левонида да Васюка Игнатьева: «а вы, почему ту землю, называете своею землею, да и воды своими водами?» И Левонид так рек да Васюк Игнатьев: «есть, господине, у нас на ту землю и воду менованная грамота: Се менил Панфилей Селифонтов з Богдановым Ермолиным землею на землю... *(И далее в тексте приводится менованная грамота).*

А сверх того, господине, у нас есть данная грамота, а се, господине, грамота перед вами и в грамоте пишет... *(Далее в тексте приводится грамота).*

И судьи спросили Левонида старца и Васюка Игнатьева: «сверх вашей грамоты менованной и даной грамоты, что у вас улика на ту землю и воду?». И старец Леонид и Васюк Игнатьев так рекли: «есть, господине, у нас сверх тех грамот старики». И судья спросили Иванка Онисьева, у стариков, да у Созонка у Михалева, да у Тимоха у Микулина, да у Иарфия у Макарова, да у Омельяна у Логинова: «чьи вы крестьяне?» И они так рекли: «крестьяне мы господине, Муромского монастыря». И судьи спросили: «что вам ведомо промеж тех игумены?» И они так рекли: «Не ведаем, господине, ничего промеж тех игуменов, отцы наши, господине, жили 80 лет за теми Муромскими старцами, а сами есмя, господине, живем уж 70 лет за ними ж после отцов своих; а скажем, господине, по крестному целованью, что промеж тех игуменов не ведаем ничего.» И судьи спросили старца Левонида да Васюка Чалца: «сверх тех стариков, чим вы их уличаете?». И Левонид да Васюк так рекли:— «шлемся, господине, на в. кн. книги; а сверх того, господине, шлемся на старика, которой у нас старик ставился на пен на Марноволок.»

И судьи спросили старика Микулко по крестному целованью по в. кн. «что ты ведешь промеж тех игуменов?» И Микулка так рек: «скажу, господине, по в. кн. крестному целованью, что есмя, гоподине, ставился на пен на Марнаволок, а бревна имал на Лухто острове на Паловой ниве.

И судьи спросили: «от кого тот ставился?» И Микулка так рек: — «ставился есми, господине, от палеостровских старцов.» И о сем реклися судьи списке доложити дворецкогб ноугородского Дмитрея Федоровича да в. кн. дьяков Ивана Офонасьевича да Никиты Васильевича. И по двоерецкого ноугородцкого Дмитрея Федоровича Ласкирева и в. кн. дьяков Ивана Вязги Офонасьева сына Сукова и Никиты Васильева сына Великого докладу судьи Третяк и Спиридон игумена Корнилия Палеостровского монастыря и его старцев в их иску в земли и в рыбных ловлях и восьми рублев московских з гривною с московскою и в двухстех и в полутретьяцати коробьях ржи, что они искали на муромском игумене на Лаврентий и на его брати, да и в том, что игумен Лаврентий Муромского монастыря з братьею искал на Палеостровском игумене на Корнилие ста и полутретьяцать рублев московских и земли во обоих делах игумена Корнилия з братею оправили, а Муромского монастыря игумена Лаврентия и его братью обвинили. И дали на тое землю и на рыбные ловли Палеостровскому игумену Корнилию и его братии сю свою правую и утягалную грамоту, а иск игумена Корнилия и его братии на игумена Лаврентей и на его братии доправили и пошлины, что они давали от судного списка, от подписи и от печати и от правой грамоте, да отдали игумену Корнилию и его братии.

А к всей правой грамоте судьи Третьяк Кривякин и Спиридон Михайлов сын печати свои приложили лета 1539.

Из правой грамоты Палеостровскому монастырю о спорных землях в Уноксах с Муромским монастырем.

Материалы по Истории Карелии, док. 57.

№ 11. Хозяйство Соловецкого монастыря в XVI веке (1548 г.)

Се яз игумен Филипп Колычев Соловецкого монастыря, посоветовав священники и с келарем и с казначеем и с старцы соборными и со всею еже о христе братиею, благословил и

Церковь Клименицкого монастыря — XVI веке.

пожаловал есмя крестьян своих Виремские волостки и Шиженские и сухонаволочан и сумлян и Слободку монастырских крестьян, дали есмя им свою грамоту уставную, как у них быти по нашему благословению старцу приказчику да старцу келарю да слузе нашему доводчику и свой поминки з году на год имати.

Размеры «корма» приказщику и келарю

Тако ж благословил и пожаловали есмя крестьян своих Виремские волостки: давати им приказщику з житейских дворов с тяглых з 20-ти луков да с 3-х за кем сколько угодья, по розщету с лука, приказщику по 4 деньги московскую, да келарю виремскому по дензе по московской, а доводчику по две деньги по московской же, что им поминка з году на год и с великим днем; а з бобылей, кои живут о себе дворцами, с тех имати приказчику по 2 деньги по московскую, а келарю виремскому по полуденьзе, а довотчику по деньзе по московской, а келарю имати по полуденьзе с виремских казаков, со всех, то ему на год поминка и с великим днем.

О размерах и порядке сбора судебных пошлин

Тако же благословил и пожаловал есмя приказщика и доводчика: имати им с казаков с сумских и с виремских и з шиженских и с сухонаволочен и в Слободке приказщику по 2 деньги по московской, то им поминка на год и с великим днем; а просит хто у приказчика доводчика в Суму в Шижню или в Сухой наволок или в Слободку, и будет доводчику случитца тамо ехати, и ехав на поруку даст, а от поруки ему не взяти ничего; и как минетца дело, и доводчику взяти на виноватом езду на версту по полуденьзе, а станут крестьяне межи собя поруки даватися в Суме и в Шижне и в Сухом наволоке и в Слободке, а у приказчика доводчика не прося, и доводчику меж их кому до кого дела на поруки, а от поруки не давати ничего, развее хоженного 2 московки на виноватом, как дело минетца; а прилучитца сумлянин или из Шижни или из Сухово наволока или из Слободки, тот человек в Вирме, коего на поруку давати, и доводчику его на поруку дати в Вирме, а от поруки не взяти ничего, развее хоженного ему 2 деньги, как дело минетца на виноватом; а случитца суд перед приказчиком, и приказщику имати пошлина судная с рубля по 10-ти денег по московскую, а свыше рубля или ниже, по розщету; а сошлютца с суда на правду и случитца доводчику на правду ехати и правду перед приказщиком поставити, и ему взяти езду вдвое на версту по деньзе; а сослався с суда на правду и межи собы помиритца не ставя правды, и подводчику взяти, не ездя на правду, ссадного деньга московская, хто поимаетца; а прилучитца нашему крестьянину монастырскому каково дело до иных волостей крестьян, а пойдут к сроку к Выгозеру к суду, и нашему доводчику с ними к Выгозеру за делы идти, и крестьян в суде беречи накрепко, а от того у крестьян ни поминка ни езду не имати доводчику ничего, развее коему крестьянину дело, и ему доводчика к Выгозеру вести на своих конех, а лете в судне, да и кормити;

а лучитца крестяном 3-м или 4-м или сколько ни буди дел к Выгозеру, и им доводчика вести сопча и кормити по расчету.

О сборе куницы и явки

Тако ж благословил и пожаловали есмя старца приказщика, которой крестьянин выдаст замуж дочь или сестру или племянницу из Сумы и из Вирмы и из Сухово наволока и из Шижни и из Слободки в иные волости, и приказщику на том взяти, хто выдаст, за куницу 2 алт.; а промеж собя в наших волостях понимаютца, и приказщику взяти на князе и на княгине алтын, а приведут хто из-за волости в наши волости или в Слободку, и приказщику взять со князя и со княгини 4 деньги московская; а придет каков казак незнаемой или и преж сего живал, а похочет в Вирме и в иных наших волостках и в Слободке жити и промышляти, и у коего человека станет жити, и тому человеку с ними идти к приказщику и к доводчику да его явити, а явки приказщику дати 2 московки, а доводчику московка; тако ж в Суме и в Шижне и в Сухом наволоки и в Слободки каков казак придет вново жити, а похочет в коей нашей волостке жити и промышляти, и у кого станет жити, и так приедет доводчик в кою волость и тому человеку того казака доводчику явити, а явку приказщику дати 2 московки, а подводчику московка...

Из уставной грамоты Соловецкого монастыря монастырским волостям.

Материалы по Истории Карелии, док. 69.

№ 12. Крестьянские повинности в монастырских вотчинах (1570 г.)

Лета 1570-го августа в 10 день государевы царевы и в. кн. дьяки Данило Микулин сын Бартенева да Микита Юрьев сын Шелепин взяли во государеву цареву и в кн. казну у соловетцких старцев, у строителя у старца у Меркурья, да у свещенников у Геронтья да у Якова, государевых царевых и в. кн. денег ямских и приметных и всяких податей нынешнего 1570-го году с соловецких деревень из Спаского погоста с Выгоозера с 30-ти сох и третью ноугородцких 40 руб. да 5 рубл. А досталь тех денег ямских и приметных и всяких податей 32 руб. и 3 алт. и 4 деньги, да с новоприбылых рыбных ловель и с анбаров оброков на прошлой 1569-й да на нынешней 1570-й год рубль и 24 алтын и 5 денег и з пошлинами переведены на строителе Соловетцкого монастыря на старце на Меркурье з братьею и по той переводной те деньги велено доправити на старце на Мер-

курье з братьею Степану Калитину да подьячему Скоряте Дмитриеву. Дияк Данила Бартенев.

На обороте: деньги 33 рубл. и 20 алт. взято.

Отписка дьяка Данилы Бартенева Соловецкому монастырю в приеме податей с монастырских вотчин.

Материалы по Истории Карелии, док. 95.

№ 13. Монастырь—ростовщик (1572 г.)

Се яз Тимофей да яз Семен да яз Никон Кузьмины дети Горемыкина из Подужемья занял есмя у соловецкого старца у Исака 3 руб. и 2 алт. и 2 деньги казенных денег ходячих октября в 21 день лета 1572-го на 5 лет до лета 1578-го. А заложили есмя ему в тех деньгах отца своего и свой лук и угодья в Кеми реке, водяную ловлю в заборах в Пудожемской четверти.

А ловити ему в Кеми реке за рост от лета 1572-го 5 лет и по рекам и по тоням, чем Кузьма Горемыкин владел рыбную ловлю.

А не выкупим мы того лука в лета 1578-го до отлову на Филипово заговейно, и мы Тимошка з братьею и закладу своего лишены, и ся закладная на отца нашего угодье и на наше и купчая и отводная вдернь без выкупа.

А выищется хто з закладною или с купчею, и мне Тимошке з братьею очищати от купчих, и от кабал, и от закладных, и от записей.

А закладную кабалу писал земский диачек Кемские волости Первущица Филипьев сын лета 1572-го октября в 28 день. А дань и оброк государской и разрубы, платити нам монастырским в ту 5 лет.

А назади пишет: в послусех Харя да Василей руки свой приложили.

Закладная кабала братовей Горемыкиных Соловецкому монастырю на рыбные угодья.

Материалы по Истории Карелии, док. 140.

№ 14. Соловецкий монастырь—крепость (1583 г.)

...И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б Соловецкого монастыря с угодьем, сыскав допрямо, что монастырьских прямых угодей, с Керети, с Порьегубы, и с Умбы и с Кандалакши и с Колы, с их дворов и с угодей, что за монастырем, в Колу волость к острожному делу посошных и ратных людей в острог и монастырских слуг и крестьян не имал для того, что они острог Соловецкой устроили монастырскою казною и оберегают острог от приходу немецких людей своими людьми и крестьяны. А будет Соловецкие старцы вступаютца, а называют наших кре-

стьян в тех волостях своими крестьяны и ты б про тех сысков к нам тотчас отписал. А будет их монастырские луки и угодья в тех волостях, и ты б в их монастырские земли и в угодья ничем не вступался по сеи нашей грамоте.

Писана на Москве лета 1583 декабря в 17 день.

Пропись у сее грамоты государева дияка Ондрея Щелкалова.

Из грамоты царя Ивана Васильевича в Колу об освобождении Соловецкого монастыря от обязанности доставлять из владений монастыря людей в Колу „к острожному делу".

Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв., док. 8

№ 15. Грамота Соловецкому монастырю на сбор таможенных пошлин в поморских волостях (1591 г.)

...Как к вам ся наша грамота придет, и вы б в Кемской волости да и в Сумской волости да в чети Варзуской волости и в ыных своих поморских волостях велели тамгу и явку и рыбную десятину збирати по сей нашей по уставной грамоте с ыногородцов с приезжих гостей со всякого товару с рубля по 7-ми денег, а Кемские волости и Сумской волости и иных ваших поморских волостей со крестьян с рубля по 2 деньги, а с конного человека имали полозового явки по 2 деньги, а с пешого по деньге. А которые иногородны и поморцы из ыных волостей учнут приежжати в ваши поморские волости со всякими товары, и тем людям, не явясь вашим монастырским приказным людем, товаров своих в онбары не выкладывать.

А хто в Кемской волости и в Сумской волости и в ыных в ваших поморских волостях крестьянин или проезжий человек купит или продаст лошадь, ни с того имать купца по 2 деньги, а с продавца по 2 деньги ж. А хто купит или продаст корову, и с тех людей имать с купца по деньге, а с продавца по деньге ж. А хто в Кемскую волость и в Сумскую волость и в иные в ваши с поморские волости приедет в лодьи или в сойме или в карбасе и начуют в тех волостях, и с тех людей имать несложново со всякого человека з головы по деньге; а которы люди в тех волостях ночевать не похотят, а поедут мимо волостей и с тех людей ничего имать не велели. А которые Кемские волости и Сумской волости и иных ваших поморских волостей крестьяне у своих варниц по морскому берегу и по рекам и по губам[1] учнут соль продавати приежжим гостем и ваших монастырским слугам, и с тех с проезжих гостей таможные пошлины имать с рубля по 7-ми денег, а Кемские волости и Сумские волости и иных ваших поморских волостей со крестьян имать с рубля по 2 деньги. А которые Кемские волости и Сумские волости и

[1] Морской залив.

иных ваших поморских волостей крестьяне и подужемцы и приезжие люди и бобыли и казаки учнут рыбу семгу и лосось и тинду ловить на кемских и на сумских и иных ваших поморских волостей на водах по морскому берегу по тоням и по рекам и в заборах и в приколках и гарвами, и на тех людей имати явки 10-ю рыбу семгу и тинду и лосось; а в Варзужской волости которые торговые люди иногородцы приезжают и с соловецкими старцы и с их монастырскими людьми, которые у них люди по тоням и по рекам рыбу ловят и торгуют и в их анбарех ставятца и рыбу у них покупают, а им всякой товар продают, и с тех с торговых людей явку и тамгу и с рыбных ловцов десятину рыбную по сей таможной грамоте в своей чети волости соловецким збирати самем, потому что тое таможную и десятинную пошлину с своей Варзуской чети Соловецкого монастыря игумен Ияков з братею платят по окладу на Москве всю сполна, а Варзуския волости крестьяном в те пошлины не вступатись ни во что, а без явки им рыбы продавать не давать.

А которые приезжие гости и Кемские волости и Сумские волости и иных поморских волостей крестьяне в своих товарех протамжатца, на тех людех протаможья имать по 2 рубли, а будет товару тово меньши, и с того имати проматожья в полы по рублю. А которые з заморским питьем с вины и с раманиею и со всяким с продажным питьем приедут и тем питья продавать тутошним людем не давать, а те питья у них печатать до тех мест, покаместь исторгуетца; и как исторгуетца, и тех торговых людей с теми с продажными питьи отпущать безоплошно. А хто учнет продавать безъявочно, и на тех людех имать заповеди с выимки [1] на нас по 2 руб. чтоб иным не подано было воровать и питья продажного держать, да то велети писать в книги[2] имянно, да те заповедные деньги привозить к Москве в четверть дияка нашего Ондрея Щелкалова с оборочными деньгами вместе.

Писана на Москве лета 1591 г. июнь в 19 день.

Из уставной таможенной грамоты царя Федора Ивановича Соловецкому монастырю на сбор торговых пошлин в поморских монастырских волостях.

Материалы по Истории Карелии, док. 26.

3. МЕСТНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ В КАРЕЛИИ

№ 16. Участие в суде выборных земских целовальников (1542 г.)

Се яз кн. в. Иван Васильевич всеа Русии, пожаловал есми керетчан Данилка Васильева сына Игумнова да Агейка Иванова

---

[1] Штраф.

[2] Книга, куда записывались штрафные деньги.

сына Охлопка да Васюка Фомина сына Кривого и во всех место керетчан и ковдян, что мы били челом, а сказывают о том, что наши даньщики и слободчики[1] земских людей керетчан и ковдян судят не по суду, а земским людяем лутчим и середним на суде даньщики и слободчики быти у собя не велят, да в том керетчаном и ковдяном земским людем чинят продажи великия, а выбрали деи они в целовальники всею волостью Григорья Семенова сына Тряску, да Василья Филиппова сына Чорного, да Федора Нестерова сына Чермного, да Демидка Микулина сына Боркова, да Семена Кондратова сына, да Якова Григорьева сына Корелу: и мне б их пожаловати, у керецких и у ковдинских даньщиков и у слободчика тем целовальником велети быти на всяком суде. . .

И яз кн. в. керетчан и ковдян земских людей пожаловал: велел есми быти в целовальниках Григорью Семенову сыну Тряске да Василью Филиппову сыну Чорному с товарищи, которые в сей грамоте писаны имяны, и тем целовальником быти у керетцких данщиков и у слободчика на суде, переменяяся на трое по месяцом да которые из тех целовальников грамоты умеют, и тем целовальником у данщиков и у слободчика к судным списком руки свои прикладывати, а без целовальников даньщиком и слободчику суда не судити никакого; да и у разбойничьих дел, по губной грамоте, велел есми быти тем же целовальником, Григорью Семенову сыну Тряске с товарищи и дела делати по губной грамоти вправду, по крестному целованью; а тех всех целовальников велел есми их привести к целованью на том, что им у даньщиков и у слободчика на суде всякого дела беречи вправду, по крестному целованью, без всякия хитрости, да и разбойничьи им дела делати вправду по крестному ж целованью.

А дана грамота на Москве лета 1542 февраля в 20 день.

Грамота великого князя Ивана Васильевича керетчанам и ковдянам об участии в суде выборных земских целовальников.

Материалы по Истории Карелии, док. 61.

№ 17. Сбор земцев с людьми и оружием на военную службу в Новгород (1555 г.)

И вы б ныне во все пятины ко всем ноугородцким помещиком и к земцом по нашему слову грамоты разослали часа того по погостам, чтоб оне с людьми и с коньми и з доспехом на нашу службу были в Великом Новегороде у боярина и воеводы нашего у князя Петра Михайловича Щенятева и у иных наших воевод на николин день осенней одноличло, безо всякого пере-

[1] Слободские старосты.

вода, и лошади бы кормили и запас пасиль ранее; а земцом есмя послали к вам роспись, . . . а которые земцы в Кореле и в Орешке и на Яме, и те б там и были готовы и были бы у наших воевод в Кореле и в Орешке, а как пойдут на наше дело наши воеводы князь Петр Михайлович Щенятев с товарыщи, и оне б тогда были у наших воевод.

Грамота царя Ивана Васильевича новгородскому наместнику.

Материалы по Истории Карелии, док. 81.

№ 18. Проведение судебной реформы Ивана Грозного в Карелии (1562 г.)

. . . И перед выборными поставят, и тех выборных с губными головами вместе, тех людей судят и обыскивают, да по обыску и по судебнику и по губным грамотам тех, которые дойдут до казни и казны чинят; а их живот в их исцевы иски платят. И татиные животы те выборные суди перепишут на список подленой да те животы за своими приписьми и запечатав присылают дьяком к Василью Стефанову да к Левонтию Онанину в Велики Новгород, и дьяки о том по государеву указу указ учинят. А сотцкой и пятидесятцкие и десятцкие в Шуе реке да в Кеме реке в волостях лихого человека не добудут, которой у них жил, а выборные судьи то обыщут в правду, что он крал и розбивал и на том сотцком и пятидесятцком и десятцком их того лихого человека доправити выборным судьям, да исцевы иски, да отдавати исцам, да того же сотцкого и пятидесятцких и десятцких дати им на поруку в цареве государева пене, что у них в Шуе реке да в Кеме реке волостях вперед лихих людей небыло.

А судити выборным судьям лоплян Шуи реки и Кеми реки волосных людей, и по их животом и по их уставной грамоты и по судебнику.

А хто на ком взыщет не по своим животом и не по промыслом, и выборные суды того обыскав и иски оставливают, а судити и сыскивая во всяких делех, и управа меж их чинити без посульно.

А случится каково дело вопче промеж их шуйскими с кемляны волостным людем и с ыными волостными, и выборные судьи тех всех мест, а с ними тех волостей лутчие люди, вместе съезжаютца в одно место, тех людей судят вопче во всяких делех и управу меж их чинят по государеву по новому судебнику безволокитно.

А которых дел выборным судьям без указу кончати не мочно и выборным судьям в тех делех суда своего и обысков списки за своими приписьми и с целовальниковыми и с лутчих людей

руками и обоих исцев, присылают в Новгород к дьяком, к Василию Стефанову, да к Левонтию к Онанину, и дьяки те списки слушав по государеву указу указы чинят и на списках подписывают, а того выборным судьям и сотцким и пятидесятцким и десятцким и целовальником и всего крестьяном беречи меж собя накрепко, чтобы от них самих и от сторонних людей и отколь ни буди, тех волостей крестьяном сил и обид и продаж безлепечных[1] не было ни от кого.

А учнут лопляне, Шуи реке и Кеме реке волостные люди, лехих людей держати, а обыщутца мимо их шуян и кемлян волостных людей иными волости, и тем их выборным судьям всем Шуи реке и Кеме реке волостным людям, сотцким и пятидесятцким и десятцким, быти от царя государя и в. кн. казненным, и животы их отдати исцом. А учнут выборные судьи сами лопляном, Шуи реке да Кеме реке волостным людем, силы и обиды и продажи безлепечные чинити и посулы и поминки имати на волостных людей, и им в том от царя и государя и в. кн. быти казненным смертною кажнею, и животы их и станки имати, да отдавати тем людем, кому от них продажи и обиды чинятца.

А судные и обыскные и всякие дела у выборных судей записывати земским дьяком, а записки и у всяких дел сидети выборным судьям и лутшим волостным людем, а велети записывати перед собою, да те записки всяких дел держати выборным судьям за своими печатьми, а земским дьячком без них судных и обыскных и всяких дел не записывати и у себя не держати.

А кому будет чего искати опричным людям на тех лоплянех, Шуе реке и Кеме на волостных людех, и те обои исца преходят о управе в Велики Новгород к дьяком к Василию да к Левонтию, и дьяки по государеву наказу управу им чинят.

А лоплянам Шуи реки и Кеми реки лутчим людем и всем крестьяном выборных судей переменять и излюбленных судей всем волостным людем ежегодов выбрати лучших людей, кому их судити и управа меж их чинити, да тех своих излюбленных судей проводят в Велики Новгород к дьяком к Василю да к Левонтию, и излюбленной список с поповыми и з дьяковыми руками и з своим приписом к дьяком отдают, и дьяки тех излюбленных новых судей приводят к крестному целованью на том, что им судити во всяких делех меж крестьян управу чинити вправду по государеву и цареву крестному целованью и по судебнику; да выборным же судьям Стефанку Иванову, Истомке Поряднину с товарищи велети старостам и крестьяном Шуи реки да Кеми реки поставити в волости по судейской избе да по тюрьме, да те ж старостам и крестьяном велети выбрати в волостях двух дьяков земских, кому у них писати в суде и всякие земские дела, да и к тюрьмам 4-х человек, кому стречи в тех

---

[1] Беспричинные.

тюрьмах лихих людей, и по два сторожа у тюрьмы да двух палачей в волости по палачу.

Да как те судейские дворы и тюрьмы поставят и дьяков земских и тюремных сторожей и палачей выберут, и судьям выборным Стефанку Иванову да Истомке Поряднину с товарищы велети по имяном тех людей, которые их излюбят и которые выберут, написати на список дьяком земским или церковным, а к тому выборному списку велети им Шуи реки да Кеми реки попом и дьяком и старостам и крестьяном, которые грамоте умеют руки свои приложити, а которые люди грамоте не умеют и тех людей место велети им отцо их духовным руки свои приложити, да тот им список за своими присьми и запечатав присылать в Новгород к дьяком Василю да к Левонтию, да их к целованью всех земских дьяков и тюремных сторожей привести...

А как выборные судьи дьяков земских и тюремных сторожей к целованью приведут, и им велети тем земским дьяком в суде у себя сидети и всякие дела записывати, а тюремным сторожем велети стеречи в тюрьмах лихих людей... чтобы они не стекли и не вырезалися.

Уставная грамота Кемской и Шуерецкой волостям о выборе волостных судей.

Материалы по Истории Карелии, док. 90.

№ 19. Выборы старост и целовальников и сбор податей (1598—1605 гг.)

...А того Кондратью беречи накрепко, чтоб в тех погостех старосты и целовальники годы по два и по три не были и заговором старосты и целовальники не ставилися, а выбирали б старост и целовальников все крестьяне не воров и не ябедников, которые б государевыми доходы не корыстовались и с крестьян лишних денег не збирали, и наймитов старосты целовальники в свое место иных крестьян з государевою царевою Бориса Федоровича всеа Русии казною в Новгород не посылали, чтоб государеве казне истери и убытка никоторого не было.

А как по государеву цареву и в. кн. Бориса Федоровича всеа Русии указу в Заонежские погосты из Новгорода, для государевых денежных доходов или для каких иных государевых дел дворян и детей боярских, или подъячих и розсыльщиков присылати, и Кондратью теми государевым и всякими дела с ними промышляти неоплошно вместе за один, в правду по государеву цареву и в. кн. Бориса Федоровича всеа Русии крестному целованью...

А которые будет крестьяне учнут государю царю и в. кн. Борису Федоровичю всеа Русии бити челом, а приносити к нему о каких управных делех промеж собя челобитные и Кондратью в тех делех по челобитным, опроче разбоя и татьбы с поличным и душегубства, судити и росправа меж ими чинити в правду, по

государеву цареву и в. кн. Бориса Федоровича всеа Русии указу, безволокидно; а в суде никому никоторыми делы не норовити и посулов и поминков от того ни у кого не имати; а в суде велети с собою быти тех погостов старостам и целовальником и волостным лутчим людем, человеком пятьми или шестьми.

А в чом будет крестьяном управы учинити не мочно, и Кондратью суда своего списка и обоих исцов, и по них поручные записи присылати в Великий Новгород. А хто учнет бити челом сторонних людей на государевых крестьян и ему на тех крестьян управа давати ж в правду и крестьяном в том не норовити ж.

А на государя царя и в. кн. Бориса Федоровича всеа Русии с судных дел пошлин имати с рубля по гривне, да пересуду с суда по две гривны, да правого десятка по четыре деньги. А что на ком и с какова судного дела пошлин возьмет, и ему те деньги велети писати имянно в книги земскому диячку порознь, да те ему деньги и книги присылати в Великий Новгород. . .

А будет, которые люди учнут в Заонежских погостех корчмы держати, вина курити и пива варити и меды ставити и продавати и к ним лихие какие люди приезжати и приходити, и Кондратью у тех людей с старосты и с целовальники и с волостными с лутчими людьми те корчемные питья и суды винные, котлы и кубы и трубы выймати и питухов имати.

А на государя царя и в. кн. Бориса Федоровича всеа Русии заповеди на тех людех, у кого корчемные и недокладные питья выймут впервые по 2 рубля и давати их на поруки з записьми, что им вперед корчемного питья не держати; а на питухех имати по полтине на человека. А у кого выймуть корчемные питья в другие, и на тех людех имати.

Из наказа управителю Заонежских погостов Кондратию.

Материалы по Истории Карелии, док. 297.

№ 20. Переселение из Кижского погоста на житье в Корелу нетяглых карел (1599 г.)

. . . как к вам ся паметь придет, и вы б тех карелян, которые живут в Спаском погосте в Кижском, в государевых царя и в. кн. Бориса Федоровича всеа Русии волостях и государевы всякие подати платят с волостными людьми, в город в Корелу на житье не высылали, а велели им жити на старых своих участках попрежнему до государева указу, а которые кареляне живут в том же в Спаском погосте в Кижском за митрополитом и за монастыри, и за детьми боярскими, и за всякими людьми, и вы б тем кареляном велели ехати в государеву отчину, в город в Корелу, на житье тотчас.

Из памяти старостам Обонежской пятины.

Материалы по Истории Карелии, док. 301.

4. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СО ШВЕЦИЕЙ

№ 21. Грамота царя Ивана Васильевича Новгородскому наместнику о посылке детей боярских и земцев за шведский рубеж для грабежа пограничных жителей в возмездие за разорение шведами Карельского и Ореховского уездов (1555 г.)

Писали есте к нам, что есте с Федорова обыску Зезевитова список послали в Корелу и в Орешок к наместником, да по тому обыскному списку велели есте им послати в Выбор к наместнику с нашими обидмы людьми на немец управы просить, которые немцы приходили на наши волости корельские и ореховские войною и детей боярских и жон их и детей их и людей и крестьян били и секли и животы грабили, и перелезши за рубежь землю пашут и сено косят сильно, и в рыбные ловли вступаютца и рыболовей побили до смерти. И наместники корельские и орешковской к нам писали, что они к выборскому наместнику на немец управы просить посылали; и выборской наместник нашим людем с немцы управы никоторые не учинил; да и к нам есте с Федорова обыску Зезевитова списки прислали ж, и мы тех списков смотрели. И как к вам ся грамота придет, и вы б часа того послали детей боярских, которые оставлены у вас, и земцов всех, учиня у них голову хово пригоже, а велели им с корельскими и с ореховскими обидными с порубежными людьми идти в Выборской уезд, а велели им над немцы учинити по тому ж, как они над нашими людьми чинили, а за грабежы бы свои взяли гораздо вдвое и в трое; да что наши люди у немцов возьмут, и то б все тот сын боярской, которого пошлете в головах, собрав переписал на список да отдал наместником корельским и ореховскому, а велел им того беречи. . .

А однолично бы у них тое рухляди, что возьмут, не пропало ништо. . .

Писан на Москве лета 1555-го генваря в 8 день.

Материалы по Истории Карелии, док. 78.

№ 22. Инструкция начальнику похода к Белому морю Петру Багге (1590 г.)

. . .Прежде всего Петр Багге должен собрать поручаемое ему войско и также крестьян из Остерботнии и Вестерботнии, которые находятся под его ведением и начальством, и идти ему из Остерботнии мимо озера Улео к Белому морю, причиняя неприятелю наибольший вред и урон, грабя и сжигая все что можно. Пусть разграбит и возьмет город Сумы и, если нужно,

предаст его сожжению, а также острог, который намеревались построить близь города...

По взятии его, следует его укрепить валами и бастионами, как можно лучше, дабы могли наши люди, когда придется оставаться во той стране на зиму, найти там убежище и защиту.

Снабдив этот блокгауз потребным числом войска, означенному Петру Багге наискорейшим образом идти к городу Холмогорам, стараясь о наибольшей добыче мехами или другими ценными предметами, не разбирая будет ли это принадлежность русских или иноземцов. Равным образом следует захватить все какие он может суда, французския, английския и другия и, посадив на них шведов, отыскать находящиеся там лучшие гавани, как-то: Пихенеме и Кандолакша и другия, где бы суда могли прозимовать безопасно.

В случае у него (Багге) не окажется достаточно войска, чтобы занять блокгауз и охранять суда, то должен он заблаговременно отправить гонца и потребовать помощи людьми из домов Остер и Вестерботнии; однакож как военные, так и крестьяне не должен оставаться там на зиму и затем он должен сожечь как город, так и крепость и опустошить за собою всю страну.

Затем между рождеством и сретением следует ему идти на Кексгольм, сжигая и опустошая по пути всю страну... уводя с собою население и забрав скот и добычу, что может захватить и доставить в Кексгольмский уезд. Затем он, Петр Багге, вместе с там обретающимся Хансом Лярсоном, обязан тщательно исследовать и разведать все местности с торговыми городами и гаванями на Белом море или на Севере, дабы он мог, если зимою не состоится мир с русскими, по весне овладеть оными и тогда тем легче будет для шведской короны добиться своих польз и выгод.

Чтения в О. И. Д. Р., кн. III, 1894. Смесь, стр. 12.

№ 23. Донесение Свена Педерсена[1] о походе к Белому морю (1591—1592 гг.)

...Первоначально подошли мы к городу Великая Сумы, который вдается в Белое море на 20 миль. Пришли мы туда 22 сентября и выжгли его до основания и в тот же день отправились далее к другому городу 2 мили от Сум, прозываемому Вирма. Этот город мы также сожгли до основания. Из Вирмы пошли к третьему городу, 6 миль от Сум, прозываемому Квинна Ниме, который мы также сожгли до основания. Из Квинна Ниме до Свика озеро и река Выг 5 миль; его также сожгли до основания. Из Свика до Кеми 10 миль и этот сожгли до основания. Затем

[1] Сын Петра Багге.

в Бортфердене мы разделились и на Белом море взяли 2 судна, нагруженныя семыгою, которую начальник разделил между воинскими людьми. Тут же сожгли мы до 14 селитренных майданов, название которых я узнать не мог, с таким же количеством амбаров, наполненных белой солью до самой крыши. Большие железные котлы (сковороды), от 6 до 8 листов, разбили мы на мелкие куски. Попортили также все ихния рыбныя ловли по всему Белому морю, докудова мы там доходили. Вот тот вред, который мы нанесли неприятелю на Белом море. И по Белому морю подошли мы к городу Кимену, который сюда ближе, 28-го сентября. И обратно вниз по реке к нему и сожгли его в тот же день. Оттуда до крестьянской деревни Асмо Кила 3 добрых мили вверх по течению до порога водопада Виланде. На двойном расстоянии брошенного камня[1] от той деревни скоро пришли к порогу, где следовало переправиться через реку, но по причине быстрины оказалось невозможным и пошли мы вверх по реке не далее как на расстоянии полета стрелы.

Вот наш поход в неприятельскую землю, сделанный 2 сентября 1591 г. и описание причиненного ему вреда, с показанием расстояний от одного места до другого и их названий и как отдалена одна деревня от другой и проч.

Чтения в О. И. Д. Р., кн. III, 1894 г., „Смесь", стр. 12—16.

№ 24. Льготы карелам в связи с разорением в шведскую войну (1598 г.)

. . . И по нашему царскому осмотренью, что наши отчины города Корелы лутчие и середние и посадцкие и всех погостов пашенные и всякие люди всее Корельские земли разорены были от свейских людей и были все во изгнанье и мы великий государь царь и в. кн. Борис Федорович всеа Русии самодержец наши отчины города Корелы лутчих и середних и всех посадцких людей для их нужи и терпенья пожаловали есмя: которые дворы в нашей отчине в городе в Кореле в обеих городех и на посаде ставили немцы, и те все дворы кореляном посацким лутчим и середним и всяким людем пожаловали есмя, велели им давати безденежно, смотря по их животом и по промыслом, и в городе в Кореле всякими товары велели им торговати беспошлинно, и с судных дел наших пошлин имати с них не велели, и на Ладожском пороге сь их со всяких судов всякие судовые пошлины и в наших отчинах в Великом Новегороде и во Пскове и на Иване городе сь их товаров тамги имати не велели и рыбными ловлями в Узерве реки от коня и до креха[2] велели им владети безоброчно, и выпуск скотине дати велели.

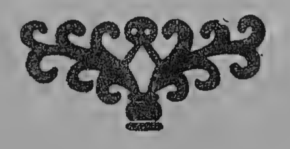
[1] Старый обычай мерить расстояние брошенным камнем или полетом стрелы.
[2] Название местных предметов для обозначения границ.

Да их ж посадцких людей и всех погостов пашенных и всяких людей всее Корельские земли и которые латыши свейские и финские земли живут ныне в Корельской земли и которые вперед латыши в Корельскую землю придут на житье пожаловали есмя, велели им во всяких наших податех и в оброкех дати льготы на 10 лет и наших всяких податей в те лета с посацких людей сь их дворов и с лавок и со всяких угодей, а в погостех с пашенных и со всяких корельских людей всее Корельские земли и с латышей свийские и финские земли, которые ныне живут в Корельской земле во всех погостех и которые латыши вперед в Корельскую землю придут на житье, сь их участков, хто на чем живет и вперед учнут на чем жити и со всех их угодий и с промыслов имати есмя не велели, чтоб по нашему царскому милосердому жалованью в нашей отчине в городе в Кореле лутчие и середние и все посацкие люди, а в погостех во всех Корельской земли пашенные люди и латыши жили в покое и в тишине и во благоденственном житье, чтоб им обид и продаж и убытков и никоторого утесненья ни от кого ни в чем не было.

Дана наша царская грамота в нашем царствующем граде Москве лета 1598 ноября в 11 день.

Из жалованной грамоты царя Бориса Федоровича городу Кореле.

Материалы по Истории Карелии, док. 296.

IV

БОРЬБА С ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЙ И ШВЕДСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

ВВЕДЕНИЕ

В начале XVII века территория Карелии подверглась интервенции шведских и польско-литовских отрядов.

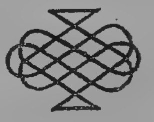
Помещаемые в настоящем разделе документы с полной ясностью вскрывают истинные цели интервентов. Швеция, как это отмечается документальными свидетельствами, пользуясь временным ослаблением военной мощи Московского государства, вследствие внутреннего политического кризиса, стремилась овладеть всей Карелией. Вторжение шведских отрядов, как подтверждают материалы, сопровождалось насилиями и грабежами мирного населения. Лист Сумского воеводы к шведским воеводам (док. № 4), перечисляя места, подвергшиеся шведской интервенции, о характере действий шведских отрядов сообщает следующее: «И после того ваши же немецкие люди нашего государства порубежные волости повоевали и деревни пожгли и людей секли, и иных в полон взяли».

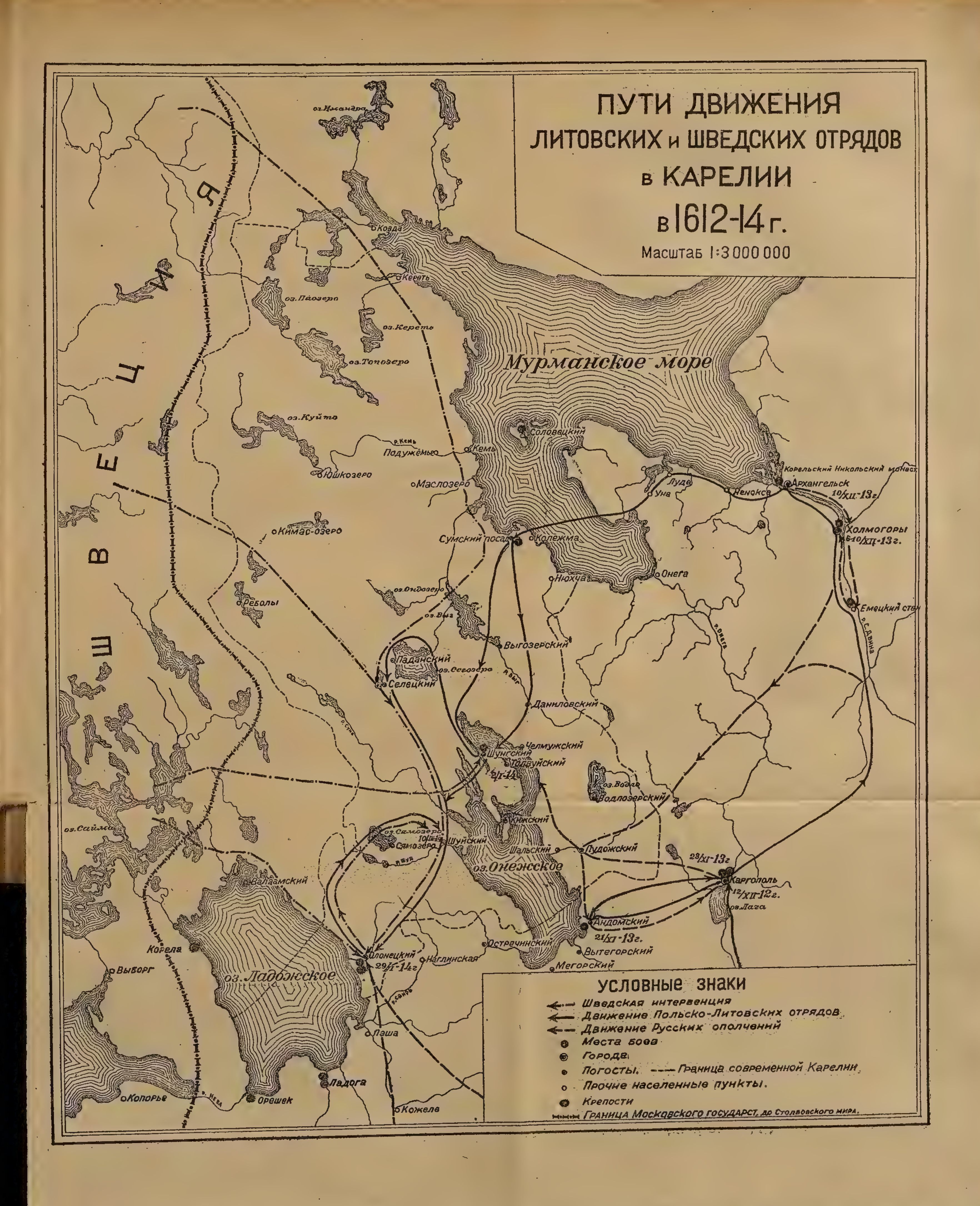
Кроме шведских насильников в Карелии одно время бродили шайки польско-литовских авантюристов, чиня насилия и грабежи среди мирного населения (док. № 5).

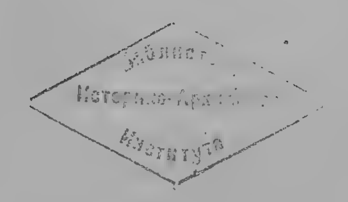
Карта и пояснительный текст к ней наглядно знакомят с движением отдельных шведских отрядов и польско-литовских шаек на территории Карелии и действиями русских отрядов против интервентов до их окончательной ликвидации.

Это время больших потрясений и острой борьбы с иноземным вторжением оставило глубокий след в сознании народа, отразившись на его художественном творчестве.

В этом отношении большой интерес представляют помещаемые в хрестоматии народные предания, бытующие в Карелии (док. № 7). Главные действующие лица этих преданий — девушка, крестьяне — являются подлинными народными героями. Они, рискуя жизнью, вступают в неравную борьбу с более многочисленным противником и благодаря смелости и героизму побеждают врага.

ПУТИ ДВИЖЕНИЯ
ЛИТОВСКИХ и ШВЕДСКИХ ОТРЯДОВ
в КАРЕЛИИ
в 1612-14 г.
Масштаб 1:3000000
ШВЕЦИЯ
Мурманское море
оз. Имандра
Ковда
Кереть
оз. Пяозеро
оз. Кереть
оз. Топозеро
оз. Куйто
р. Кемь
Подужемье
Кемь
Соловецкий
Юшкозеро
Маслозеро
Кимас-озеро
Сумский посад
Колежма
Нюхча
Онега
Уна
Луда
Ненокса
Корельский Никольский монаст.
Архангельск
10/XII-13 г.
Холмогоры
6-10/XII-13 г.
Емецкий стан
с. Двина
р. Онега
оз. Ондозеро
Реболы
оз. Выг
Выгозерский
Паданский
оз. Сегозеро
Селецкий
Даниловский
Челмужский
Шунгский
Толвуйский
2/I-14
оз. Водл
Водлозерский
Кижский
оз. Сайма
оз. Самозеро
Самозеро
Шуйский
Шальский
Пудожский
оз. Онежское
28/XI-13 г
Каргололь
12/XII-12 г.
оз. Лага
Андомский
21/XI-13 г.
Валаамский
Кореля
Выборг
Олонецкий
29/I-14 г
Наглинская
Остречинский
Вытегорский
Мегорский
оз. Ладожское
Лаша
Ладога
Копорье
р. Нева
Орешек
Кожеле
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
Шведская интервенция
Движение Польско-Литовских отрядов
Движение Русских ополчений
Места боев
Города
Погосты. ---- Граница современной Карелии
Прочие населенные пункты.
Крепости
Граница Московского государст. до Столбовского мира.

Института

№ 1. Захваты шведами пограничных русских земель (1607 г.)

В нынешнем во 1607 году марта в 22-й день писали есте к нам, что ноября в 26-й день по нашему указу послали вы на Лешую Лопь сотника стрелецкого Тимофея Грязева для крестного целованья. И февраля в 12-й день приехал с тое Лешие Лопи данной целовальник Гаврилко Исаков, а сказал что на дальной на Лешей Лопи на Китке озере генваря в 13-й день сотник Тимофей Грязев съехался с Свейским межевальником с Олуйским державцом с Ысаком Безиным, а с ним де немец человек с полтораста. И Тимофей де учел ему державцу говороти, что он ездит по Лопской земле без наших послов и межи разводит собою. И тот дей межевальщик Тимофею говорил, что будто он межи разводит по царевым Борисовым грамотам да и летось будто они о том межеванье грамоты к Москве послали, а наши де межевальщики не бывали.

Да тут де сотника Тимофея Грязева и целовальника Смирку да дьячка Дружинку Олуевский державец велел задержати; а сказал, что он их велел задержати у себя для того, что посланы от них два немчина в Сумской острог с королевскими грамотами о том же межеванье, и Соловетского дей монастыря старцы тех их немец в Сумском остроге задержали и задор чинят не ведомо для чего. А как де отпустят к ним из Сумского острогу их немец, и они и Тимофея и целовальника и дьячка отпустят. И Тимофей и целовальник и дьячок к вам в Кольской острог февраля по 19 число не бывали; и нам то ведомо.

И как вам ся грамота придет, а сотника Тимофея Грязева и целовальника Смирку и дьячко Дружинку Олуевской державец к вам в Кольской острог до сее нашие грамоты будет не отпустил, а держать будет их еще у себя, и учнет вперед к тебе писати о том межеванье, чтобы ныне съехався с обе стороны до-

стальные рубежи розъехати и межи размежевати, и о немчине, которой задержан в Сумском остроге, чтоб его отпустити и ты б Олексей отписал от себя к Олуевскому державцу, что немцы их из Сумского острогу отпущены в ту же пору и лист с последним немчином к нему послан. А то он сам делает не гораздо, что наших людей сотника Тимофея Грязева да целовальника Смирку да дьячка Дружинку поймав на нашей земле держит у себя кабы полонянников не ведомо за что и в нашу землю переходя за рубеж Свейские люди самовольством вступаются и к своим землям осваивают. И ему было державцу пригоже меж государств мирново постановенья отстерегати и воров бездельников, которые задоры всчиняют и смуту чинят и в наши в прямые земли вступаютца, унимати и наказанье им чинити, чтоб не повадно было иным воровати и мирново постановленья нарушивати, а он державец сам то делает в наши в прямые рубежи и в земли вступаетца и осваивает к своим землям и межи размежевывает самовольством и свои прежние неправды, которые учинились от их межевальщиков, вскладывает на вас.

А то вам подлинно ведомо, которые достальные рубежи нашей земли с Свейскую землею и не разъеханы, и то замешкалося их же неправдою, что хотели они итти граней класти по нашей земле мимо старожильцовы скаски своим произволением, а которые межи были размежеваны и они те грани стесали и владеют нашими землями и водами во многих местах, да и ныне приезжают также самовольным обычаем и межевати хотят неправдою по нашей по прямой земле, а хотя они и приедут которым местом, и то их не надобное дело вперед ни к чему не пригодитца, им же будет на укоризну и на обличенье. А в обычае бывает, что о таких делах, о съезде, наперед обсылаютца грамотами и гонцы и приговоря и уложа срок с обе стороны, кому именем на съезде быти и в котором месте и на которой срок съехатися и с сколькими людьми, да приговоря и постановя тогды о том съезжаютца и делают, а он ныне без обсылки самовольными своими причинами рубежи розъезжает и межи размежевывает и грани кладет один и в наши прямые земли вступаетца и осваивают к своим землям неведомо почему. . . .

А где будет в которых местах Свейские люди учнут вперед переходити за рубеж на наши земли и похотят нашею прямою землею и угодьи владети к своим землям воровски насильством или дань с которых волостей учнут збирати, и вы б порубежным людем приказали накрепко, чтоб они нашею прямою землею и угодьи Свейским людем владети не давали и их ни в чем не слушали и к себе их не пущали и за свое прямое стояли, а им своим ничем владети не давали, а в их бы земли наши порубежные люди потому ж не вступалися и задоров и смуты напрасные ни в чем не делали, а однолично б есте о том делали розсмотря, чтоб вас с Свейскими людьми ссоры и драки не учи-

нити, а нашею б землею владети им не дати. А что у вас о том учнет делатися, и вы б о том писали к нам к Москве, а сее б есте нашу грамоту держали у себя тайне.

Писан на Москве лета 1607 марта в 30-й день.

Из грамоты царя Василия Ивановича Шуйского в Кольский острог о размежевании шведских и русских земель.

Акты врем. правлен. царя Василия Шуйского под редакцией А. М. Гневушева, док. 78.

№ 2. Уступка Швеции гор. Корелы с уездом за помощь в борьбе с самозванцем (1609 г.)

...Договорились, по моему приказу, стольник и воевода Семен Васильевич Головин да дьяк Сыдавной Васильев, в Выборе с королевскими с думными и уполномоченными послы, с Юрьем Воем да с Тенисом Юрьевым, да с Арвеем Тенисовым, да с Отогельмером Фаннорнером, да с дьяком с Ириком Илвесом и меж себя крестным целованием и евангелием и записми укрепилися, что по королевскому указу и по прежнему договору королевским ратным воеводам, да с ними наемным конным сбруйным и пешим добрым оружником 5 тысячем человек, да сверх наемных 5000 сколько велеможный король, оказуючи ко государю нашему и ко всему Российскому государству любовь пришлет, итти ко государю нашему царю Василью Ивановичю всеа Русии, на помочь, к Москве; и как королевские воеводы, Яков Пунтосович Алегард с товарищи, с теми ратными людьми пойдут со мною из Новгорода, ко государю на помочь к Москве, и учнут государю служити: и мне боярину и воеводе князю Михайлу Васильевичу[1] доставит до воевод до Якова Пунтосовича с товарыщи, на город на Корелу государя нашего царского величества грамота за его государевую печатью, спустя с сех мест, как оне со мною из Новгорода пойдут ко государю на помочь два месяца, что государю нашему царю в. кн. Василью Ивановичу всеа Русии самодержцу, поступитись государю их Карлу королю, для его любви и дружбы, города Корелы с уездом, по старине, как был город Корела с уездом наперед сего, блаженные памяти за прежними государи и за великим государем нашим царем и в. кн. Васильем Ивановичем всеа Русии самодержцем.

А королевским воеводам, с теми ратными с наемными людьми, с 5000 человек с конными и с пешими добрыми оружники, и с теми людьми, что сверх найму будут, ко государю нашему царскому величеству, к Москве на помочь итти и государю нашему царю и в. кн. Василью Ивановичу всеа Русии самодержцу слу-

[1] М. В. Скопин-Шуйский.

жити и к вором не приставати и городов, которые за государем и которые ныне в измене не засести, и государю нашему царскому величеству не изменити, и над бояры и над царевыми всякими людьми израды никакой не учинити, и быти им у меня государевых бояр и воевод в послушанье.

А потом государю нашему царскому величеству с тех мест, как оне пошли с рубежа и учнут государю служити, спустя 11 недель, город Корела очистити и отдати Свейскому королю: и быти городу Кореле с уездом по старине, как было наперед сего, за Свейским королем и за его наследники и Свейской коруны за правители и вековечной вотчине, по старым межам и гранем.

А из Корелы и из Корельского уезда из церквей божие милосердие образы и всякое церковное строенье, и из города наряд, пищали в зелье и ядра и всякой наряд, что к тому пристоит, который привезен в Корелу, после того, как у Свейские коруны Корела взята, и архиепископа и воевод и всяких Руских людей и Корелян, со всеми их животы, которые похотят итти на Русь, государю нашему царскому величеству вывести; а которые похотят жить в Кореле и в Корельском уезде, и тех не возити. А наряд же, пищали и зелье и ядра, что взято у Свейского короля, государю нашему царскому величеству оставити в Кореле, по описи Дмитрея Вельяминова с товарищи, весь сполна, и держати государю нашему царю и в. кн. Василью Ивановичу всеа Русии самодержцу, и его наследником и правителем тот договор в веки непременно и на том устояти, что город Корела с уездом коруне Свейской в вековечную вотчину совокупит и соединит, и отдать государю нашему царскому величеству город Корела Свейскому королю, после того, как немецкие воеводы с ратными людьми пошед с рубежа, учнут государю служити, спустя 11 недель; а больши того за собою государю нашему царскому величеству города Корелы не держати.

К сей утвержденной грамоте я боярин и воевода князь Михайло Васильевич Шуйской государеву печать Новгородцкого государства приложил и руку свою у сее грамоты приписал.

Писан в государеве отчине в Великом Новегороде лета 1609 апреля в 5 день.

Из грамоты князя Шуйского об уступке Швеции города Корелы с уездом его.

Акты Исторические, т. II, док. 189.

№ 3. Требование шведов о передаче Сумского острога за оказанную помощь в борьбе с поляками (1611 г.)

Смотри от нас лист: не стой за наше посуленне. Ваш царь Василей и князь Михайло сулили нам за нашу выслужку три

городы: город Корельской, да Кольской да город Орешок; и пересулил нам за Орешок Сумской острог за нашу выслужку; а ходили и клали мы голов много с женами и с детьми, а про то у нас ведают Новгородские гости и Московские и все великие люди. А Карлус наши милостив говорил: ныне у нас не гладко, ино после у нас будет гладко. За нашу выслужку не стойте за наше посуленое, и наш милостлив король Карлус за свою выслужку и за свое посуленное не стоит, а с вами раздражиться не хочет, хочет взять по старому рубежу по Дубу и по Золотцу, а не даете без кроволитья по старому рубежу по Дубу и по Золотцу и наш милостив король придет с войною и возьмет все свои посуленные городы и ваш Сумской острог и за свою выслужку и за посуленные городы головы свои хочет класть, потому: есть у нас гости Ноугородцкие и Московские и все великие люди, что нам сулены те городы. И вы тот наш лист хоти к Москве пошлите, хотя о себя перепишите, а таки наш король будет с войною, только по нашей меже и по старому Дубу и по Золотцу, и все свои посуленные городы возьмет, хотя свои головы класти.

И от нас будет к вам весть к ивану дни. А у нас люди стоят от Волуя за 30 верст семсот, да и инде у нас люди есть, только думы их не ведаем. Да спрашивают у меня дальние немцы: есть ли де у них в Кеми острог, хотя бы де у вас был для прилики и славы в Кеми острог.

Лист из Швеции к игумену Соловецкого монастыря о восстановлении прежнего рубежа между Русскими и Шведскими владениями.

Акты А. Э., т. II, док. 196.

№ 4. Разорение 11 Карельских волостей шведскими отрядами (1611 г.)

В прошлом во 1610-м году писали к Москве, к боярам нашим и к воеводам из Кольского острогу воеводы и дьяки да из Соловетцкого монастыря Игумен Антоней с братьею, что ваши Неметцкие воинские люди приходили войною с снарядом под Кольский острог и приступали накрепко и хотели за щитом[1] Кольский острог взяти и бог им того не подал; и после того ваши ж немецкие люди нашего государства порубежные волости повоевали и деревни пожгли и людей секли, а иные в полон взяли, и по тому письму у нас в Московском государстве учинилось про ту вашу войну ведомо и Московского государства бояря и воеводы нас послали, против вашего задору со многими воинскими ратными людьми, против вас стояти и Поморских

[1] Стремительной атакой.

волостей оберегати: и мы пришли с своими со многими воинскими ратными людьми в Сумской острог августа в 15 день.

И в нынешнем во 1611-м году сентября в 4 день писали вы на Соловии к игумену Антонию с братьею о том, что будто наши русские люди приходили в вашу землю войною и ваших людей побивали и деревни жгли. И мы к вам русских людей воевати не посылывали и про то не ведаем; а про то нам подлинно ведомо, что ваши неметцкие люди на Русь воевати ходили, а повоевали по имяном наших 11 мест: волость Реболу, Ровкулу, Чолку, Котвас озеро, Тюжню, Ловуш остров, Лендеру, Вонгоры, Кимас озеро, Юшко озеро, Сопосадму, и в тех деревнях многих русских людей побили, а иных в полон взяли, а иные от того вашего разгрому разбежалися розно, и слух у нас про то есть, что дей те громленные мужики разбивали по рубежу в нашей и в вашей земле и не с нашего ведома: и мы тех разбойников имати посылаем и поймах их смирим, а ваши будет люди в своей земле про тех разбойников проведают и вы б их имали, а мы своих ратных людей унимаем и вашу землю войною ходити и задору чинити не вели для того, что наш царь и ваш король доспели промеж себя мир и мы того миру испортити и промеж царствы смуты учинити не хотим, а вы бы також своих людей у себя унимали и воевати на Рускую землю ходити и смуты чинити не велели.

А преж сего, августа в 15 день, послали мы к вам с листом о мирном стояные и о добром деле Русского человека сумлянина Нежданка Конюхова с товарищем: и вам бы наших посыльщиков к нас отпустити не задержав и против прежнего и ненешнего наших листов велети бы к нам отписати о всем подлинно; а которых людей ваши люди взяли в полон и вам бы велети тех людей сыскав на Русь отпустити.

Лист Сумского воеводы к шведским воеводам о прекращении неприязненных действий с обеих сторон, по случаю заключения мира между Россией и Швецией.

Акты А. Э., т. II, док. 195.

№ 5. Сопротивление гор. Корелы во время шведской осады

Корела, осаждаемая Лаврентием Андрю, держалась всю зиму до марта, наконец, предложила переговорить с выборгским комендантом Арвидом Вильдманом о сдаче. Шведы думали, что корельцы сдаются оттого, что дошло до крайности, и предложили тяжелые условия: оставляли жителям только жизнь и соглашались выпустить их с тем, чтобы они покинули свое имущество. Корельцы отвечали, что еще не дошли до последней

Сумский острог в XVI в.

беды, как себе воображают шведы; у них еще есть тысячи бочек хлебного зерна, изобильно сала; они готовы защищаться до последнего; если терять последние животы, то лучше уж потерять и жизнь: они сами взорвут свой город и погибнут все.

«Вот видите»— говорили корельцы — «ивангородцы отдавались вашим так же, как мы теперь; ваши не согласились и не взяли Иван-города.» Шведы рассудили, что в Кореле есть несколько шведов пленников, в том числе двое братьев Бойе, знатного рода, взятые под Иван-городом; для спасения своих они согласились на более мягкие условия, оставляли корельцам имущества и требовали в свою пользу имущество умерших. Нельзя было более упрямиться корельцам; из трех тысяч человек, бывших в городе, у них осталась только какая-нибудь сотня; прочие погибли от войны и от скорбута, свирепствовавшего в городе. Корела сдалась.

Н. И. Костомаров, „Смутное время Московского государства в начале XVII века, кн. 2 1904 г., стр. 564.

№ 6. Польско-литовские шайки в Карельских погостах (1613 г.)

Писали из Заонежских погостов из Пудоги, что де литовские люди и немецкие стоят обстрожася в Заонежских погостех, на Вытепре и в Никольской Адимской погост выезжали многожды и многих людей посекли и дворы пожгли.

Из грамоты Вагского воеводы Григория Татищева Подвинским старостам о нахождении польско-литовских шаек в Заонежских погостах.

Доп. к Актам Историческим, т. II, док. 10, ч. II.

№ 7. Народные предания о борьбе карельского народа с польско-литовской интервенцией

Паны и клады

В старину здесь по деревням ходили паны. Они грабили имущество, у кого, что взять могли; упрямых всячески мучили, жгли у них дома, а иных убивали. Деньги паны прятали в землю, в намерении на обратном пути взять с собою. На Сандо-Острове, говорят, спрятана ими в землю бочка с деньгами, которая показывается ночью, в виде пылающего огонька. Говорят, кто мог бы перекинуть топор с наволока до острова (около 60-ти сажен), тому бы и клад достался.

Другой клад есть между деревнями Петель-наволок и Сасельгою, на пожне. Каждою весною приносит водою на дорогу маленькие продолговатые серебряные монеты, которые иные счастливцы находят и хранят у себя на счастье.

Самим панам не удалось воротиться отсюда. Выехали они по Сегозеру на Выгозеро на лодке, — Потельнаволодчанина взяли проводить. Въехали в Сегежму-реку, а тут есть большой весьма быстрый порог, над порогом, близ берега — большой камень. Паны и не воображали себе смерти, а проводник поровнявшись с камнем, без догадки, выскочил на него и остался жив, а панов пихнул вперед на струю, которая быстро понесла их в порог: тут лодка опрокинулась, и все паны утонули.

Олон. Губ. Ведом., 1870 г., № 35.

Панское озеро

Шайка панов пришла в селение Мегру и требовала денег и вещей. Крестьяне, желая освободиться без кровопролития от незванных гостей, согласились угомонить их хитростью, время было зимнее, и потому крестьяне на озеро, находящееся в 7 верстах от селения, послали несколько человек с поручением опешить его, т. е. прорубить лед пешнями. Когда посланные исполнили возложенное на них поручение, то старички крестьяне явились к панам и сказали: «Добрые гости! мы покажем вам свои сокровища, только оставьте нас в покое». И вот на другой день мужики повели своих гостей к озеру, и указывая на его середину, сказали: «Вот там схоронены наши сокровища». Паны, не предвидя хитрости своих проводников, поверили их словам и поспешно бросились к озеру, но лишь только достигли середины его, как лед погрузился ко дну и они все утонули. Озеро с того времени и получило название «Панского».

Олон. Губ. Вед., 1860 г., № 1.

Почему остров называется Девичьим

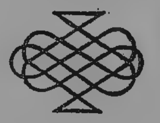
На Онеге есть остров, в пяти верстах от села Деревянного, называемый «Девичьим». Предание говорит, что название это получил он во время литовских набегов. Толпа неприятелей, ограбив соседние деревни и схватив одну девушку, связала ее в лодке и отправилась праздновать на вышесказанный остров. В то время, как литовцы предавались увеселениям, пленница их, качая лодку, заставила ее отплыть от острова. Литовцы не обращали на то внимание, полагая, что добыче их спастись невозможно, между тем лодку принесло к берегу, и девица спаслась.

Преданье не говорит, что сделалось потом с шумною толпою, присоединяет только, будто на острове находятся клады, зарытые некогда литовцами.

Крестьянин утопил в пучине Кивача шайку литовцев

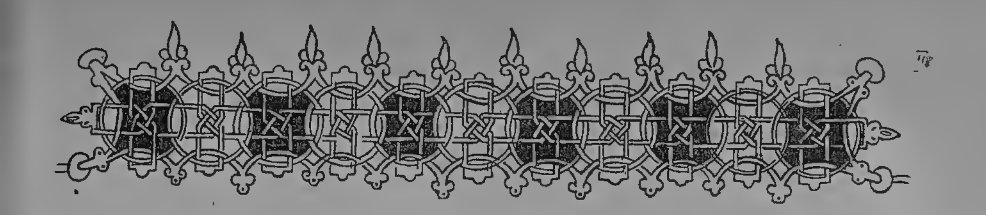
Народное поверье гласит, что во время набегов литовских перебралась однажды шайка неприятелей через реку Суну, выше водопада Кивача. Это случилось весною, когда река была в разливе. Для верной переправы назад они схватили крестьянина с лодкою и силою заставили вести. Крестьянин направил лодку в быстрину реки, кинул весла и сам бросился в воду. Умея плавать, он благополучно достиг берега, а шайка литовцев погибла в пучине водопада.

В. Дашков, Описание Олон. губ., стр. 100—193, 1842.

V

КАРЕЛИЯ В XVII ВЕКЕ

ВВЕДЕНИЕ

Раздел «Карелия в XVII веке», благодаря обилию и разнообразию документального материала, представлен наиболее полно. Он содержит следующие главы: карельская деревня, крепостная мануфактура, торговля, монастыри, город Олонец, военная служба, местная администрация и крестьянские волнения.

Документы о карельской деревне в XVII веке освещают новые стороны в ее развитии и жизни. Приводимые в главе выписки из писцовой и сотной книг по Лопским погостам, по Олонецкому погосту и Керетской волости (док. №№ 3, 4, 5) свидетельствуют о дальнейшем значительном развитии промыслов и торговли в деревне. Эти же материалы подтверждают углубление диференциации крестьянства. Развитие ремесла сопровождается возникновением ученичества. Помещаемая в хрестоматии порядная о выучке ученика серебряному мастерству (док. № 10) очень ярко описывает чрезвычайно тяжелые условия ученичества. Рост и расширение оброчного обложения и других повинностей (ямская гоньба, работы по постройке города Олонца) отмечается в ряде документов (док. № 6).

Большой интерес представляет челобитная крестьян Венецкого погоста царю Алексею Михайловичу (док. № 9). В ней ярко освещается тяжелое положение карельского крестьянства, обремененного многочисленными поборами, разоренного хищными шведскими вторжениями, страдающего от злоупотреблений и насилий местных властей («бьют смертным боем на провеже и мукою мучат»).

Особое положение в деревне занимает немногочисленная группа обельных крестьян. Обельные крестьяне и их потомки, как это видно из приведенной в хрестоматии грамоты (док. № 2), за особые заслуги перед царем наделялись землей и освобождались от несения повинностей.

О развитии крепостнической промышленности в Карелии в XVII веке свидетельствуют документы, помещенные в главе «Крепостная мануфактура». Материалы относятся к возникшим в конце XVII века Фоймогубским разработкам медной руды.

Из документов мы узнаем о большой заинтересованности московского правительства в XVII веке в развитии промышленности. Заводчикам — новгородскому гостю Семену Гаврилову, а затем иноземцам Марселису и Бутенанту, даются большие льготы. В царских грамотах (док. №№ 11, 14) местным властям предлагается обеспечивать их необходимыми средствами, подводами, людьми, проводниками и проч. В дальнейшем, с основанием заводов, по просьбе заводчиков к заводам для отправления различных работ приписываются Заонежские погосты. Во всех многочисленных конфликтах владельцев заводов с крестьянством, московское правительство неизменно становится на сторону первых. Из материалов этой главы (док. № 12) выясняется еще одна интересная подробность — скупка заводчиками железа у местного населения в Лопских погостах. Это обстоятельство подтверждает развитие среди карельского крестьянства, помимо указанных ранее промыслов, добычи железной руды и плавки в небольших кустарных печах металла.

Из материалов третьей главы «Торговля» выясняются новые подробности о развитии торговли в Карелии в XVII веке. Документы отмечают возникновение новых пунктов торговли с иноземными купцами, точно определяют места для торговли с иноземцами (док. № 18). Вывозимые за границу и ввозимые из-за границы товары облагаются пошлинами, устанавливается строгий надзор за порубежной торговлей и проездом людей из-за границы на пограничных заставах (док. № 19).

Интересна приводимая в этой главе грамота Алексея Михайловича о взимании пошлин с олонецких купцов (док. № 20). Из нее мы узнаем о злоупотреблениях, которые чинили местные власти в обложении русских купцов пошлинами сверх положенных по Новоторговому уставу.

В главе «Монастыри XVII века» все документы, за исключением одного, относятся к Соловецкому монастырю. Материалы подтверждают развитие в крупных масштабах предпринимательской деятельности монастыря в XVII веке. Монастырь не довольствуется эксплоатацией зависимого местного крестьянства. На всевозможных монастырских промыслах (солеварении, разработках слюды, рыбных тонях, ремесленных мастерских) работало большое количество пришлого и в том числе беглого люда.

Многие работали в монастыре, выполняя «обещания»; было значительное количество и таких, кто по выражению одной грамоты (док. № 21) работал «из бедности для прокормления из найма».

Приводимая в главе выдержка из росписи вооружений монастырских стен знакомит нас с вооружением одной из крепостных башен. Приблизительно такое же вооружение имели и остальные башни. Даже простой перечень вооружения монастырских стен свидетельствует о том, что монастырь был крупнейшей русской крепостью на севере. В отношении северных границ Московского государства в XVII веке Соловецкая крепость и связанные с ней остроги в Поморье имели большое значение.

В выдержке из памяти Алексея Михайловича о сыске между крестьянами Шуньгского погоста с Палеостровским монастырем (док. № 22) рассказывается о сопротивлении крестьян захвату монастырем рыбных ловель, пожен и леса.

Большой интерес представляют, помещенные в этом разделе документы об устройстве города Олонца (док. № 27). В них дается замечательное описание местности и построенной крепости (стен, башен, внутри-городских строений). Из отписки олонецкого воеводы о постройке города Олонца, из памяти Алексея Михайловича о сборе денег для пополнения казны в связи с расходами на постройку Олонца, из поручной записи олонецких посадских людей по плотниках (док. № 31) — узнаем о путях и способах, при помощи которых строился и заселялся город, о дополнительных тяготах, которые возлагались на местное население по постройке города, о сопротивлении населения в выполнении повинностей по городскому строению.

Документы шестой главы знакомят нас с военной службой в заонежских полках в XVII веке. Ярко освещается в этой главе, в особенности в челобитной сержантов, капралов и солдат Олонецкого и Заонежского погостов и из грамот Алексея Михай-

ловича (док. № 36) тяжелая солдатская служба. Наказ олонецкому воеводе о солдатских заонежских полках и память о солдатском учении (док. №№ 33, 34) довольно подробно описывают организацию и обучение солдат. Солдаты, как свидетельствуют документы (№№ 36, 37, 38), в большом числе бежали от постылой, мучительной службы. Приводимые грамоты Алексея Михайловича о сыске беглых и наказании ослушников (док. № 36) предписывают ловить беглых, жестоко наказывать их («нещадно бить кнутом») и высылать в полки, а «пущих заводчиков вешать». Из тех же грамот узнаем о случаях сопротивления и нападения беглых солдат на сыщиков.

В главе «Местная администрация» публикуется всего три документа. Выписка из наказа олонецкому воеводе об отправлении воеводской должности (док. № 40) определяет порядок приема дел от старого воеводы и круг обязанностей воеводы. В двух других документах: грамоте Михаила Федоровича в Кольский острог о запрещении посылать даньщиков в Лопские погосты и в памяти воеводы Глебова о выборе старост в волостях и погостах (док. № 39), а частично и в указанной выше третьей определяется место выборных представителей и их обязанности. Из этих же документов мы узнаем о некоторых злоупотреблениях местной власти. Любопытно, что местная администрация ловко использовала в своих корыстных интересах даже выборы старост, в результате чего их пришлось отменять. Характерно также отношение к выборным представителям центральной власти (док. № 41).

Большой интерес представляют материалы о крестьянских волнениях в XVII веке в Карелии.

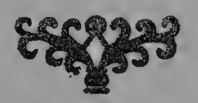
Ряд документов этой главы (№№ 42, 44, 45) отмечают, как одну из форм пассивного сопротивления крестьян росту феодальной эксплоатации, систематическое и массовое бегство крестьян из Карелии в соседние области. Документы выясняют причины бегства, число беглых, местности, куда бежало население, меры, предпринимаемые правительством по водворению на прежнее место жительства «сошлых», и проч.

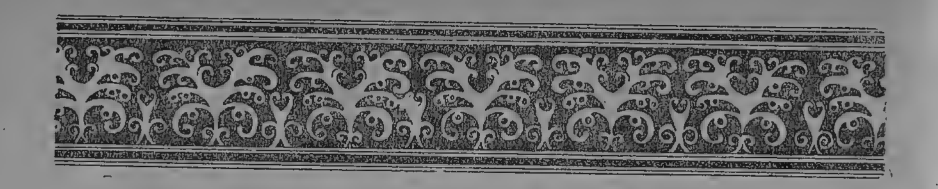
Острые формы протеста со стороны крестьян вызвала деятельность иноземных заводчиков Марселиса и Бутенанта в Заонежье. Заводчики, опираясь на содействие Московского правительства, захватывают крестьянские земли и угодья, добиваются приписки для отправления заводских работ крестьян окружаю-

щих погостов. Крестьяне упорно сопротивляются. Материалы о борьбе крестьян с заводчиками очень ярко описывают выступления крестьян. В одной из челобитных царю от иноземца (док. № 47) узнаем, например, об организованном вооруженном «с пищали и бердыши» нападении кижских крестьян на заводы.

Те же кижские крестьяне отказались выполнять царский указ о приписке их к заводам. А когда для наказания ослушников правительство направило отряд из 335 стрельцов, то крестьяне, как описывает документ (№ 50), «учинили бунт, и у церкви Преображения господня били в колокола в сполох, и собрались из деревень с дубьем и с кольем»...

Таким образом Карелия в XVII веке выступает как передовая пограничная область русского государства. Московское правительство учитывало это значение Карелии. Об этом свидетельствуют постройки крепостей, организация заонежских и олонецких солдатских полков, усиление порубежной охраны, поощрительные мероприятия, проводимые в отношении промыслов и торговли. Последующая кипучая деятельность Петра I в начале XVIII века в Карелии несомненно была подготовлена уже мероприятиями Московского правительства во 2-й половине XVII века. Все это вместе с тем усиливало феодальную эксплоатацию местного населения и вело к обострению классовой борьбы, что ярко подтверждается материалами настоящего раздела.

1. КАРЕЛЬСКАЯ ДЕРЕВНЯ

№ 1. Спор крестьян Пудожского погоста с монастырем из-за рыбных ловель (1618 г.)

Бил челом государю царю и в. кн. Михайлу Федоровичу всея Русии Юрьева монастыря архимандрит Никандр с братиею Никольского Пудожского погоста на государевых крестьян, на Полуянка Олексеева и на всех крестьян Пудожского погоста, а сказал: владеют де те крестьяне, Полуянко с товарыщи, в пороге во Мневце рыбной ловлею, а им де в монастырь в той рыбной ловле из стари дана треть, и в писцовых книгах написана с ними вобче, и тое де они третью владеют 13 лет, а их монастырьским крестьянам ловити не дают, только дают из тое рыбы им семую долю, и про тое б рыбную ловлю велети сыскати писцовыми книгами.

А Пудожского погоста крестьяне, Полуянко Олексеев, Федка Захарьев, во всех крестьян место, били челом государю, а сказали: что те рыбные ловли, в которых они ловят во Мневском пороге под их деревнями, а не под монастырьскими, и монастырские крестьяне теми ловлями не владели, владели изстари они Полуянко с товарыщи, и рыбы де им они которые не давывали, и в писцовых книгах та рыба написана за ними. *(Далее излагается выдержка из писцовой книги Юрия Сабурова 1496 г.).*

И будет так, как государю царю и в. кн. Михайлу Федоровичу всеа Русии Юрьева моныстыря архимандрит Никандр с братьею бил челом, и как к тебе ся память придет, и ты б вперед на Водле реке во Мневском пороге велел владети рыбною ловлею, где наперед сего была по писцовым книгам Юрья Сабурова, Юрьева монастыря крестьяном 21 мерды с полу-

мердою, а государевым крестьяном Пудожского погоста Полуянку Олексееву да Федке Захарьеву с товарыщи 43 мерды с полумердою, а оброк с тех рыбных ловель велели на Юрьевских на монастырьских и на государевых крестьян положити, смотря по ловле, по их вытем; а будет Пудожского погоста государевы крестьяне, Полуянко с товарищы, и Юрьева монастыря крестьяне не похотят рыбу ловити на Водле реке, кроме Мневского порогу, под своими под вобчими деревнями в иных местех, где наперед сего рыбные ловли бывали, и им по тому ж та рыба ловити и оброк платити по прежнему, Пудожского погоста крестьяном две доли с малою вытью, а Юрьева монастыря крестьяном третья доля без малые выти, а сколько на них с тех рыбных ловель оброку положити, и ты б о том отписал в Великий Новгород...

Из памяти Оштинского стана приказчику Резанову.

Акты Исторические, т. III, док. 75.

№ 2. Обельные крестьяне Глездуновы (1621 г.)

...И мы Гаврилка и Климка Ереминых детей Глездунова, с детьми и совнучаты, за их к нам прежнюю службу пожаловали: велели им жити в деревне Июдинской, где им писцы наши Петр Воейков да диак Иван Лговский велели жити, и владети им тою деревнею Июдинскою, всею пашнею и сенными покосы и всякими угодьи, что к той деревне изстари было, вытью земли; а которые крестьяне в той деревне в Июдинской ныне живут с теми Еремкиными детьми вместе, и тех крестьян указали есми перевести в деревню Исаковскую на Гаврилков участок Глездунова, которым владел он Гаврилко самовольством, и жити им в той деревне Исаковской за Никольским Вяжицским монастырем по прежнему, а Гаврилку тем своим участком в деревне Исаковской и иными деревнями и пустошми, которыми они владели самовольством, вперед не владети и ни во что не вступатись, а владети им тою деревнею Июдинскою всею, а в ней выть земли, пашнею и сенными покосы, по писцовым книгам Петра Воейкова да диака Ивана Лговского; и велели им на тое деревню Июдинскую, а в ней выть земли, дати сю нашу царьскую жаловалную грамоту, и с тех их обеленых участков, с живущия выти земли, наших доходов денежных и хлебных, ни ямских денег, ни посохи, ни в иные ни в какие наши подати и в волостные розметы, имати с них не велели по сей нашей жаловалной грамоте, чтоб им насильств и продаж ни от кого ни в чем не было; а прежнюю жаловалную грамоту велели есмя у них взять.

Дана ся наша царьская жаловалная грамота на Москве лета 1621 ноября 15 дня.

Из грамоты царя Михаила Федоровича обельным крестьянам Толвуйской волости Гаврилу и Климу Глездуновым, подтверждающей прежние обельные грамоты, данные им за услуги, оказанные инокине Марфе Ивановне.[1]

Акты Исторические, т. III, док. 105.

№ 3. Роспись Лопарским погостам с указанием платимой дани (1623—1624 гг.)

...Тое жь Кончанские лопи, а Верхняя земля тожь, от Кольского острогу по московской дороге в русской конець к волости к Кандалакши погост Масельской... А в нем живут крещеные лопари русские веры 10 человек. А платят оне с того погосту государеву дань в Кольской острог истари по 1624-й год с угодеи по рублю по 23 алтын по 2 д. на год; да с них же емлетце кожа оленья. Да с того жь погоста истари с 1582 до 1591 г. датцкие даньщики [2] имали на короля дань по 2 д., кожи оленьих со всякого человека; а с 1591 г. до 1602 г. датцкие даньщики имали на короля дань с тех лопарей по 10 алт. с человека, а не с угодеи; и со 1602 году до 1612-го году тое королевскую дань имали на государя по 10-ж алт. с человека с Масельских лопарей взял на датцкого короля даньщик, а со 1613-го году и по 1624-й год тое королевскую дань с Масельских лопареи емлют на государя по 10-же алт. с человека, итого 3 рубля на год; да с них жь емлетца кожа оленья.

...А от того Бабинского погоста по Московской жь дороге волость Кандалакша да Кандаласкои Пречистенской монастырь... А ловят в тои Кандалаской волости красную рыбу семгу забором да и по тоням Кандалакские крестьяне седят для лову красные же рыбы семги. А Пречистенского монастыря старцы в монастыре питаются ловлею красные ж рыбы и в четырех варницах соль варят, и что уварят соли, и ту соль отвозят и продают на Колмогорах и на Вологде.

А от тое Кандалаские волости волостка Княжая губа... А промышляют в тои волостки по озерам белую всякую рыбу.

И от тои волостки по Московской-же дороге волостка Ковда... А ловит в неи красную рыбу семгу.

---

[1] Ксения Ивановна Романова, мать царя Михаила Федоровича, сосланная и постриженная в монахини под именем Марфы, в 1601 г. в Толвуйский погост, здесь она находилась до 1613 г., т. е. до момента избрания на царство Михаила Феодоровича.

[2] Норвегия (по унии в Кольмаре), входила в состав Датского королевства. Поэтому дань с Лопских погостов, зависевших от Норвегии, взималась датскими данщиками.

А от тои волостки волость Кереть по Московской-же дороге... А ловят в тои волостки красную-ж рыбу семгу забором и по тоням. Да в тои волостки промышляют на горе, бьют слюду.

А те волостки Кандалакша и Кереть и волостки Княжая губа и Ковда и Порьегуба уезд Кольского острогу, и во всякие мирские расходы Кольскому острогу помогают.

Сборник Материалов по Истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв., док. 27.

№ 4. Крестьянское хозяйство по писцовым книгам (1628—1629 гг.)

Всего в Олонецком погосте... 155 деревень, да 3 починка живущих тяглых; да к ним же 10 деревень да 2 пустоши припущены в пашню; да 9 пустошей пашут наездом; две пустоши на льготе; 43 пустоши старые пустоти. А в живущих деревнях 563 двора крестьянских, а людей в них 725 человек, да в льготе крестьянских, как из льгот выйдут, два двора, да 121 двор бобыльских людей, в них тоже 3 двора пустых, да 169 мест дворцовых старой пустоты.[1]

Из писцовой книги Никиты Панина по Олонецкому погосту.

Олон. Губ. Вед., 1849 г., № 1.

№ 5. Слюдяные и рыбные промыслы Карелии (1663 г.)

...А в реке в Кереги ловля красные рыбы семги, ловят двема заборы всею волостью. А давали они прежде сего царю и в. кн. в казну с реки с Кереги за рыбную ловлю оброку на год по 3 рубля и по 8 алт. московских; а вперед им давати с тое реки с Кереги оброку царю и в. кн. в казну за рыбную ловлю по тому ж, как было преже сего, по 3 рубля и по 8 алт. денег московских на год; а розводити им тот оброк меж собя самим по своей рыбной ловле.

Да на той же реке на Кереги тутошние жильцы и приезжие промышляют жемчюг, а царю и в. кн. в казну с их промыслу идет десятое; а имали то десятое зерно прежде сего тутошние даньщики...

Да Керетцкие ж и Чюпские и Черные реки волосток жильцом луки, хто чем владеет: Борис Брянцов полтретья лука; *(далее*

[1] Заброшены еще при прежней переписи.

идет перечисление крестьян, владеющих луками)... и всего сорок пять луков. А по тем луком ведают они меж собя в реке в Керети и на тонях по морскому берегу ловлю красные рыбы семги, и сенные покосы в ухожаех и звериные и птичьи ловища и лешие озера и всякие угодья; а луки ведают меж собя сами по своим крепостем; а лук они купят промеж собя в тех своих угодьях по 12 рублев московских. А давали они преже сего царю и в. кн. в казну с тех луков с лука по 5 алт. на год; а внове на них прибавлено дани по 10 денег московских на лук и всего им давати царю и в. кн. в казну с тех луков дани старые и с новою прибылью с лука по 2 гривны московских, итого всего 9 рублев московских на год, а розводити им та дань промеж собя самим по своим луком, хто чем владеет...

По морскому берегу варницы Керетцкие живущие[1] (*далее идет перечисление варниц*)... и всего Керетцких и Чюпских и Черные реки в живе 44 варницы. А оброку с них шло преж сего царю и в. кн. в казну, которая варница топитца зиме и лете через весь год, по 4 гривны московских со всякие варницы на год; а которые варницы лете топятца, а зиме не учнут топитца или которые варницы зиме топятца, а лете не учнут топитца, и с тех варниц оброку шло царю и в. кн. в казну по 2 гривны московских за полгоду; а вперед им девати с тех варниц оброку царю и в. кн. в казну по тому ж, как было преж сего.

По тому ж по морскому берегу Керетцкие и Чюпские и Черные реки варницы пустые.[2] (*Далее идет перечисление пустых варниц*)... и всего в пусте 23 варницы.

Да в Керетцком же луке по морскому берегу и в ухожаех и на леших озерах сенные покосы Спасские Соловецкого монастыря, а преж сего те покосы были Ивашка Пшаги: а оброку с них шло за 2 лука, а с лука по 5 алт. без 2 денег на год; а вперед им давати по тому ж на год за 2 лука, а с лука по 5 алт. без 2 денег.

Против посаду над рекою Керетью анбар Сенки Пирожникова из Шуи реки, а оброку с него алт. на год...

Кеpетьцкие и Чюпские и Черные реки мельницы оброчные: на реке на Керети мельница Спасская Соловецкого монастыря, оброку з году на год гривна; на тои ж реке на Керети мельница Семена Андронова да мельница Игнашки Титова да Иванка Титова, а оброку им давати з году на год с мельницы по 5 алт.; на Черной речки мельница Зелени Григорьева сына, оброку на год 2 алт.; конец Чюпьские губы мельница Спасская Соловетцкого монастыря, оброку на год алтын; на Чюпском ручью мельница мутовочная[3] Васьки Бубнова да Павлика Корманого; да мель-

---

[1] Работающие варницы.
[2] Заброшенные, не работающие варницы.
[3] Плохая водяная мельница.

ница мутовочная ж Гриди да Офони Семеновых детей, а мелют про свою нужу, оброку им давати с мельницы з году на год по 2 деньги московских; на Розсоховатом ручью мельница Федосеика Власова да Кирилка Григорьева, оброку 3 алт на год, а преж сего с тех мельниц оброк не бывал.

Тоня на Кузокатке Евсеика Ондреева сына Трепезникова из Шижни, от Селедней губы да по корги на море, а оброку з году на год 2 гривны московских, а преже сего оброк с нее не бывал; тоня Песей наволок Пречистенского монастыря, что в Палье острове, а оброку им давати по 3 ден. московских на год.

А се оброки мелкие Керетцкие и Чюпские и Черноредкие, сенные покосы, новые розчиски, а не луковые пожни, а имали их тутошние ж жильцы, на оброк, которые их сами розчищали, а преж сего с тех покосов оброк не бывал. (*Далее идет длинный список крестьян, имеющих порубки, поженки, росчистки*).

Из сотной книги двинянина Якима Романова в Керетской волости.

Сборник Грамот Коллегии Экономии, т. II, Л., 1929 г.

№ 6. Ямская повинность (1667 г.)

...Как и тебе ся наша великого государя грамота придет, и ты б велел розыскать Ковския волости крестьяне и Соловецкого монастыря крестьяне ж наперед сего до которых мест подводы ставили и коль далеко от Ковды Ковския волости крестьян земли и всякие угодья; а розыскав, велел им подводы ставить и считаться[1] в том повся годы, чтоб в таких гоньбах никто из них изобижен не был; а что по сыску учинишь, и ты б о том к нам великому государю к Москве отписал, а отписку велел подать в Новгородской Чети[2] боярину нашему Офонасью Лаврентьевича Ордину Нащокину, да думным нашим дьяком Герасиму Дохтурову да Лукьяну Голосову, да дьяку нашему Ефиму Юрьеву.

Писан на Москве лета 1667 июня в 15 день.

Из грамоты царя Алексея Михайловича кольскому воеводе Ивану Еверлакову о распределении ямской гоньбы между крестьянами Ковской и Керетской волостей.

Доп. к Актам Историческим, т. V, док. 73.

---

[1] Раз в году производить подсчет о равномерности выполнения ямской повинности между сельскими обществами.

[2] Центральное учреждение, ведавшее городами: Новгородом, Псковом, Н. Новгородом, Архангельском, Вологдою и другими поморскими и пограничными северными городами.

№ 7. Сыск слюды в казенных угодьях Карелии (1673 г.)

В прошлом во 1672 году, по нашему великого государя указу, послан в Кольской острог Аврам Елчанинов, а велено ему: в горе, где сыскал ссыльной сокольник Клеоничко Татаринов, слюды промышлять и смерить, сколько в той горе слюды чаять также и в иных местах в горах слюды промышлять, разведав подлинно; а для того слюдяного промыслу работных людей, сколько ему понадобиться и слюдные снасти велено взять у Степана Непейцына. . .

И как к тебе ся наша великого государя грамота придет, а Аврам Елчанинов буде до сего нашего великого государя указу с слюдяных промыслов к Москве не поехал и ты б слюды осмотрел и буде годна и сыскана на нашей великого государя земле, а не на помещиковых и вотчинниковых и монастырских землях, и слюды сыскивать велел со всяким радением, буде она впредь будет прочна, чтоб в том нашей великого государя казне не учинить порухи; а будет та слюда сыскана в вотчине Соловецкого монастыря, про которую велено сыскать, и ты б в том Аврама Елчанинова осудил, что он делает не гораздо, потому что он слюды искал не в наших государевых местах, а в Соловецкой вотчине в Керетцкой волости, и нашей великого государя казне убытки починил напрасные; и про то б к нам великому государю писал вскоре: сколько человек у него в том слюдном промыслу людей было и что нашей великого государя казны на тот промысел и на снасти и работные людем, в росход вышло.

Писан на Москве лета 1673 маия в 30 день.

Грамота царя Алексея Михайловича в Кольский острог воеводе Алексею Тимофеевичу Нащокину о сыске слюды исключительно в казенных угодьях.

Акты Исторические, т. IV, док. 207, ч. VI.

№ 8. Взимание оброка с рыбных ловцов (1676 г.)

Мая в 27 день нынешнего 1676 году, в нашем великого государя указе из приказу Большого Дворца[1], за прописью дьяка нашего Емельяна Кирилова, писано в Новгородской приказ: в прошлом во 1675 году, по указу отца нашего государства, блаженные памяти великого государя царя и в. кн. Алексея

[1] Центральное ведомственное учреждение, ведавшее снабжением продовольствием царского двора.

Михайловича велено дьяку Федору Тютчеву, в Новгородском уезде, на Ладожском озере с рыбных ловцов оброчную рыбу и деньги и сверх оброку рыбу ж и деньги, которые наперед сего имали себе посыльщики, взять на нас великого государя и в том учинить прибыль;... и мы великий государь указали: на тех олонецких рыбных ловцов положить рыбной и денежной оброк, против Птиновских и иных съезжих носов.

И как к вам ся наша великого государя грамота придет, а из Великого Новгорода из Дворцового приказу для окладу рыбных ловцов денежного оброку, которые ловят безоброчно на Ладожском озере, кого пришлют на Олонец и вы б велели тем олонецким рыбным ловцом быть послушным и во во всем чинить против сего нашего великого государя указу, как о том писано в сей нашей великого государя грамоте, выше сего.

Писан на Москве лета 1676 мая в 29 день.

Царская грамота олонецкому воеводе Ивану Чаадаеву о наложении на олонецких рыбных ловцов рыбных и денежных оброков.

Акты Исторические, т. V, док. 5.

№ 9. Челобитная крестьян Виницкого погоста об освобождении их от поставки 1000 человек в стрельцы (1676 г.)

В нынешнем, государь во 1676 г. по твоему великого государя указу, велено, за денежные доимки прошлых годов, изо всего Олонецкого уезду с погостов и с волостей взять в стрелецкой строй тысяча человек в Великий Новгород на житье; а у нас, государь, в Заонежских погостех и в волостях твоих государевых сирот крестьянишек малое число, да и те скудные, а живем мы сироты твои о самой Свицкой рубеж Немецкой (а прилегли, государь, 5 городов немецких о наш Олонецкий уезд близко: Орешек, Корельской, Выбор, Шаванской, Карибор); и в прошлых, государь, годех, как было с теми Шведы воинское дело, и в то государь, время наезжали из тех городов воинские немцы многими людьми в наш Олонецкой уезд, в порубежных 5 погостов повоевали, а 7 церквей разорили и пожгли и до Олонца те немцы доезжали и многих жилецких людей посекли, а иных в полон поимали, до сверх того государь, в прошлых годех, будучи в Литовской и в Немецкой землях, блаженные памяти великого государя и в. кн. Алексея Михайловича на службах нашей братьи Заонежских погостов драгун и солдат побито и померло и в полон имано больши 7000 человек, а достальные мы сироты твои изранены и изувечены, а которые побиты и померли и у них осталися отцы и матери старые и женишка бездетные,

а у них детишка малые, и в те служивые годы обсиротели и обедняли и деревенские их участки запустели.

Да из нас же сирот твоих взято в город на Олонец в стрелецкой строй 300 человек на житье; а которые драгуны и солдаты осталися от солдатские службы живы, и те платят тягло втрое на три года сполна, и вечным разорением разорилися и всяких своих крестьянских пожитков отбыли.

Да в прошлом же, государь, во 1673 году из нас же сирот всех лутчих людей написали и выслали в город на Олонец в посад на вечное житье, а из нас осталось малое число, мелкая чета, немного сирот твоих людишек достальных. А как мы бедные сироты были в прошлых во 1628 и во 1629 годах в державе блаженные памяти великого государя... и от его царския руки был посылан писец в Заонежские погосты, князь Иван Михайлович Долгоруков да подьячей Посник Раков, писать деревенских участков и по тому письму положено на нас сирот твоего великого государева тягла, на всякую живущую выть на год по 12 рублев, а после того, государь, писца, как сидели воеводы на стану на Оште и прибавлено на нас сирот, на Заонежские погосты, за воеводские доходы, как их сняли, на всякую живущую выть по 2 рубля, да на нас же сирот, на деревенские участки, по челобитью Новгородского митрополита, прошлых годов, после писца, положено на всякую выть ямских новгородских денег по 2 рубля по 18 алт. по 4 деньги.

Да как... построили на Олонце город и ныне в городе на Олонце воеводы и дьяки сидят по государеву указу, и те воеводские доходы с нас сирот не сложены и не сняты, да с нас же сирот правят со всякой живущей выти хлеба, сверх писцовой книги, олонецким городовым церковным причетником и стрельцом на корм по 2 чети ржи, овса то ж число, а расходного хлеба воеводам и дьякам на Олонец тож с выти по 2 чети ржи, овса тож, да у нас же сирот выходит в расход денег, со всякой живущей выти в олонецкую издержку, как город построили и воеводы посели, по10 рублев; да на нас же сирот твоих положено, сверх писцовой книги, как город построили, в съезжую избу на расходы с выти по 2 алт. по 2 деньги и те деньги платим с твоей великого государя казною вместе, да с нас же сирот выходит, сверх писцовой книги, в поперечные ямы ямщиком в наем для олонецких начальных людей и подьячих и приветчиков и стрельцов, со всякой выти денег по 2 рубли по 26 алт. по 2 деньги, а что государь у нас после пожару на Олонце построен город в прошлом по 1670 году и в то городовое строенье нам сиротам нисколько не поверстано, а с выти, государь, у нас вышло денег на городовые бревна и плотником в наем доправлено по 9 рублев.

Да для твоих великого государя данных и оброчных денег и хлебных запасов, приезжают к нам в погосты с Олонца начальные люди и подьячие со многими стрельцами на многих

подводах, и нас твоих великого государя достальных бедных сирот бьют на смертном... правежи и мукою мучат.

Да в прошлом, государь, во 1664 году, как сидел в Важенском погосте на кружечном дворе откупщик посадской человек Андрей Дьяков, и после его откупу ныне в том кабаке седят верные головы, погодно, посадские люди, а в товарыщи велено им выбирать из погостов целовальников да истопщиков, и сами они головы по погостом, с того Важенского погоста с кружечного двора, с питьем и без питья, ездят на ямских подводах и на питухов они целовальники кабалы в пропойных деньгах пишут и заклады емлют, и в том нам сиротам чинится, в наимех и в подводех и в кормех убыток большой; а прежде сего, государь, в прошлых годех, мы сироты те кабацкие деньги платили, по земли с выти по 2 рубли по 5 алтын. Да с нас же сирот твоих, в прошлом во 1668 году, доправили старосты переписных и недописных денег с выти по 6 рублев по 30 алт. по 2 деньги, а куда те деньги старосты положили и в какие расходы, про то мы сироты не ведаем, да с нас же сирот доправили, со всякой живущей выти и с пустых участков, в прошлом во 1675 году, на каменные погребное строенье по 4 рубли.

Да в прошлом, государь, во 1674 году... велено быти в нашем Виницком погосте вновь таможенному сбору, по челобитью олонецкого посадского человека Федора Кирилова с товарыщи, а к тому таможенному сбору посылают с Олонца ежегод посадского человека к нам в погост, а в товарыщи посадскому человеку велено выбирать в погосте целовальника да истопщика, да для письма дьячка, да им же велено двор кортомить, а пошлина указано собирать с торговых людей, а у нас, государь, в погостишке в нашем торговых людей никаких нет, и пошлины вечно не сбирывали, и для того нам сиротам чинятся, в погосте целовальников и истопщиков и дьячков наймуючи и за двор кортому даваючи, и в подводах и в кормех, убыток большей. И для тех лишних складов и кабаков и таможенных новых сборов и олонецких расходов и приветчиков начальных людей и подьячих, многие деревенские участки запустели, а что доведется с тех пустых участков твоих великого государя доходов и мирских доходов и хлебных запасов, и те все денежные доходы и хлебные запасы накладают и разводят и правят на нас же сиротах твоих... и от тех обид и лишних сборов мы сироты и досталь вконец вечно разорилися и деревеньских своих участков отбыли.

Милосердный государь царь и в. кн. Федор Алексеевич пожалуй нас достальных своих великого государя сирот для своего многолетнего здоровья: вели, государь, нам сиротам всем жить на прежних своих деревенских участках в Заонежских погостах и волостях и твои всякие государевы подати платить а в стрелецкой строй не вели, государь, у нас взять тысячи человек, на житье в Великий Новгород, чтоб нам сиротам и достальным от взячи тех людей, в последнем разореньи не быть и

врознь не разбреститься и твоей государевой порубежной вотчины Олонецкому уезду в конец не запустеть; а что положено на нас сирот с выти по 2 рубли за воеводские доходы и те деньги вели, государь, с нас сирот свободить, а кабак вели, государь, с нашего Виницкого погоста снять, чтоб нам сиротам те кабацкие деньги платить по прежнему повытно, как мы сироты платили до службы великого государя в прошлых годех, а про олонецких начальных людей и подьячих и праветчиков и стрельцов и лишних немерных платежев вели, государь, послать сыщика, для пустых участков писца или дозорщика, в Олонецкой уезд и в Заонежские погосты.

Акты Исторические, т. V, док. 13.

№ 10. Порядная о выучке ученика серебряному мастерству (1684 г.)

Се яз Тимофей Афонасьев, из Заонежья, Андомского погоста государев дворцовой крестьянин деревни Тировской, отдал есми будучи в Великом Новгороде посадцкому человеку Фадею Кастьянову сыну серебрянику сына своего Анисимка учить серебряного мастерства, нынешняго 1684 году марта с 16 числа впредь в годы на 8 лет по розчоту, по то ж число: выучить ему Фадею того моего сына в ту 8 годов серебряного мастерства, чего он Фадей сам умеет; а учась ему сыну моему у него Фадея пить и есть, платье верхнее и исподнее и обувь носить его Фадеево, а рубашки и портки ему носить мое Тимофеево, а живучи тому моему сыну Анисиму в том учебном промыслу у него Фадея быть во всем послушну и покорну и безответну, делати в те 8 лет безотступно и быть в послушании и в покорении во всем, от него Фадея не бегать и ничего не красть и не отгуливать ни единого дни, ни недели.

А будет тот мои сын Анисим в ту 8 лет у него Фадея в послушании и в покорении во всем быть не учнет и ему Фадею вольно его сына моего за вину смирять и доброму делу наставливать; или будет дни и недели станет прогуливать, или тех 8 годов сполна не отживет, или покрадчи сбежит или за учеб и за прокорм, за платье и за обувь, на него Фадея делать не учнет, или в чем против сей записи не устоит, и ему Фадею взяти на мне Тимофее за учеб денег 20 рублев, а в сносе[1] и в побеги я Тимофей по сыне своем Анисимке и в убытках и в волокитах, что ему Фадею учинитца, и сносной живот против его челобитья все сполна.

А на то послуси Павел Тимофеев.

А запись ученическую писал плошадной подьячей Дениско Шишолов лета 1684 марта в 17 день.

Акты Юридические, док. 205.

---

[1] В воровстве.

2. КРЕПОСТНАЯ МАНУФАКТУРА В КАРЕЛИИ

№ 11. Сыск медной руды в Олонецком уезде (1666 г.)

По нашему великого государя указу, послан с Москвы из Новгородского приказу Новгородцкой гость[1] Семен Гаврилов, а с ним плавильщик иноземец Денис Юрьич, в Олонецкой уезд в Толвуйскую волость, для сыску медные руды; а что ему Семену к тому рудокопному делу на покупки и на всякие росходы денег и иных запасов, и подвод под всякие запасы и целовальников и иных каких мастеровых людей и толмачей понадобиться, и то ему велено давать в Великом Новегороде и на Олонце.

И как Новгородцкой гость Семен Гаврилов учнет в Великом Новегороде и на Олонце стольником и воеводам нашим о присылке к нему, к рудокопному делу, каких людей и денег и запасов и подвод говорить: и стольником и воеводам нашим то все велеть ему давать, с роспискою, без мотчанья, чтобы у него тому рудокопному делу мешкоты и помешки ни за чем не было, и во всем ему в том рудокопном дело чинить всякое вспомогательство, да о том писати к нам великому государю.

Писана в наших царских полатах лета 1666 марта в 5 день.

Грамота об оказании пособия новгородскому гостю Семену Гаврилову, отправленному в Толвуйскую волость для отыскания медной руды.

Доп. к Актам Историческим, т. V, док. 13, ч. 1.

№ 12. Кустарное производство железных изделий в Лопских погостах (1670—1674 гг.)

...Генваря в 4 день куплено Лопских Селгозерского погоста Юштозерской волости у Михайка Конанова плавленого железа 8 пуд, дано ему рубль 20 алт., по 6 алт. по 4 д. за пуд.

...Кижского погоста Вихтозерской волости у Михалки Герасимова да у Гришки Степанова куплено железа лопского 20 криц.

...Послан был в Лопские погосты для покупки железа и укладу Лопских же погостов угольной мастер Захарко Ильин и купил он железа доброго плавленного 54 пуда.

...Да в Лопских же погостах зделано 13 молотов больших с укладом, весом в них 5 пуд. с четвертью.

---

[1] Купец гостиной сотни, пользующийся правами заграничной торговли.

...Лопских Семгозерского погоста Святонаволоцкой волости у Якушки Иванова куплено железа лопского плавленного 5 пуд. 8 гривенок.

...Лопских Паданского погоста Масельской волости у Терешки Федорова куплено железа плавленного 30 гривенок да 10 топоров, дано ему рубль 14 алт.

Из приходо-расходных книг целовальников по сыску медной руды в Олонецком уезде.

Крепостная мануфактура России, ч. II, стр. 1—126.

№ 13. Положение рабочих на Олонецких медных разработках (1674 г.)

Июня в 18 день били челом великому государю царю и в. кн. Алексею Михайловичу, а новгородскому гостю Семену Гаврилову ямники и кузнец и молотовщики подали челобитную, Федька Якимов с товарищи, 43 человеки, чтоб великий, государь их пожаловал, велел для их бедности дать им к малому корму в прибавку, сколько великий государь укажет, чем бы им, будучи у медного рудокопного сыску из малого наима, прокормитца.

И против того их челобитья для их бедности дано им к поденному корму в прибавок 11 четвертей без полуосьмины овса, по полуосьмине человеку. Да плотником, Данилке Яковлеву, Ивашку Якимову, Кирилке Тимофееву, дано в прибавок же 3 четвертика жита.

Из расходной книги целовальников по сыску медных руд в Олонецком уезде.

Крепостная мануфактура в России, ч. II, стр. 119—120.

№ 14. Посылка иноземца Петра Марселиса в Олонецкий уезд для сыску и „опыта“ серебряных и иных руд (1675 г.)

По нашему великого государя указу посланы по всем городом и уездам иноземцы Петр Петров сын Марселис да Еремей Тимофеев сын Фондергатен[1] для сыску и опыту серебряные и золотые и иных всяких руд.

Да им же иноземцом по нашему великого государя указу и по жалованной грамоте велено ведать рудокопные дела в Оло-

[1] Иноземцы-заводчики, получившие в 1669 г. право на сыск и разработку железных и иных руд в Олонецком уезде.

нецком уезде, также на Цылме и Пижме реках и Пустоозерском уезде и в иных местах нашего царского величества Московского государства.

И как они иноземцы Петр Марселис и Еремий Фондергатен в которые городы и уезды приедут или кого пошлют и с наши великого государя проезжие подлинные грамоты за дьячьею приписью сей список объявят, и по городом бояром нашим и воеводам и дьяком, а в наших великого государя дворцовых волостях и в селех и в деревнях и в патриарших и в митрополичих и в архиепископских и епископских и в монастырских и бояр и окольничих и думных наших и всяких чинов людей в селех же и в деревнях, всяким приказным людем и старостам и целовальником и крестьяном велети им, иноземцом Петру Марселису и Еремею Фондергатену, или кто от них поедет, в сыску золотые и серебреные и иных руд давать всякую повольность и про всякие рудные места им извещать, и тех изветчиков для прямово розыску и указыванья прямых призначных мест им, Петру и Еремею, и их присыльщиком давать, а с теми изветчики на те места посылать окольных понятых людей, поскольку человек пригоже. И на тех местах, где изветчики укажут, тех руд им, Петру и Еремею, или кто от них прислан будет, искати по сему нашему великого государя указу безо всяких споров, на чьей земле не получится. А на ослушников им, Петру и Еремею, или кто из них в которое место для того рудного сыску приедет, давати стрельцов и пушкарей и розсыльщиков, поскольку человек пригоже.

И буде по милости всемогущего бога, а по их, Петрову и Еремееву радению и по изветчиковым речам золотая или серебряная и иная руда объявитца, и тем людем за те их прямые известы обещать нашу государскую милость и жалованье.

А в степных местах для бережения от воровских людей давать им наших великого государя служилых конных или пеших людей, сколько человек пригоже смотря по томошнему делу, и по вестям провожатых с прибавкою, а водяным путем суды и гребцов и кормщиков[1] и провожатых, посколько человек пригоже, по тому ж давать, чтоб над нашими великого государя людьми и над ним, Петром и Еремеем, и над их людьми, кого пошлют, упадку какова не учинилось.

А им, Петру и Еремею, и кто от них куды поедет, и изветчиком и мастеровым и работным и их людем и кто с ними в тех рудных сысках будет, везде по городом и уездам пропускать и в проезде нигде никакой задершки и остановки и обид и налог ни в чем не чинить, а наипаче нашему великого государя рудосыскному делу всякое спомогательство чинить.

И на местах мостовщиком[2] и на перевозах перевощиком и

---

[1] Рулевого на судне.
[2] Сборщик подати за переезд через мост.

всяким пошлинником и на дворех постоялого имать с них и с людей их не велеть, а для скорых посылок давати им и под посыльщиков и под мастеровых и под их людей и под снасти и под всякую их рухлядь ямские подводы за их прогоны по сему ж нашему великого государя указу.

А буде в том сыску они, Петр и Еремей, обыщут где в каких местех на наших великого государя или на помещиковых и вотчинниковых землях какие иные руды, кроме золотой и серебряной, какие краски или слюду или какое узорочное или простое пригодное каменье, и теми обыскными месты и красками и слюдою, и где какое каменье обыщут против нашего великого государя указу и нашей великого государя жалованной грамоты, какова о том сыску им, Петру и Еремею, дана из Новгородского приказу, владеть им и на тех местах заводы и промыслы заводить им же, Петру и Еремею, повольно. А как против изветчиковых допросов до прямые золотые или серебряные руды и в прямое свидетельство дойдут, и в котором городе и уезде какая золотая и серебряная руда объявитца, и сколько ее чаять будет, и как лежит, и чаять ли быть ей прочной, и какой в том нашем великого государя рудосыскном деле промысел учинитца, и о том к нам великому государю писать и под отписками присылать росписи имянно, а отписки велеть подавать в Посольском приказе боярину нашему Артемону Сергеевичю Матвееву да дьяком нашим, думному Григорью Богданову, Василью Бобинину, Емельяну Украинцову.

А буде по городом и уездом или где ни есть сему нашему великому государю указу и в том нашем великого государя рудосыскном деле, им Петру и Еремею, или людем их какую помешку или остановку и обиды и иную какую противность кто учинит, и тому от нас, великого государя, быти в опале и в пене и в жестоком наказанье. . .

Проезжая грамота, выданная из Посольского приказа Петру Марселису и Еремею Фондергатену, на проезд в Олонец на Пыльму, Пижму и в Пустозерский уезд.

Крепостная мануфактура в России, ч. II, док. 1.

№ 15. Невыполнение крестьянами обязательств по доставке руды и угля на Олонецкие заводы (1676—1688 гг.)

. . . Прикащики наши за них заплатили в твою великого государя житницу хлебных запасов ржи 22 четверти: да Яндомозерской волости на Корнилье Матфееве, на Назарьи Иванове, на Иванке Тимофееве, на Лазаре Иванове, на Сисое Степанове по

записи за непоставку угольных дров 140 саж. 14 руб.; да Космозерской волости на Степане Федорове Стромове, на Июде Арефьеве Овчинникове по записи за непоставку угольных дров 35 саж. 7 руб.; да П... ницкой волости на Ондреи Яковлеве по записи ж за непоставку дров 100 саж. денег 50 рубл.; да Великогубского к.. на Перьфилье Лупине, на Микифоре Евсееве, на Иване Тимофееве по записи ж за непоставку дров 60 саж. денег 12 руб.; да Космозерской волости на Степане Федорове, на Июде Арефьеве, на Иване Григорьеве по записи за непоставку уголья 500 запоров денег 42 руб. с полтиною; да Кижского погоста на Микифоре Матвееве, на Ермоле Григорьеве, на Григорье Исакове по записи за непоставку 100 криц железных денег 50 рубл.; да Пигмозерской волости на Михайле Сисоеве по записи за непоставку руды железной денег 10 руб.; да Комозерской волости на Тимошки Лукине по записи за непоставку уголья двухсот запоров денег 40 руб.

А сроки, государь, тем крепостем давно минули и за сроками многое время волочит и убычат, и в том нам и их неросплате учинились убытки большие, а что убытков учинилось, и тем убытком к суду будет роспись.

И в том мы в их неросплате били челом тебе великому государю и вынимали с Олонца многие наказные памяти на имя розных приставов, и иные по тем памятем должники от приставов отбивались, а иные приставы по наказным памятам нам иноземцом указу никакова не чинили, и в том нам иноземцем чинятца убытки большие.

Милосердный государь царь и в. кн. Федор Алексеевич пожалуй нас иноземцов вели, государь и в. кн. по тем крепостем дать в погостех свой царский суд и управу, чтобы нам иноземцом убытками вечно не разоритца и заводом нашим в запустении не быть. Царь государь смилуйся, пожалуй.

Челобитная иноземца Андрея Бутенанта в Олонецкую приказную избу с просьбой дать суд на крестьян, не выполнивших своих обязательств по доставке угля, дров и железа.

Крепостная мануфактура в России, ч. II, док. 10.

№ 16. Грамота о возке крестьянами известняка на заводы (1685 г.)

Били челом нам великим государем королевского величества дацкого комисар Андрей Бутенант да Крестьян Марселис и по нашему де великих государей указу в Олонецком уезде в Фоймогубской волости на Устьматке реке заведены у них железны заводы и на те де заводы наняли они Футынского монастыря

на землях к потребе плавильной печи и надобья копать известной камень; и того Футынского монастыря крестьяне того камня мимо себя иным никому возить не дают и принуждают их, чтоб тот камень возить им дорогою ценою и давать бы им за провоз от того камня большие невнятные цены по 20-ти алт. и по 20-ти по 3 алт. по 2 д., а им повольною ценою сторонних людей мочно нанять по 13-ти алтын по 2 д.

Да в нынешнем-де во 1685-м году наняли они наших великих государей дворцовых волостей крестьян на плавильную печь возить того известного камня, и Футынского монастыря крестьяне тех наемных извощиков наших великих государей дворцовых волостей крестьян с тое земли збили и возить им не дали, и от тех де монастырских крестьян чинятца им в невольном найме великие убытки и железным их заводам и плавильным печам за невывоскою того камня великая остановка, и от тех-де монастырских крестьян и впредь они великих убытков и заводом в невольном найму всякой остановки опасны.

И нам великим государем пожаловать бы их, велеть на те их заводы руду и известной камень и иные всякие припасы возить охочим всяких чинов людем, ково они похотят, наимывать, чтоб им иноземцам и железным их заводом в конечном разорении не быть и истеряным их деньгами, многим тысячам, которые к строению тех заводов в расходе, напрасно не пропасть, и о том дать им нашу великих государей грамоту.

И как к вам ся наша великих государев грамота придет... А у ково они иноземцы к тем своим железным заводам землю возьмут на оброк, и тем людем тем их наемным извощиком никакова заказу про возку не чинить; также и Футыня монастыря крестьяном велели наш великих государей указ сказать, чтоб они впредь тех извощиков для своих корыстей и дорогого найму с наемной земли впредь избивать и им Андрею и Крестьяну в том убытков и заводом их остановки не чинили. А будет те монастырские крестьяне или хто иных чинов, отдав землю под наем, учнет им, Андрею и Крестьяну, в воске всяких припасов чинить в дорогом найму убытки и железные руды возить не дадут и в том от них иноземцов Андрею и Крестьяна, впредь будет на тех людей челобитье и по сыску за то на тех людей доправлены будут их Андреевы и Крестьяновы убытки по их сказке.

Грамота с „прочетом" царей Ивана и Петра Алексеевича олонецкому воеводе о запрещении крестьянам Футынского монастыря чинить препятствия возке на заводы известняка.

Крепостная мануфактура в России, ч. II, док. 18.

№ 17. Крестьянская кабала (1688 г.)

Взяти, государи, нам иноземцом Кижского погоста Уницкой волости на Архипке Андрееве по кабале денег 30 руб. а срок, государи, тое кабале давно минул. А он Архипко тех денег не платит, волочит и убычит. И в том мы иноземцы били челом вам великим государем и вынимали с Олонца две наказные памяти на имя приказной избы подьячего Потапа Ростовцева. И он Архипко избегал, а ныне, государи, слышно нам, что он Архипко с тое волости сшел.

А деревенским ево участком и всеми пожитками ево владеют тое Уницкой волости жители, и в том нам иноземцом учинилось убытка 5 руб. с полтиною.

Милосердые великие государи и в. кн. пожалуйте нас иноземцов, велите государи ево Архипка втом к суду выслать на Олонец, а буде ево Архипка сыскать не мошно, и ево место велите государи выслать тех, которые владеют ево деревенским участком и иными пожитками, по тому ж к суду на Олонец и о том дать память. Великие государи, смилуйтеся, пожалуйте.

На обороте: 1688-го сентября в 15 день послать память, велеть за поруки прислать к суду на Олонец. А буде ево не сыщут велеть к суду за поруки прислать кто владеет того заимщика двором и животы и деревенским ево участком.

Челобитная Андрея Бутенанта и Христиана Марселиса в Олонецкую приказную избу.

Крепостная мануфактура в России, ч. II, док. 36.

3. ТОРГОВЛЯ

№ 18. Постройка в Олонце гостиного двора для иноземных купцов (1649 г.)

...Да в нынешнем во 1649 году писали ко государю царю и в. кн. Алексею Михайловичю всеа Русии, из Заонежья, окольничей и воеводы князь Федор Федорович Волконской да Степан Елагин, приезжают де на Олонец и в Олонецкой погост для торгового промыслу из-за рубежа, Свейского королевства из Корелы и из Корельского уезда и из иных мест кореляне и Немцы, а на Олонце поставлен город и устроены в нем лавки и торг и они де окольничей и воеводы тех иноземцов в город на Олонец без государева указу пускать не смеют; а о каких своих делех иноземцы государю бьют челом и к ним присылают, и

они к ним приказывают за город; а вперед корелян и немец на Олонце в город для торговли и для росправных дел пускать ли? и о том бы им велел государь свой государев указ учинить.

И окольничему и воеводам Василью Александровичю и Степану велеть, для приезду корелян и немец устроить гостин двор на Олонце за городом, меж рек Олонца и Мехречи, на острову на Стрелтце, а велеть тем иноземцом ставиться и торговать на том гостине дворе, а инде нигде ставиться и торговать опричь гостина двора не велеть и в город их ни для каких дел пускать не велеть же. А о каких будет делех им лучится государю бити челом, или о чем с ними с окольничем и воеводы говорить и им велеть присылать челобитные или письмо; а одноличнo того беречь, чтоб иноземцом в город не пускать, а для береженья на гостине дворе велеть быть кому пригоже и приказывать тайно, чтоб у иноземцов проведывали про всякие вести, которые Московскому государству годны, а сами б ни про что не росказывали, да что проведают и им окольничему и воеводам про то писать ко государю.

Из наказа олонецкому воеводе о постройке на Олонце гостиного двора для иноземцев.

Доп. к Актам Историческим, т. III, док. 67.

№ 19. Осмотр торговых людей на пограничной заставе (1661 г.)

Итти им стрельцам Олонецкого уезду в Кондускую волость, а пришед приняти Яганова полку Трейдена у поручика у Матфея Полозова государеву казну, ружье, мушкеты и пики, и порох и свинец и фитиль и во всем с ним росписаться по противнем [1]; а приняв казну, стояти в той Кондуской волости заставою и того смотреть и беречь накрепко, чтоб с государевы стороны в Свейскую сторону, также из Свейской стороны в государеву сторону тайно никто не проезжали и ссоры меж государствы не чинили, а которые всяких чинов жилецкие люди учнут за рубеж с государевы стороны, без проезжих памятей, с съестными товары ездить тайно и им тех людей с теми товары имая присылать на Олонец тотчас.

А будучи им в Кондуской волости, волостным людем шкоты и убытка не чинить и проезжих всяких чинов торговых людей с проезжими памятьми, для своей бездельной корысти, на заставе не держать и убытка торговым людем не чинить, а будет их оплошкою и нераденьем учинится с заставными и немецкими людьми какая ссора, или тутошним жилецким и проезжим тор-

[1] Расписаться в двух экземплярах.

говым людем учнут для своей бездельной корысти, шкоту и убытки чинить: и им за то от великого государя быть в жестоком наказанье, безо всякие пощады.

А которые всяких чинов торговые люди поедут для торгу с проезжими памятьми за рубеж и им тех людей осматривати, чтоб у них в провозе заповедных товаров[1] и медных денег не было; также из-за рубежа которые торговые люди поедут в государеву сторону, и у них бы табаку и вина и медных денег не было ж, а у кого у торговых людей заповедные товары и медные деньги объявится и им тех людей с теми товарами и с медными деньгами и с вывозною медью, которая у них из-за рубежа в вывозе будет, присылать с волостными провожатыми на Олонец тотчас.

А что из-за рубежа каких вестей объявится и им отписывать на Олонец к воеводе ко князю Терентью Васильевичу Мышецкому да к дьяку Дружине Протопопову, наскоро, чтоб про то было ведомо.

Воеводская наказная память олонецким стрельцам об осмотре на пограничной Кондушской заставе торговых людей.

Акты Исторические, т. IV, док. 162.

№ 20. Торговля России со Швецией (1672 г.)

...И ныне били челом нам великому государю Олончане посадцкие люди, земской староста Митка Артемьев с товарыщи: на Олонце де у них один торговой промысел за Свейской рубеж, а иные отъезжие промыслы город Архангельской и Свинская и Макарьевская ярманки от Олонца удалели и которые из них с товары ездили за Свейской рубеж для торгового промыслу, и после де Нового Торгового Уставу[2] со 1668 г. мая с 21 числа по нашему великого государя указу и по грамоте на Олонце таможенные головы емлют у них сказки за руками, чтоб им с товаров своих платить двойные пошлины; одни за себя, а другие за иноземцов мимо Нового Торгового Уставу, чего в статьях не написано и мимо наших великого государя прежних указов, что до Нового Торгового Уставу, которые им велено в целости

---

[1] Товары, запрещенные к вывозу в другие государства.

[2] Новый Торговый Устав, принятый в 1667 г., направлен на защиту русских купцов от приезжих иноземцев. По новому уставу иноземные купцы облагались таким же сбором, как и русские, т. е. платили 5% с весу их товаров и 4% с остальных, причем этот сбор исчислялся со всего привезенного товара, а не с проданного. Кроме того при проезде внутри страны иноземцы обязывались платить проездную пошлину в размере 10% с объявленных товаров, как с привозных, так и с закупленных русских товаров. Сами рамки торговли также были ограничены: иноземный купец мог продавать свои товары только оптом и только купцам, ездить по ярмаркам не разрешалось.

остерегать, а без таких де сказок и доныне с товары их в отъезд за Свейской рубеж не отпускают, а на Олонце де, по нашему великого государя указу, с Новым Торговым Уставом прислана наша великого государя грамота, велено таможенным головам прежних постановленных указов в целости оберегать и таможенную пошлину с русских людей сбирать по прежним уставным грамотам, а с иноземцов по указным статьям, потому что посадские люди всякие наши великого государя службы городовые и отъезжие служат, и пятую и десятую деньгу и всякие подати и тягло платят и под нашу великого государя казну и под посыльщиков подводы ставят, а во 1671 году, по челобитью новгородцев посадцких людей, послана наша великого государя грамота в Великий Новгород, велено пошлины имать по Новому Торговому Уставу и по прежним указом, а сказок за иноземцов и никаких пошлин имать не велено; и нам великому государю пожаловати б их не велеть на Олонце таможенным головам мимо Нового Торгового Уставу, по сказкам с товаров их за иноземцов пошлин спрашивать и сказок у них имать, а велети б с их товаров на них пошлины имать по Новому Торговому Уставу и по прежним указом, что до Нового Торгового Уставу, которые им велено в целости оберегать, чтоб им от того великого утеснения торгов своих не отбыть и в конечном разорении не быть и наших великого государя служеб и податей не отбыть и о том дать им нашу великого государя грамоту...

Грамота олонецкому воеводе Богдану Ордину Нащокину относительно пошлинных денег с товаров, отправляемых из Олонца в Швецию.

Доп. к Актам Историческим, т. VI, док. 55.

4. МОНАСТЫРИ В XVII ВЕКЕ

№ 21. Освобождение Соловецкого монастыря от уплаты зажилых денег за беглых крестьян (1647 г.)

Били нам челом богомолец наш Соловецкого монастыря игумен Илья с братьею: наше де богомолье Соловецкой монастырь место невотчинное, и пашен и крестьян за ними нет, питаются своими трудами от соляных промыслов; а в монастыре де у них и в соляных промыслех в служках и в служебниках и во всяких монастырских трудниках и в стрельцах жили и ныне живут все пришлые люди разных городов, а приходят по своему обещанью для исцеленья, кто на сколько лет у чюдотворцов в трудех жить обещаетца, а иные от бедности для прокормленья из наймов, и в монастыре дрова секут и на лодьях ходят и в со-

леных их промыслех живут и соль варят, и всякими труды тружаютца, а иные живут по вере без наймов и пожив как кому годно из монастыря и из промыслов отходят, а иные вновь приходят, и теми де пришлыми людьми Соловецкой монастырь и Сумской острог строился и обереганье от немецких и от литовских воинских людей было теми людми; а домовых де монастырьских людей и крепостных служек и служебников, как в иных монастырех ведетца, у них в Соловках нет, потому что Соловецкой монастырь от иных ото всех монастырей отменился, и женатых жильцов у них в трудниках не бывает; и в нынешнем де во 1647 году, сентября в 4 день, по нашему указу, приезжал ты к ним в Соловецкой монастырь для сыску Заонежских погостов наших сошлых крестьян, а стрельцов и подьячих и целовальников и твоих людей с тобою было 35 человек, да Выгозерского погоста наших крестьян для опазныванья 10 чел. всего 45 человек и жил у них в монастыре 3 недели и переписал у них наемных и обетных людей трудников, которые тружяютца в Соловках лет по 20 и по 30 и по 40 и в Сумском остроге стрельцов и бобылей и по всем их соляным промыслам соловаров и дровосеков, которые родом Заонежаня и пишеть тех работных людей за ними жильцами, а у них де те работники пришлые люди живут и работают из найму, а за тех де за всех работных людей и за бобылей и за служек и за стрельцов, которых ты написал в вывод в Заонежские погосты, правишь на них оброчных денег за прошлые многие годы и от того де правежу и от кормов и от подвод и достальные их бобыли и работные люди из их соляных промыслов бредут врознь; и нам бы их пожаловать, за тех работных людей и обетных трудников и за бобылей и за стрельцов и за наемных соловаров зажилых денег[1] за прошлые году править не велеть, чтоб нашему богомолью оскуденья не было и им бы игумену с братьею врознь не разбрестись, а которые бобыли в Сумском остроге живут до немецкого приходу и до литовского разоренья и о тех велеть бы нам указ учинить.

И как в тебе ся наша грамота придет, и ты б Новгородцкого уезда наших беглых крестьян в Заонежские погосты вывозил по нашему указу за 15 лет и больши 15 лет не вывозил и даней никаких больши того не имал и насильства никакого никому не чинил; а будет над кем кто хошь малую неправду учинит через наш указ, и тому быть в великом наказанье.

Писан на Москве лета 1677 октября в 27 день.

Жалованная грамота царя Алексея Михайловича Соловецкому монастырю.

Доп. к Актам Историческим, т. III, док. 33, ч. II.

---

[1] По закону царя Василия Шуйского помещик получил право на получение „зажилых денег“ с землевладельцев, у кого были найдены беглые крепостные крестьяне.

№ 22. Жалоба Палеостровского монастыря царю на крестьян Шунгского погоста (1664 г.)

Палеостровского монастыря игумен Сергий з братьею на Шунского погоста, деревни Павликовы, на Дружинку Семенова с соседы, деревни Харины на Федотка Перогова с соседы, деревни Кузнецовы на Фадейка Иванова с соседы, деревни Ощуковы на Якуша Васильева с соседы, деревни Селезековы да Яргачевы на Томилку Клещицына с товарищы, а сказал: в прошлых де годех он, Дружинка Семенов с соседы в челобитье своем оболгав, взял на оброк рыбную ловлю на устья Путки реки у их монастырской мельницы, а тое половина реки их де монастырьская и оне де ту реку всю заперают и в их де половину реки колье забивают и проезду де на мельницу людем с молотьем и толчивом останавливают и их де от рыбеной ловли от их воды отбивают, а оне де Фетка с товарищы на их монастырской земли старинные их пожни в запертех лес секут, дрова де и бревна де и изгодья их портит.

Из памяти царя Алексея Михайловича о производстве сыска о реке Путке между крестьянами Шунгского погоста и Палеостровским монастырем.

Барсов, Палеостров, его судьба и значение в Обонежском крае, док. 18.

№ 23. Слюдяные промыслы Соловецкого монастыря (1668 г.)

Марта в 31 день писали к нам великому государю Соловецкого монастыря келарь старец Азарей да казначей старец Геронт и прислали Кольского острогу Керецкия волости нашия великого государя десятинныя слюды, что собрали во 1667 году Керецкия волости с промышленных людей, большия и средния и меньшия статьи 13 пуд 7 гривенок и та десятинная слюда Соловецкого монастыря и устроителя Иринарха, в нашу великого государя казну в Новгородскую четверть принята сполна.

Писан на Москве лета 1768 мая в 25 день.

Грамота царя Алексея Михайловича в Соловецкий монастырь о приеме в казну десятинной слюды, собранной с монастырских промышленников.

Акты Исторические, т. IV, док. 207, ч. I.

№ 24. Работные люди в Соловецких усольях

	Постоянных работников	Членов их семейств	„Прихожих"
В Колежемском усолье [1]	38 ч.	87 ч.	25 ч.
„ Нюхоцком	28 „	55 „	20 „
„ Унежемском	30 „	76 „	25 „
„ Кушрецком	20 „	53 „	30 „
„ Польском	5 „	—	50 „
„ Пияльском	70 „	вместе с „прихожими"	
„ Фирсовском	58 „	—	—
„ Владыченском	70 „	—	—
„ Пурнемском	108 „	265 „	—
„ Лямецком	59 „	129 „	—
„ Лудском	40 „	147 „	—
„ Ненокоцком	22 „	81 „	—
„ Куйском	31 „	48 „	25—40 ч.
„ Виремском	30 „	77 „	20 „
„ Шуерецком	33 „	75 „	—
„ Летнорецком	40 „	90 „	15 „
„ Понгомском	39 „	84 „	16 „
„ Чупском	36 „	75 „	14 „
„ Чернорецком	38 „	80 „	16 „
„ Пильскогубском	22 „	63 „	10 „
Всего	827 чел.	1485 чел.	266—281 чел. [2]

А. Н. Савич, Соловецкая вотчина в XV—XVII в., стр. 110—111.

[1] Группа солеварен.

[2] Писцовые книги различают две категории работных людей; „полетних" — более постоянных рабочих, живших по усольям в специальных монастырских дворах вместе со своими семьями, и „пришлых", порядившихся на какую-либо кратковременную работу или работающих поденно. Из приводимой таблицы видно, что в большинстве в усольях работали работные люди первой категории — постоянные. Как те, так и другие работали на монастырском хлебе.

№ 25. Посылка в Сумский острог из Москвы двух слюдяных мастеров (1671 г.)

В Сумской острог богомольцу нашему Соловецкого монастыря архимандриту Иосифу с братею.

Писали вы к нам великому государю и прислали Керецкия волости двух человек слюдных мастеров, Савку Сухорукова да Мирошку Тоболина для досмотру слюдных призначных мест, и те слюдные мастеры Савка и Мирошка, с Москвы к вам в Сумской острог отпущены.

Писан на Москве лета 1671 августа в 25 день.

Грамота царя Алексея Михайловича Соловецкому монастырю об отпуске из Москвы двух слюдяных мастеров в Сумской острог для осмотру слюдяных мест.

Акты Исторические, т. IV, док. 207, ч. IV

№ 26. Монастырь — крепость (1676 г.)

Роспись, сколько в Соловецком монастыре, по башням и по городовой стене пушек медных и железных больших и затинных.

На корожной башне в середних боях:

Пушка железная „грановитая", длина 3 аршина, ядро в фунт, на станку и на колесах.

Пушка „китоврас", медная, длиною 4 арш. без четверти, ядро весом 9 фунтов, на станку и на колесах.

Пушка железная „карабельная", длиною 4 арш., ядро весом 7 фунтов, на станку и на колесах.

Пушка „Львица" медная, длиною полчетверти аршина, ядро 2 фунта, на станку и на колесах.

Пушка железная „хвостуша" грановитая, длиною 2 аршина, ядро полфунта, на станку и на колесах.

В нижнем бою:

Пушка медная „соловей", длиною 3 арш., ядро полчетверти фунта, на станку и на колесах...

(Далее следует описание вооружения других башен).

Из росписи вооружения монастырских стен Соловецкого монастыря.

Доп. к Актам Историческим, т. V, док. 67, ч. XII.

5. ГОРОД ОЛОНЕЦ В XVII ВЕКЕ

№ 27. Построение города Олонца (1649)

По твоему государеву цареву в. кн. Алексея Михайловича всеа Русии указу, велено нам, холопем твоим, быти на твоей государевой службе в Заонежских погостех на Олонце; а приехав на Олонец россмотреть мест, в котором месте для береженья у крепостей и у воды пристойно устроить город или острог; а разсмотря мест, где лутчи и пристойнее городу быть, велети город или острог делать, а сделав город отписати и чертеж начертя подлинно с розмером прислать к тебе государю... А осмотря мест где лутчи и пристойнее быть городу, велети делать город Заонежских и Лопских погостов твоими государевы и митрополичьи и монастырскими крестьяны.

И мы холопи твои, по твоему государеву указу, приехав на Олонец, осматривали в Олонецком погосте в розных местех, в котором месте пристойнее быти городу к воде и к крепостям; и по нашему, холопей твоих, осмотру пристойнее всех мест городу быть в большом в Рожественском Олонецком погосте, на реке на Олонце, на усть речки Мегречи, где впала в реку Олонец, то место, где стояла деревня Оксентьева, а Томначев наволок тож, а нялося то место между дву рек и посреди Олонецкого погосту, и о том мы, холопи твои, писали к тебе государю прежде сего, что на том месте обложили и учали делать два города, и те, государь оба города и со всякими городовыми крепостями мы, холопи твои, доделали нынешнего 1649 году сентября в 29 день:...

А места, государь, к городу подошли непросторные, на нисских местех, лесные, поросли по мшарином; и мы, холопи твои, устроим к городу выгонные места как мочно, да и нигде, государь, в Олонецком уезде таких мест нету, где бы каким большим простором или выгоном быть.

А жилых, государь, и посадцких людей в городы из Заонежских погостов охотников никого нету; и мы, холопи твои, у усмотру допрашивая волостных людей, которые люди у них в погостех торговыми промыслы промышляют, а в солдатцкую службу за старостью их не будет, а детей у иных нету, а у иных дети есть и мы холопи твои тем торговым людем говорили, чтобы они у кого есть дети, писали детей своих в солдатскую службу, а сами писалися в посадцкие люди на Олонец, а у кого детей нет и они бы дали в солдатцкую службу приимышев или наймитов, а сами б писалися в посадцкие люди; и те, государь, Заонежских погостов крестьяня били челом тебе государю, а нам холопем твоим говорили: промышляют они небольшими торговыми промыслы, а участки за ними малые и земли скуд-

ныя, и столько их не будет, что детем их быть в солдатцкой службе, а им будучи в посаде тягло тянуть и твоя государева служба служить, а у которых детей нет, и тех столько не будет, что им в свое место наемных людей в службу дать, а самим в посаде быть; и мы холопи твои, говоря с ними о том всякими мерами, и которыя люди промышляют небольшими торговыми промыслами, а иныя и не помышляют торгом, а сказали про иных крестьяня, что они люди нескудныя, а в солдатцкую службу их за старостью не будет, и мы, холопи твои, тех людей написали в Олонецком и в иных розных погостех в город в посадцкие люди, с 60 человек, и порученыя записи велели по них взять что им быть в посаде и дворы в городе строить, а у которых дети есть, и мы детей писали в солдатцкую службу, а у которых сына 3 или 4, и мы у тех писали в солдатцкую службу по два сына, а ну иных и по 3, и с меньшими детьми, которыя поплошае, велели быть в посаде, а бездетных потому же велели написать в посад и велели им в городе дворы строить; и те, государь, посадцкие люди били челом тебе государю, что никако их столько не будет, что нынешнею осенью в городе дворы ставить, потому, дети у них в солдатцком ученье, а сами ныне были у городового дела, а нанять гулящих людей не добудут, да и мочи их столько нет, чем наимывать и хлебом скудны, которые лутчия работники у них в домех были, дети и братья и племянники, и те ныне в ученье, а они без тех людей пообезсилели и дать бы им сроку в городском строенье до весны; и мы холопи твои, видя их к тебе государю челобитье, велели нынешнею осенью в городе селиться человеком двум, иным и трем один двор поставить, чтобы в городе не пусто было; и те, государь посадцкие люди, которые попрожиточнее, учали в городе селиться, человека до 2 и по 3 в один двор, привезли в город изб с 10, а впредь, государь, что прибудет в городе дворов, о том отпишем к тебе государю.

Да мы, же холопи твои, написали из розных погостов с малых участков крестьян, а иных и из бобылей в пушкари, с 20 человек, и поручныя записи по них велели взять и ко кресту привели; а с городовую, государь, селитьбу их не будет, люди скудныя и живут по крестьяном в розных деревнях, а что будет, государь, впредь посацких людей в городе устроим или в иныя какия службы напишем, о том к тебе государю отпишем.

Резолюция: 1649 октября в 28 день, указал государь отписать к ним с своим государевым милостливым словом.

Отписка воеводы Федора Волконского о построении города Олонца.

Доп. к Актам Историческим, т. III, док. 64, ч. 1.

№ 28. Укрепление стен города

Описание башни меньшего города

Башня на воротех, рублена в 6 стен в трехсаженном сосновом лесу, лес в отрубе 6 и 7 вершков; вышина башни до кровли 6 сажен с полусаженью, на ней кровля шатровая на караульня: а по мере башня с кровлею и с короульнею вверх 14 сажен, а в ней 3 моста, бои пушечные и пищальные 3-и; а по мере башня по воротам 5 сажен, а в той башни ворота из меньшего города в большой город. *(Дальше идет описание следующих башен меньшего города).*

Описание стен и других построений города

...А рублен город в тарасы в четвероугольные, до нижних боев рублен в 2 стены, а между стен пущено 3 чети аршина, насыпан землею для защиты пушечной и пищальной стрельбы; а тарасы рублены по городу с сажень, а в город 2 сажен без четверти, а в тарасех просечены бои пищальные, а в тарасы из города двери просечены для вместки осадных людей, а к тарасам из города ставлены столбы для связи с кровли городовой, на тех столбах кровля укреплена; а между тарасов стены по 2 сажени, просечены между тарасов по два бои нижних.

А по городу намощен мост, а с мосту рублена городовая стена по верхние пищальные бои, с обломы, в 2 стены, для крепости и защиты пищальной стрельбы; а в обломех бои пищальные, а на обломех под кровлю катки положены по пяти катков.

А из города по мосту сделаны перилы и лестницы на город.

А вышина городу, рублен по кровлю 3 сажен с четвертью, ширина городу 2 сажени без четверти; а крыты башни и город тесом, а по мере меньшего города кругом 9 башен, под ними 70 сажен, да городовых с трех стен 220 сажен; а десятая башня на воротех да стена поставлена межу городов; а по мере той середней воротней башни и стены 70 сажен.

А в городе соружена церковь деревянная клетцки и с трапезою и с папертьми во имя святыя и живоначальные Троицы, в пределе святого праведного Алексея Человека божия, в другом пределе страстотерпца христова Димитрия Солунского.

Да в том же меньшом городе изба съезжая да погреб казенной деревянной 4 сажен; а для воды половина потреба впущена в землю, а другая половина осыпана землею, и покрыта тесом.

Да в городе ж двор воеводцкой, да у ворот сторожня.

...И всего в обеих городах поставлено 8 башен круглых о 6 стенах, на них караульни, 5 башен четыреугольных 4 са-

жен, вышина с кровлями по 9 сажен, две башни по получетверты [1] сажени, 4 башни по 3 сажени, вышина башням тоже по 9 сажен.

Городовые стены от земли по кровлю, с обломы рублены в 3 сажени с четвертью; ширина городу 2 сажени без четверти.

А рублен город в четвероугольные тарасы, а к тарасам для городовые связи ставлены столбы, кровля городовая на тех столбах укреплена; ширина тарасом по городу сажень, а в город 2 сажени без четверти, а из тарасов просечены нижние бои пищальные, а между тарасов городовой стены по 2 сажени, и просечены на сажени по бою.

А по городу намощен мост; из города забраны перилы и лестницы сделаны.

Описание местности вокруг крепости

. . . А кругом городов с московскую полевую сторону и из обеих рек подошли места ровные, а от пушечные стрельбы ни с которую сторону защиты нет, окроме тарасов укрыватся нечим.

А с московскую полевую сторону на стена 90 саженех места ровные приступные от реки Олонца до речки Мегречи, и тем местом между рек копан ров, от города до рву 4 сажени, для того ров дале от стены копан, в полую воду из обеих рек будет рвом водяная пролива, чтобы водою городовой стене порухи не учинила, и чаять того ров впредь из рук будет водян; ширина рву полчетверты сажени, глубина тоже.

А с приступную сторону ото рва городовая стена и башни по нижние бои землею засыпаны.

А за рвом, ото рва в 3-х саженях между реки Олонца и речки Мегречи на 190 саженях, составлены надолобы [2] набойные двойные.

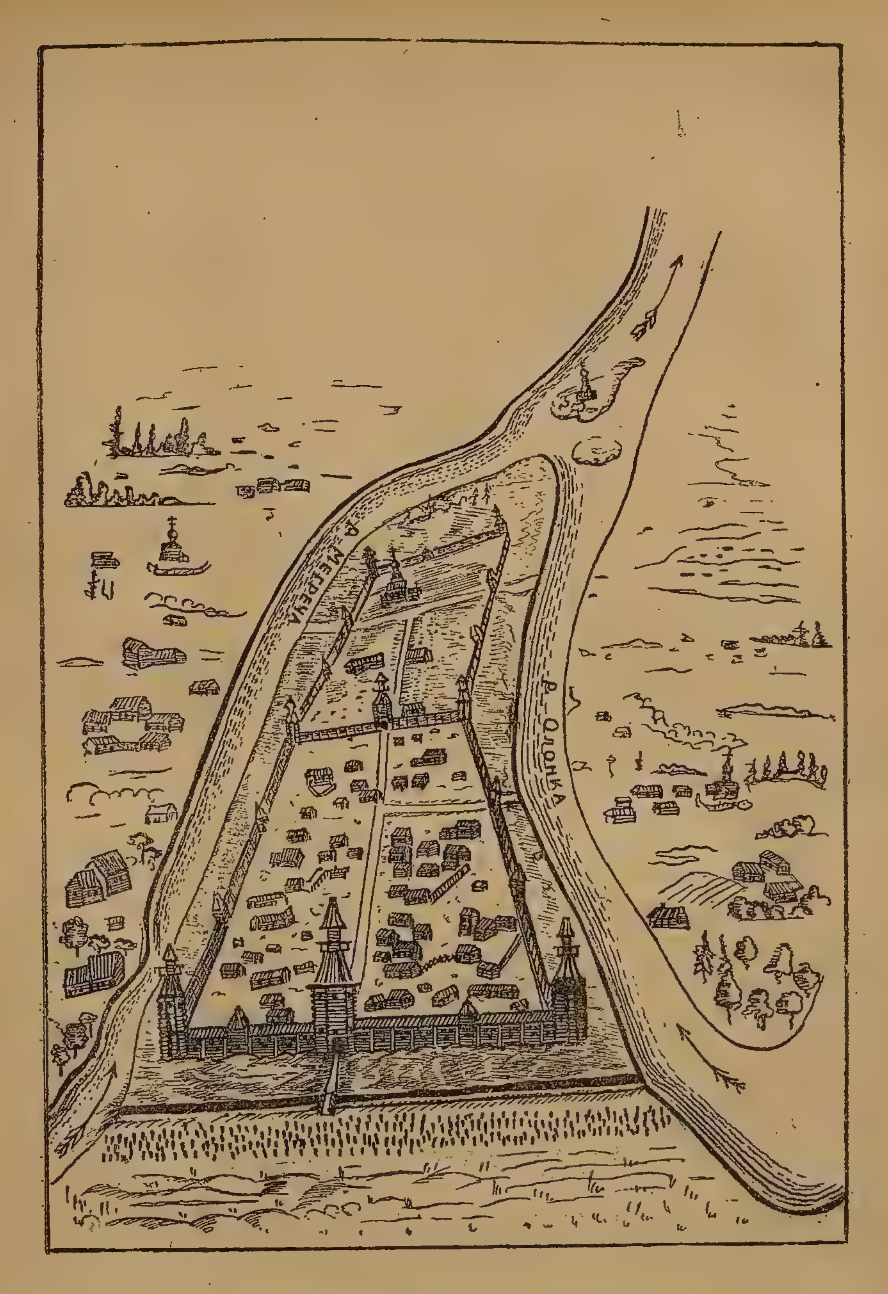
. . .А солдаты и крестьяня Олонецкого погоста от города Олонца сидят розными мелкими деревнями, вверх до речки Мегречи по московской дороге к Олександрову монастырю, по обе стороны речки Мегречи, на 15 верстах.

. . .Да вверх по реке Олонцу сидят деревни, от города на 5 верстах, по обе стороны реки Олонцу, а вниз по реке Олонцу к Ладожскому озеру сидят деревни, по обе стороны реки, на 15 верстах. . . . А пашни к тем ко всем Олонецким деревням по берегу небольшие, а за пашни сенные покосы небольшие ж; а за покосы леса, и мхи, и болота неугожие.

---

[1] $3\frac{1}{2}$ сажени.

[2] Невысокие наклонные столбы, расположенные в два ряда в шахматном порядке, для создания затруднения подхода к крепости неприятелю.

Олонецкая крепость в XVII веке

(План составлен худ. Агаповым по документам XVII века)

И всего Олонецкого погосту по тем речкам солдатских и крестьянских дворов с 800 и те все люди в осадное время будут в городе; а иные погосты и Олонецкого погоста выставки от города удалели, каковы вести, поспеет ли кто в город или нет, и того ведать не мочно.

Доп. к Актам Историческим, т. III, док. 64, ч. II.

№ 29. Сбор денег с Заонежских и Лопских погостов на построение города (1670 г.)

В прошлом во 1669 году, по указу великого государя и по грамоте велено на Олонце город строить деревянной, на прежнем месте, по чертежу, и строеньем против прежнего, сошными людьми.

И в прошлом во 1669 и в нынешнем во 1670 годах, Олонецкого уезду, всех Заонежских и Лопских погостов сошные люди строили городовой стены мерою 464 сажени без трети и полсажени с полуаршином, да десять башен, а не достроили они сошные люди городовой стены 70 сажен с полусаженью и с третью да трех башен, и плотников к тому строенью они сошные люди не прислали, и городовому строению учинили мотчанье большое.

И в нынешнем во 1670 году, на Олонце, в Приказной избе, перед думным дворянином и воеводою перед Иваном Ивановичем Баклановским да перед дьяком Воином Булычевым стрелецкой десятник Трофимко Дубаков да посадцкой человек Гришка Власьев с товарищи уговорилися, к городовому строенью срубить и поставить от подошвы и до верха, и покрыть, и сделать наготово остаточной городовой стены, мерою 70 сажен с полусаженью и с третью, да три башни штиугольные: первая наугольная башня в земляном быку, что против глиняной горки, а другая Московская, а третья наугольная, что против притыки; а наима ряжено им за ту работу по уговору, денег 212 рублев 16 алтын 4 деньги, за сажень по 3 рубли, а за башни 90 рублев; и те наемные деньги по уговору, им подрядчиком из государевы казны из Олонецких изо всяких доходов для поспешенья выданы, чтоб для того городовому строенью мотчанья не учинилось; а довелися те деньги собрать назад в государеву казну, за 33 сажени без трети да за четверть сажени в 98 рублев 25 алтын, за сажень по 3 рубли, да за 3 башни 90 рублев, с розных погостов и с волостей, потому что тех погостов и волостей плотники, по роскладу, против иных погостов городового строенья не доделали, а за 38 сажен без трети да за четверть сажени 130 рублей 25 алтын довелося разложить и собрать со всего

уезду с Олонца и с Заонежских и с Лопских погостов и с монастырских вотчин и с помещицких земель.

И... приехав в те погосты и в волости сыскать старост и волостных людей, а сыскав доправити на них за то городовое строенье деньгами по росписи сполна, а доправя прислать в город на Олонец с целовальники не мешкая, тотчас, и велеть заплатить в государеву казну сполна без доимки, не замешкав же, чтобы государеве казне истери не было, и о том на Олонец к думному дворянину и воеводе к Ивану Ивановичу Баклановскому да к дьяку Воину Булычеву отписать.

А будет ты... тех денег по росписи сполна не доправиш и с целовальники на Олонец в государеву казну, вскоре не пришлеш, и учнеш пить и бражничать, и старостам и волостным людем сроки давать, и от того себе посулы и поминки имать: и по указу великого государя быть тебе в великой опале и в жестоком наказанье, и те деньги велят доправить мимо старост и волостных людей, на тебе, безо всякия понаровки; а сколько с которого погоста и с волостей за то строенье порознь денег довелось взять, и тому под сею памятью роспись.

Память царя Алексея Михайловича о сборе денег с Олонецкого уезда и Заонежских погостов для пополнения государственной казны в связи с расходами по построению г. Олонца.

Доп. к Актам Историческим, т. VI, док. 64, ч. I.

№ 30. Ремонт городских стен (1672 г.)

В прошлых во 1670 и 1671 годех, по указу великого государя, устроен на Олонце город деревянной на прежнем месте, покрыт и изготовлен. И в нынешнем во 1672 году по зиме... божиим изволением бурею раскрыло городовой стены на стороны по обмеру 34 сажени, и тое кровлю и связи сломало и снесло прочь.

А был у того строенья на той северной стороне над плотниками надсматривал прапорщик Федот Назимов и у выписки он Федот в роспросе сказал, что де роскрыло тое городовой стены, строенья разных погостов по западную сторону четыреугольной башни 10 сажен Остречинского погоста, да 1 сажень после башни Тубозерской волости, а от тое четыреугольной башни к востоку Олонецкого погоста Верховской и Мегрецкой трети старощенья прошлого Мишки Ермолина 5 сажен по описной, Низовской трети старощенья Михейка Онисимова полпяты сажени, да Титкова старощенья Тарасьева, 9 сажен. А были де у той работы волостные наемные плотники, а не из государственной казны наняты.

И в нынешнем во 1672 году мая в 3 день в Приказной избе думной дворянин Иван Ивановичь Баклановской да дьяк Воин Булычев уговорили олончанина Тимошку Завьялова тое стену 34 сажени покрыть тесом и изготовить, а за ту работу по уговору ряжено ему Тимошке дать денег 6 рублей 4 алтына, за сажень по 6 алтын: а наперед тех наемных денег уговоренося ему Тимошке дать половину, а достальные наемные деньги ему как он тое стену покроет и изготовит.

А порукою по нем Тимошке в той работе Олонецкого погоста старосты Ивашко Троптель да Микита Кабавозь.

Из доклада об исправлении городовой стены, поврежденной бурею.

Олон. Губ. Вед., 1849 г., № 19.

№ 31. Городские ремесленники (1672 г.)

Се мы Олонецкого города посацкие люди Андрей Иванов сын Чюсов да яз Васка Ульянов сын Аверкиев, поручилися есми на Олонце в государеву казну Олонецкого города по плотниках наемных по посадцких людей по Гришки Власьева по Ивашки Васильеве сыне Пещанском да по олончанех по Тимошки Кирилове сыне Бахмате по Ивашки Кастьянове Нанелском по Тимошки Иванове сыне Завьялове по Ивашки Михайлове сыне Уккои в том: что они плотники Гришка Власьев с товарыщи, за нашею порукою, в нынешнем во 1672 году апреля в... день на Олонце в приказной избе перед думным дворянином в воеводою перед Иваном Ивановичем Баклановским да перед дьяком Воином Булычевым уговорились и нанялися в плотники, в городе на Олонце с государева лесу поставить дьячей двор, горницы с подклеты, на прежнем дьячем дворовом месте; а лес государев, бревна, им плотником на то дворовое строенье взять в городе на дьячем дворовом месте и срубить и поставить и сомшить [1] горница с комнатою на подклетах жилых, с сеньми, и с повалышею [2] и с задцом, да задняя горница на подклете жилом, с сеньми и с чюланами и с задцом, а вышиною те хоромы каковы понадобитца, и те хоромы все покрыть и сготовить наготово, а двери и окна, красные и волоковые, вверху и в подклетах сделать по чину как доведетца и нутро сделать все наготово и лестницы все сделать по чину и покрыть как понадобитца; да прежнего строенья переставить к тем же хоромам, мылня да конюшня да анбар с кровлями и со всем заводом, что на прежнем дьячем

---

[1] Собрать строение, положив между бревнами мох.
[2] Холодная комната, служащая спальней в летнее время.

дворе за городом; а то прежнее строенье, которое понадобитца, из-загородья перевезти в город помимо их плотников на прежнее дворовое дьячье место наготово и к тем ко всем хоромам мох мшить, горниц добыть и поставить в городе на́ дьячем дворе, помимо ж их плотников наготово; да на дворе устроить погреб и над погребом срубить и поставить анбар, и заборы около всего двора забрать и покрыть и сготовить, да ворота створчатые добрым мастерством и покрыть; а железная снасть к тому всему дворовому строению, крюки и петли и скобы и гвоздья, то все государево, и печи сделать помимо их плотников, опричи плотнического мастерства, против воевоцких хором; да им же плотником, за нашею порукою, сделать в городе тюрма: прежняя изба подрубить и перечинить и переставить, да около тюрмы поставить тын стоячей вышиною в четыре сажени, а тюремная изба из загородья в город перевезть на тюремное место и мох добыть помимо ж их плотников.

А найма они плотники Гришка Власьев с товарыщи приговорили, за то плотницкое строенье дьячья двора и тюрмы взять из государевы казны на Олонце денег 65 рублев; а ныне они плотники Гришка Власьев с товарыщи, за нашею порукою, взяли наперед из государевой казны наемных денег половину 32 рубля с полтиною, а 15 рублев взять из государевой казны на троицын день нынешнего 1672 году, а достальные деньги по дочету взять за тот плотницкий наем из государевой казны, как тот дьячей двор сполна и тюрьму состроят, опричи печей, на срок на семень день летоначатца 1673 году.

А будет они плотники Гришка Власьев с товарыщи, за нашею порукою, того дьячья двора и дворового строенья и тюрмы, против сей записи и приказной избы росписи на тот срок на семень день сполна не поставят и не сготовят, и на нас на поручиках пеня великого государя и в. кн. Алексея Михайловича... а пени, что великий государь укажет, и наши поручиковы головы в их голов место, и та работа против сей записи на нас на поручиках; а не отниматца нам поручиком от сей записи никакими государевыми делы и службою.

А на то послух площадной подьячей Афонасей Сидоров.

Запись писал поручик на себя и по товарыщеву веленью Васка Ульянов своею рукою лета 1672 апреля в 27 день.

Поручная по плотниках.

Акты Юридические, док. 309, ч. IV.

6. ВОЕННАЯ СЛУЖБА В ЗАОНЕЖСКИХ ПОЛКАХ

№ 32. Котошихин о положении и устройстве Заонежских солдатских полков [1] (1645—1667 гг.).

Полки солдатцкие, старые, издавна устроены житьем на порубежных местех, острогами, в двух местех к границе Свейского государства, Олонец, Сомро, погостами и деревнями, со всем своим житьем и з землею: и в воинское время емлют их на службу и учинят к ним полковников и иных начальных людей. А для оберегания пограничных мест и острожков и домов, оставливают их четвертую долю людей и податей с них на царя не берут ничего, а когда войны не бывает и тогда с них берут подати что и с иных крестьян по указу, по чему положено. А будеть тех солдатов немалое число.

Г. Котошихин, „О России в царствование Алексея Михайловича", стр. 133, § 4, 1906.

№ 33. Внутренний распорядок в Заонежских полках (1649 г.)

А которые Заонежских и Лопских погостов крестьяне в солдатцкую службу прибраны при окольничем и воеводе при князе Федоре Федоровиче Волконском и которых приберут при нем окольничем и воеводе при Василье Александровиче и при Степане Елагине, велеть учить солдатцкому строю по прежнему государеву указу, а в том им окольничему и воеводам Василью Александровичю и Степану службу свою и раденье ко государю показать, чтоб Заонежских и Лопских погостов крестьян солдатцкому строю выучить. А сколько, по их раденью Заонежских и Лопских погостов крестьян солдатцкому строю выучат и о том им окольничему и воеводам отписать ко государю царю и в. кн. Алексею Михайловичю всея Русии и списки солдатом прислать; а кого в солдатцкую службу приберут и тех привести к крестному целованью при себе, а по чему их к крестному целованью привести и тому с крестоприводной записи под сем наказом список.

А о том велети наказ учинить с крепкою заповедью, чтоб начальные люди и солдаты у зарубежских и ни у каких людей вина и табаку не покупали и на товары не меняли отнюдь никоторыми делы и покупая вином и табаком не торговали. А будет которые солдатцкого строю начальные люди учнут в государе-

---

[1] Котошихин Г. К. — подьячий Посольского приказа, написавший сочинение „О России в царствование Алексея Михайловича".

вых делех ослушаться, или учнут тому делать какие налоги, или учнут торговати вином и табаком, и иное какое воровство от них будет, и окольничему и воеводам Василью Александровичю и Степану полковником говорить, чтобы они товарыщев своих ото всякого воровства унимали и в том на себя государевы опалы не навели, а подначальных людей и солдат от воровства велеть унимать с наказаньем, а корчемное питье и табак у них велети выимати.

А будет те солдаты учнут в государеве деле ослушаться, и солдатцкому строю учнут учиться оплошно, или учнут зернью играть и пропиваться и корчму и табак и зернь... или учнут кому делать какие насильства и налоги, или кому учнут бить и грабить, или иным каким воровством воровать и окольничему и воеводам Василью Александровичю и Степану тех солдатов велети от воровства по тому ж унимать и наказанье им чинить смотря по вине и по человеку.

А которые люди учнут Заонежских погостов на солдат, или солдаты меж себя, бить челом государю в каких делех о суде и окольничему и воеводам судить и сыски всякими сыскивать, а по суду своему и по сыску расправа меж ими чинить; а пошлины с судных дел велети имати с рубля по гривне, да пересуду с правого десятка по 7 алт. по 2 д. с суда и записывать в книги.

Из наказа олонецкому воеводе.

Доп. к Актам Историческим, т. III, док. 67.

№ 34. Солдатское учение в Заонежских полках (1650 г.)

...как к тебе ся память придет и ты б его Прошку и иных всех Лопских погостов солдат учил солдатцкие службы против нынешнего государева указу с большею легостью, для пашеного времени, в неделе день или два; а в ученье тем солдатом велел приходить, одиноким людем в третью неделю, а двойником против тогож, а семьянистым людем, в которой семьи солдата по 3 и по 4 и тем семьянистым солдатом велел в ученье приходить понедельно перемениваючись; а налоги б и насильства тем солдатом никакой не чинил; а в ученье велел приходить тем солдатом, которые в солдатцкой росписи написаны, а вновь без государева указу сверх солдатцкой росписи, солдатов и барабанщиков и трубачев и сержантов не выбирал, чтобы тем солдатом налоги и продажи не было.

А к иным к учительным людем, к порутчиком и к прапорщиком и к сержантом, списав и сее памяти послал списки слово в слово, а велел учить солдат также как тебе указано.

Из памяти олонецких воевод Чоглокова и Елагина капитану Гамильтонова полка Горну, о солдатском ученье.

Акты Исторические, т. IV, док. 39.

№ 35. Челобитная солдат Заонежских погостов о льготах по военной службе в виду их бедности (1658 г.)

Царю государю и в. кн. Алексею Михайловичю, бьют челом холопи твои Олонецкого города, Никольского Шунского, Спаского Кижского погоста и Великогубского конца Никольского Шуйского, Спаского Выгозерского погостов и Кузаранской волости сержанты и капралы и все рядовые солдатишка.

В прошлом, государь, во 1650 году, по твоему государеву указу, были мы холопи твои на твоей государеве службе под Псковом с бояриномъ и воеводою со князем Иваном Никитичем Хованским, а со 1654 году служим мы холопи твои тебе великому государю по вся году в литовских и в немецких городех и в походех безпрестанно лето и зиму; и будучи на твоей государеве службе оскудали большей скудостью, а в деревнишках, государь, наших пашнишка не паханы и домишка наши запустели, а иные многие бродят по миру.

...И по твоему государеву указу Иван Дивов на Олонце и во всех Заонежских погостех старых драгунов и солдатов переписал всех и вновь прибирал изо всяких жилецких людей и отцов наших и братью и детишек, старых и увечных и больных и малых робят, которые негодны на твою государеву службу, переписал же, да он же Иван выслал из Заонежских погостов в полк к Олександру Потемкину драгунов больши 900 человек.

А на твоих государевых службах в литовских и в немецких городех Олонецкого и Заонежских погостов и Лопских 1340 человек; да из наших же погостов взято на Олонец в стрельцы 200 человек, а сколько, государь, у нас холопей твоих из наших погостов на твоих государевых службах побито и померло и в полон поимано и дома померло и сколько от бедности и безвестно сошло и тому у нас холопей твоих подано Ивану Дивову росписи за руками. Да у нас же холопей твоих после переписки Ивана Дивова многие померли, а иные, государь, многие солдаты лежат больны при смерти, а многие, государь, солдатишка розбежались безвестно.

Да в прошлом же, государь, во 1657 году выслано нас холопей твоих солдат и драгунов на твою государеву службу во Псков 1000 человек; а иные, государь, солдаты, были на твоей государеве службе под городом под Корелой с окольничим и воеводами с Васильем Александровичем Чеглоковым да Степаном Парфеньевичем Елагиным, а иные, государь, на Олонце живут для оберегания города; и домишка, государь, наши стали пусты и женишка и детишка наши помирают голодною смертью, а наши, государь, погосты Никольской Шуйской, Спаской Кижский, Великогубской конец, Никольской Шунской, Спаской Выгозерской и Кузаранская волость, стоят по немецкому рубежу

и от приходу немецких людей оберегать будет домишков достальных наших некому; а иные Заонежские погосты стоят от немецкого рубежа за озером Онегом и приходу немецким людем летнею порою быть не можно никоими делы.

А которые, государь, Олонецкого погоста солдаты и те живут около Олонца города поблизку, и как мы холопи твои бываем отпущены с твоей государевы службы с дальных городов и к нам холопем твоим приезжают с города Олонца многие высыльщики и высылают нас холопей твоих в город на Олонец и нам холопем твоим городовая олонецкая служба бывает такова ж, что и в дальних городех, потому что наши, государь, Заонежские погосты стоят от города Олонца верст по 200 и по 300 и по 400 и по 500 и больши, а тот, государь, олонецкой окологородной погост в те поре живут в домех своих.

Да в прошлых, государь во 1656 и во 1657 годех, по накладу стольника и воевод Петра Михайловича Пушкина с товарищи, доправлено с нас холопей твоих... твою государеву казну в город на Олонец ржи с выти по 4 четверти, в олонецкую таможенную приимную меру вверх, да за даточных лошадей и за конские кормы с выти по рублю, да кудели льну с выти на фитель по 1½ пуда, да по 2 кирки, да по 2 заступа, да по 2 топора, да по 2 ведра смолы, да по 10 скал береста, да бревен с выти по 3 бревна длиною 4-х сажен; а рожь, государь, купили с правежу в городе на Олонце у посадцких людей четверть по 40 алт. с полугривной, а кудели льню на фитиль купили пуд по 30 алт., а кирку и заступ по 5 алт., смолы ведро по 4 алт. с деньгою, скалву береста всякую по 7 денег, бревен 100 по 6 рублев; да в прошлом же, государь во 1656 году взяты были с нас сирот в город на Олонец даточные люди с 10 вытей по человеку с лошадью и на Олонце были месяца по 4 и больши, а найму дано на месяц человеку всякому по 4 рубли и больши; да с нас же холопей твоих взято было в город на Олонец в плотники для городового дела с 10 вытей по человеку и в городе на Олонце были месяца по 3 и больши, а найму дано всякому человеку на месяц по 2 рубли с четвертью; да в город на Олонец платим со всякой выти по всякой год в съезжую избу на бумагу и на чернила и на свечи салные и на дрова и на лучину и в наем сторожам съезжай избе и тюремным и биричю и палачю и подьячим на жалованье с выти по 14 алт. без деньги; да у себя в погостех найму ямщиков по всякой год для приезду гонцов и посланников, для твоих государевых дел всяких, даем на год с выти рубля по 3 и больши, да олонецким ямщиком даем за ямскую гоньбу подмоги с выти по 2 гривны и больши; и в нынешнем, государь, во 1658 году правят на нас же холопех твоих в город на Олонец ржи с выти по четверти, да кудели на фители льню с выти по пуду, да смолы с 4 вытей по полупуда, да у нас же в погостех нам холопем твоим велено суды шить 6 и 7 набоев, длиной сажен 7 и 8, для твоей государевы службы, и от тех, государь, ново-

накладных правежов мы холопи твои в конец погибли. Да ныне, государь, указано, по твоему государеву указу, выслать на твою государеву службу солдат во Псков 1000 человек, да драгунов 1000 человек, из драгунов 500 человек, а солдатов полторы тысячи, а указано давать твое государево жалованье годовое или помесячное; и ныне, государь, выслано с Олонца во Псков драгунов и солдатов 820 человек, да на Лавую выслано 300 человек, а иные, государь, солдаты в городе на Олонце и по острожкам на караулех по рубежу; а которые, государь, солдаты и драгуны пошли во Псков, им дано твоего государева жалованья на Олонце поидучи по рублю, а которые солдаты пошли на Лавую и тем твоего государева жалованья на подъем дано по 10 алт. человеку; а которые, государь, солдатишка служат тебе великому государю, во городе на Олонце караулят и по рубежу в острожках днем и ночью 2 годы, а твоего государева жалованья денежного и хлебного не дают нисколько, и оттого многие солдаты врозь бегут и многие, государь, солдатишка от высыльщиков розбежались, для того, что гнали их всех головами на твою государеву службу, по Иванову письму Дивова и старых и малых и увечных и больных и раненых.

...А ныне, государь, указано итти нам холопем твоим под Корелу с окольничим и воеводою с Васильем Александровичем Чоглоковым, и нам холопем твоим ныне под Корелу никоторыми делы по нынешнему зимнему пути итти не мочно, потому что от Олонца и до Сердовенского погосту и до Корельского города все пусто, запасишков везть не мочно, для того что конских кормов по дороге нигде нет, а как весна будет и вода скроетца, и мы рады тебе великому государю головами служить.

Милосердый государь царь и в. кн. Алексей Михайлович пожалуй нас холопей своих досталых солдатишек, возри нашу конечную бедность и убожество, вели, государь, нам свою государеву службу служить пополам, семьянистым и одиноким пополам с переменою по городу по Олонцу, чтоб нам холопем твоим твоя государева служба против твоего государева указу исполнить; и вели, государь, нам свой государев милостивой указ учинить в тех наметных городовых податех, что платим в твою государеву казну на Олонце, и не вели, государь, нашим дальним погостом городовые поделки делать, потому что погосты наши от Олонца удалели и городовая поделка нам перед Олонецким погостом ставитца втрое и вчетверо и больши; и вели, государь, нам давать свое государево жалованье месячной корм, как тебе милосердому государю бог известит, чтоб нам холопем твоим, служа тебе великому государю по вся годы без перемены и платя новонаметные подати и делая городовую поделку дорогою ценою, в конец не погибнуть и врознь всем достальным не розбрестись и твоей великого государя службы не отбить; а кому, государь, в погостех от начальных людей и от высыльщиков какая налога или обида была и как будет в по-

гosты твои государев дворянин Сергий Андроникович Малово и в тех налогах и обидах в погостех и сказки дадут.

Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

Челобитная сержантов, капрал и солдат города Олонца, Шуньгского, Кижского и Выгозерского погостов и Кузаранской волости царю Алексею Михайловичу.

Доп. к Актам Историческим, т. IV, док. 146, ч. II.

№ 36. Сыск и наказание бежавших из полков солдат (1661 г.)

Писали есте к нам, что по вашим отпискам из городов воеводы и из уездов сыщики выслали и у записки объявилось солдат 1100 и из того числа июня по 16 июня сбежало солдат 170 человек, да не добрано солдат по росписи 318 человек, да по отпискам с Олонца воеводы князь Терентья Мышецкого и сыщиков выслано к вам в Великий Новгород олонецких и заонежских солдат 1815 человек и из того числа из Великаго Новагорода и изо Пскова и с дороги бежало солдат 450 человек да от Олонца, не дошед Великаго Новагорода, сбежало 96 человек, да сыщиков учинились непослушны, на нашу службу в Великий Новгород не пошли, заонежских солдат 600 человек, а в деревне Юрыгинской солдаты сыщика Федора Мягкого бранили, а стрельцов 3 человека били и за ним, Федором, и за стрельцами с топорами и с ослопьем гонялись; и всего по отпискам олонецких и заонежских беглых солдат и ослушников, которые на нашу службу не пошли 1101 человек, а ныне в естех олонецких и заонежских и новгородских и тверских и старицких и новоторжских солдат в Великом Новгороде и во Пскове июня по 16 число 2286 человек и с нашея службы из Великого Новагорода бегут безпрестанно, а сыщики тех солдат никоими обычаи нигде сыскать не могут, потому что беглые солдаты живут по лесом и бегают в розные места, а сыщики тем солдатом норовят, потому что они одни новгородцы, друзья и хлебояжцы,.. И как к вам ся наша грамота придет, и ты-б для беглых и невысланных олонецких и заонежских солдат послал сборщиков стряпчих и дворян московских добрых, которым по нашему указу велено быть на службе с тобою, а с ними московских стрельцов, по-скольку человек пригоже; а в наказы велел им писать и словесно приказывать: которые солдаты сбежали или ухоронились от высыльщиков или кто их укрывали, и тем велел чинить наказанье, бить кнутом, и высылать их к себе в полки за крепкими поруки, и с приставы, а которые солдаты, взяв наше жалованье,

сбежали и впредь учнут бегать, и из тех, которые, взяв наше жалованье, сбежали, выбрав пущих заводчиков, человека по 2 и по 3 велели повесить, а достальным, учиня наказанье, велели потому-ж высылать к себе в полки, чтоб вперед иным не повадно было воровать и с нашея службы бегать.

...А деревни Юргинской про солдат, что они сыщика Федора Мягкого бранили, а стрельцов 3 человека били, и за Федором и за стрельцами с топорами и с ослопьем гонялись — и про тоб велели сыскать всяких чинов людьми накрепко и, буде в сыску скажут, что те солдаты так делали, Федора бранили, а стрельцов били и за Федором с топорами и с ослопьем гонялись и вы б тем солдатом велели учинить жестокое наказанье, бить кнутом нещадно, чтоб вперед иным не повадно было так воровать.

Писан на Москве лета 1661 июня в 26 день.

Грамота царя Алексея Михайловича князю Борису Репину о сыске беглых солдат и о наказании „ослушных“.

Д. Я. Самокvасов „Акты Московского Государства“, т. III, док. 588, ч. 1.

№ 37. Меры борьбы с солдатскими побегами (1661 г.)

Били челом нам Олонецкого уезду Заонежских погостов 4 станов драгуны и солдаты: в прошлом де во 1660 и в нынешнем во 1661 г. по нашему указу, высланы они на нашу службу в полки к боярину и воеводам ко князю Ивану Ондреевичу Хованскому с товарищи, и будучи де на нашей службе многие из них, драгуны и солдаты, в нынешнем во 1661 г. под Полоцком побиты и в полон пойманы, а иные с голоду померли и из полков с бою и после бою, от хлебныя скудости, разошлись, а иные не дошед в полки, слыша хлебную скудость и устрашась голодной смерти, с дороги разбрелись врознь для того, что им нашего жалованья, кормовых денег давано на месяц по 60 ал., и тем им прокормиться нечем; и ныне де из полку боярина нашего и воевод Ивана Ондреевича Хованского с товарищи присланы на Олонец неты обо всех об них, которые ныне в Полоцке и которые на бою побиты и в полон взяты и с голоду померли и которые, не доходя полков, для хлебныя скудности разбрелись; и с Олонца де воевода князь Терентий Мышецкий посылает в Заонежские погосты и, вместо тех побитых и в полон пойманых и которые с голоду померли и отцов их и матерей и жен бьют на смертном правежу, а которых драгунов и солдат по тем нетам сыщут и тех бьют на Олонце кнутом на смерть и многие де их братья, драгуны и солдаты, слыша такое жестокое наказанье, разбрелись в розные места; а буде наше жалованье к ним будет,

кормовыя деньги, чем им, будучи на нашей службе, прокормиться будет мочно, давать учнут и они нам служить рады; и нам бы пожаловать их, достальных драгунов и солдат, не велеть отцов их и матерей и жен и детей за нетчиков и вместо убитых и которые в полон поиманы на смертном правежу быть (и велети б наше жалованье, кормовыя деньги, будучи на нашей службе давать, чем бы им прокормиться. . .

И как к вам ся наша грамота придет и вы б олонецким и заонежским солдатом и драгуном велели нашего поденного корму, для нынешния хлебныя дорогови, давать перед прежним с прибавкою, как высланы будут на нашу службу и придут в Великий Новгород, или где указано будет в иные города сбираться, по 3 алт. на день; а нетчиков, которые от нужи и от голоду с службы сбежали или которые, послыша после бою боярский отход, на службу не пошли, велели ныне выслать на нашу службу тотчас, безсрочно, а вину их велели им отдать и выслать без наказанья; и наше жалованье и милость в погостех и в деревнях велели сказывать, что им корм велено давать перед прежним с прибавкою и они б видя к себе милость и жалованье, нам служили и с службы не бегали, а будет учнут впредь с службы бегать и тем беглецом и которые ныне на нашу службу не пойдут и учнут избегать, быть в смертной казни без пощады; а которые по сыску на нашей службе побиты и в полон поиманы и померли и их отцов и детей с правежу велели спустить.

Писан на Москве лета 1661 декабря в 13 день.

Грамота царя Алексея Михайловича Борису Репину о прибавке корму заонежским солдатам и о прощении прежних „нетов".

Д. Я. Самоквасов „Акты Московского Государства", т. III, док. 553.

№ 38. Бегство солдат из полков (1662 г.)

Писал еси к нам, что в прошлом во 1661 г. августа в 10 день писали к тебе с Олонца воевода князь Терентий Мышецкий да дьяк Дружина Протопопов, что августа в 1 д. писали к ним на Олонец Олонецкого уезду из Андомского погосту солдатские высыльщики Гаврило Поскочин да новокрещен Андрей Тохташев: Андомского погоста солдаты их не послушали, учинились сильны, а сказали, покамест не пойдут изо всех погостов солдаты и они по та мест из домов своих не пойдут и сыщики велели тех солдат, которые отказали, стрельцом взять и солдаты стрельцов перебили и к Гаврилу и к Ондрею солдаты ко двору с кольем приходили и их бранили.

Да ты ж, боярин наш и воевода князь Борис Александрович писал к нам, что пешаго строю полковник беглым солдатом подал тебе роспись, которые солдаты взяв наше жалованье, подможныя и кормовыя деньги и хлебные запасы, с нашей службы со псковской дороги и изо Пскова бежали, а живут от Олонца верстах в 10 и в 20; и нам о том велети-б наш указ учинить.

И как к тебе ся наша грамота придет и ты-б и по прежним и по сей нашей грамотам для разбору беглых и не высланных олонецких и заонежских солдат, посылал сборщиков стряпчих и дворян московских и жильцов добрых и сотников стрелецких, которые по нашему указу велено быть на нашей службе с тобою и московских стрельцов, по скольку человек пригоже; и которые солдаты, взяв наше жалованье, с нашея службы сбежали, велел из них выбирая пущих заводчиков, с стану по человеку повесить, а иным чинить жестокое наказанье и высылать солдат, которым быть на нашей службе всех против прежних наших указов, не отписываясь о том к нам.

А на Олонец к воеводам, ко князю Терентию Мышецкому и к дьяку Дружине, наша грамота о том послана-ж, буде кого они учнут укрывать и в нашей службе кому льготить, и им от нас быть в опале и в разореньи без пощады.

Писан на Москве лета 1662 октября в . . . . день.

1662 г. октября в 27 д. отписать на Олонец к воеводе ко князю Терентью Мышецкому, велеть ему олонецких и заонежских солдат, выбрав пущих заводчиков, со стану по человеку вершить, повесить, и иным чинить наказанье, бить кнутом на козле нещадно и высылать их на государеву службу в полк не мешкав.

Грамота царя Алексея Михайловича о сборе оседлых солдат и о наказании бежавших из полков и оказавших сопротивление сборщикам.

Д. Я. Самоквасов, „Акты Московского Государства", т. III, стр. 496—497.

7. МЕСТНАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ

№ 39. Жалоба непашенных лопарей на притеснения кольского воеводы (1620 г.)

Били нам челом непашенные лопари дикие Лопи с немецкого рубежа, крещеные и некрещеные, Пяозерской волости Иванко Васильев да Иванко Онисимов во всех лопян место, крещеных и некрещеных, а сказали: в прошлом-де во 1617 году посылали-де они от всей Лопской земли лопаря бить нам челом, чтобы

нам их пожаловать, дани с них имать в Кольский острог и ис Кольского острогу даньщиком к ним для дани въежжати не велети, потому что от тех даньщиков им чинются протори и убытки великие; и мы их пожаловали, данщиком въежжати ис Кольского острогу не велели, а велели им тую дань самим збирати по нашему указу и по книгам, а збирая тую лопскую дань, велели привозить к Москве на срок на евдокеин день ежегод по 50 рублев; и наша грамота им дана, что даньщиков ис Кольского острогу посылати к ним не велено; и они-де со 1617-го и по 1619 год, по нашему указу, дань збирали по книгам всю сполна и посылали к нам к Москве, с толмачем с Рудаком Ондреевым на срок на евдокеин день; и в прошлом же де в 1629-м году на рожество христово приехал к ним в Лешую Лопь ис Кольского острога кольский посадцкой человек Куземка Паголихин со стрельцами, и что-де нашел казны собрано было по книгам и отдано толмачю, и тот-де Куземка тую казну и книги у толмача их отнял, а что было не добрано, и то-де на них доправил; и оне-де нашу грамоту казали, и он Куземка, смотря на нашу грамоту, да и к дверемь бросил и нашей грамоты не послушал, и животишки их все пограбил, и прогонов и в корм себе на десять верст по 2 алтына по 3 деньги доправил на человека; и которые их рыбные запасы на зиму запасены были, и то-де все поймали; и от того-де их насильства и грабежу некрещеные лопари бредут в немецкую землю [1] и крещеные от насильства разбрелися, и достальные бредут врозь; и нам бы их пожаловати, велети про тот Куземскин грабеж и насильство сыскати, и велеть бы им данные деньги збирати и посылати к нам к Москве с толмачем с Рудаком Ондреевым по-прежнему, на срок на евдокеин день, а ис Кольского острогу зборщиков к ним не посылати.

И в прошлом во 1617-м году, по челобитию Лешие Лопи крещеных и некрещеных лопарей *(перечисляются фамилии челобитчиков)* пожаловали мы их, велели на них имать за данные деньги и за мягкую рухлядь по 50 рублев на год, а збирати им те деньги самим и присылати к нам к Москве на срок на евдокеин день, а ис Кольского острогу в Лешую Лопь даньщиком въежжати не велено; и наша грамота в Кольской острог к воеводе Кондратию Змиеву да к Луке Власьеву о том послана; а по тои нашеи грамоте ис Кольского острога к тем лопарем в Лешую Лопь даньщиков посылати ни по что не велено.

...И как к вам ся наша грамота придет, и вы бы по прежнеи и по сеи нашеи грамоте впредь в Лешую Лопь даньщиков для данного збору не посылали никово, ни убытков им и грабежов и насильств чинити не велели, чтобы те лопари от насильства и ото продаж не разбрелися; а платить им велели данные деньги на Москве на срок на евдокеин день попрежнему.

---

[1] В Швецию.

А на целовальника на Куземку Пагалихина в его насильствены и в грабежи дали суд и сыскали накрепко вправду бес понаровки; да про то бы еси сыскали однолишно накрепко: тому целовальнику Куземки лопяне нашу грамоту казали, и Куземка, смотрив нашей грамоте бросил ли; по суду бы естя и по сыску учинили ему за воровство наказанье, чтобы, на то смотря, иным неповадно так воровати; а впредь бы есте в Лешую Лопь данных зборщиков мимо наш указ однолишно не посылали, чтобы от того лопянам напрасных продаж и налогов не было; да сами бы естя им никаких продаж и насильств не чинили, чтобы оне впредь нам о том не били челом.

А будет вы впредь лопянам учнете какие продажи и насильства чинить, или к ним посылати мимо наш указ, а лопяне будет в вашем насильстве учнут нам бить челом, и мы те их убытки, о чем учнут бить челом, велим доправить на вас вдвое; да вам же от нас быти в великой опале...

Писан на Москве лета 1620-го году октября в 26 день.

Грамота „с прочетом" царя Михаила Федоровича в Кольской острог воеводе Пимену Юшкову о запрещении посылать даньщиков в Дикую лопь и чинить насилия над тамошними лопарями.

Сборник Материалов по Истории Кольского полуострова в XVI—XVII вв., док. 22.

№ 40. Обязанности воеводы (1649 г.)

Лета 1649 декабря в 31 день, государь царь и в. кн. Алексей Михайлович всея Русии велел окольничему и воеводе Василью Александровичю Чоглокову быть на своей государеве службе в Новгородцком уезде на Олонце и во всех Заонежских станех и в погостех, окольничего и воеводы на князь Федорово место Федоровича Волконского, да с ним быти воеводе Степану Парфеньеву сыну Елагину, а окольничему и воеводе князю Федору Федоровичю Волконскому указал государь быти к Москве; а денежную казну и дела все велено у него принять и в том во всем с ним росписаться и отпустить его к Москве Степану Елагину до его окольничего и воеводы Васильева приезду Александровича: и окольничему и воеводе Василию Александровичю Чеглокову ехати в Новгородцкой уезд на Олонец, а приехав взяти у Степана Елагина росписной список, а чем он росписался с окольничим и воеводою со князем Федором Федоровичем Волконским, да по тому росписному списку досмотреть ему в съезжей избе государевых грамот и всяких дел и денежные казны и на Олонце на городе наряду и иного всякого ружья и в казне зелья и свинцу.

О приемке Заонежских полков

Да окольничему ж и воеводе Василью Александровичю взяти у Степана ж Елагина список полковником и их полков урядником, которые учат Заонежских и Лопских погостов крестьян солдатцкой службе и стрельцом и пушкарем и всяким служилым и посадцким людем и Заонежских и Лопских погостов крестьяном, которые устроены в солдатцкую службу по полком и по ротам, порознь; а досмотря государевых грамот и всяких дел и казны и всего по росписному списку и взяв служилым и посадцким людем и Заонежских погостов крестьяном роспись, о том отписать и росписной список и роспись прислать ко государю царю и в. кн. Алексею Михайловичю всея Русии к Москве, а отписку и росписной список и роспись велеть отдать в Новгородцкой Четверти диаком, думному Михайлу Волошенинову, да Алмазу Иванову, да Ондрею Немирову.

О суде и расправе

И быти им окольничему и воеводам Василью Александровичю и Степану Елагину на Олонце, и во всех Заонежских станех и в погостех и государевых царевых и в. кн. Алексея Михайловича всея Русии делом промышлять и радеть, по прежнему государеву указу и смотря по тамошнему делу, а розни меж себя ни в чем ни чинить, чтобы в их розни государеву делу порухи не было и государевых Заонежских и Лопских погостов крестьян и бобылей и всяких жилетцких людей судить и меж им росправу чинить в правду по государеву цареву и в. кн. Алексея Михайловича всея Русии крестному целованью и от обид и продаж оберегать, также и им окольничему и воеводам никакие налоги и утесненья и продаж никому ни в чем не чинить и посулов и поминков с них ничего не имать...

А которые крестьяне учнут розбивать или иным каким воровством воровать и учнут на которых говорить языки и про то их воровство сыскивати допряма, а по сыску тем вором велеть чинить наказанье и про воровство их писати ко государю подлинно. А будет в Заонежских погостех, в селех и в деревнях учинится какое душегубство и про убийцов потому ж сыскивати и чинить указ до чего доведется, а пенные и поголовные и всякие неокладные деньги и тем деньгам книги ежелет[1] присылати к Москве, в Новгородцкую Четь.

О проверке подорожных у приезжих

А котором приезжим людем лучится в селех и в деревнех пристати и те б люди являлись им окольничему и воеводам, а в дальних станех и в погостех являлись бы старостам и цело-

---

[1] Ежелет — ежегодно.

вальником, а не явясь нигде б не приставали, и прохожих людей в станех и в погостех и в деревнях безпоручно б и безъявочно никто б никого не держал, того однолично велеть беречь накрепко, чтобы от того воровства не было.

О борьбе с корчемством

Да и того велеть беречь накрепко, чтобы крестьяне у себя неявленного питья, вин и пив и медов не держали и татем бы и разбойником и никаким лихим людем к ним приезду не было; а которые крестьяне в Заонежских погостех, в селех и в деревнях учнут питье держать на продажу и вино курить без явки, хотя и про себя, и у тех людей то питье и суды винные велеть выимать, а на них имать заповеди впервые по 2 рубля по 4 алт. по полутора деньге, а на питухех по полуполтине на человека, а у кого вымут в другие, и на тех людех велеть имати заповеди вдвое, а у кого вымут продажное питье в третьие и на тех людех и на питухех имать заповеди втрое и велеть тех людей, у кого питье вымут в третьие, бить кнутом и сажать в тюрьму до государева указу, чтоб на то смотря вперед никакие люди корчемного питья не держали и вина б про себя не курили никто; да те заповедные деньги, сбирая записывати в книги, а выимочные суды и питье велеть продавать и деньги имать в государеву казну.

О сборе таможенных и кабацких денег и выборе целовальников

Да в Заонежских же погостех тамги и кабаки в откупу, а откупных денег по окладу с Олонетцкие тамги и с кабака 1050 рублев... и с тех со всех тамог и с кабаков таможенных и кабацкие деньги велеть имать по окладу сполна. А из тех таможенных и из кабацких денег давать иноземцом, которые учат Заонежских и Лопских погостов крестьян солдатцкой службе, корм по указу.

А сколько на которой год таможенных и кабацких денег будет во взятье и сколько тех денег выдет в росход и им окольничему и воеводам велеть то писать в книги подлинно, и о том писати и росписи присылати к государю царю и в. кн. Алексею Михайловичу всея Русии к Москве и велеть отдавать в Новгородцкой Четверти диаком, думному Михайлу Волошенинову, да Алмазу Иванову, да Ондрею Немирову.

А которые будет тамги и кабаки откупщики после откупных годов откажут и вперед в откупу держать не похотят, и те тамги и кабаки отдавать в откуп иным откупщиком из наддачи, а будет из наддачи не возмут и к таможенному и к кабацкому сбору и на Повенетцкой рядок велеть Заонежских погостов старостам и целовальником и лутчим крестьяном выбирать в головы и в целовальники самых лутчих крестьян, по скольку человек где надобно, смотря по сбору и примерясь к прежнему, и выборы на тех голов и на целовальников имать у них за

руками и велеть тех выборных людей приводить к крестному целованью по записи, при себе на том, что им, будучи у государева таможенного и кабацкого сбору, быть безотступно и государеву таможенную пошлину и кабацкую прибыль сбирать с великим раденьем безо всякие хитрости и государевых таможенных и кабацких денег и запасов и питья не красть и ничем не корыстоваться и даром, безденежно, кабацкого питья самим не пить и племяни своего и друзей не поить, и товары своими безпошлинно не торговать и ни в чем государеве таможенной пошлине и кабацкой прибыли истери не чинить, и тем головам и целовальником приказывать с великим подкреплением, чтоб они государеву таможенную пошлину и кабатцкую прибыль сбирали с великим раденьем, неоплошно, и были всегда у того сбору безотступно и не бражничали б и про сбор их проведывать.

А будет кто учнет воровать, чем государевым корыстоваться и тем вором чинить наказанье, смотря по вине, и велеть на их место в головы и в целовальники выбирать иных добрых людей, которые б государевым ничем не корыстовались и о сборе радели б, и тех голов и целовальников в их сборех велеть считати по чети года; а то старостам и целовальником и всем выборным людем выговаривать именно: будет они к таможенному и к кабацкому сбору в головы или в целовальники выберут молодчих и худых людей, а от них учинится недобор, и тот весь недобор доправит на них...

Из наказа олонецкому воеводе Василью Чеглокову об отправлении им воеводской должности.

Доп. к Актам Историческим, т. III, док. 67.

№ 41. Выборы старост и целовальников в волостях и погостах (1686 г.)

Лета 1686 июля в 15 день по указу великих государей царей и в. кн. Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и по приказу стольника и воеводы Никиты Даниловича Глебова, память нынешняго 1686 г. старостам...

В прошлых годех посыланы были с Олонца во все Заонежские погосты и волости начальные люди и сотники стрелецкие и подъячие со стрельцами для выбору и высылки на Олонец старост к настоящему году с выборы, прошлых годов старост же к отчету с книгами. А ведомо учинилось на Олонце в приказной избе стольнику и воеводе Никите Даниловичу Глебову, что посыльщики, в прошлых годех, приехав в погосты и волости в пашенное время, и для сбору крестьян бьют старост на правеже и от того емлют себе посулы и поминки большие и как крестьяне сберутся и они посыльщики, тех крестьян заберут и держат

в сборе многое время и по воле им старост выбирать не дают, а велят им выбирать и выборы писать принуждают на тех, которые им посыльщиком, от того дают посулы и поминки, чтоб их в старосты велели выбирать и ставят тех накупных старост, стакався с богатыми людьми и с горланы, по родству и по дружбе, и по совету таких же горланов и бражников, без ведома середних и молодчих людей и в выборе пишут многих людей за очи и подставою и от того те богатые люди и горланы емлют себе с тех старост, почесть питьем и деньгами и отписи в тягле на перед года безденежно, а после те все расходы они, старосты с советники своими, раскладают и сбирают с молодчих и с бедных людей и от того им крестьяном в подводах и харчах в погостех и волостех чинятся убытки и сборы большие, а как те старосты, за их мирским сбором, над казною великих государей какую хитрость учинят и сворують или пропьют и то в казну великих государей правят за отписьми на тех же молодчих людей...

И как к вам ся память придет и вам бы в погостех и в выставках, коемуждо в своих старощеньях, собрать лучших и середних и молодчих всех мирских людей и велеть им при себе выбрать старост ко 1687 г. людей добрых, душею прямых и животами пожиточных, не воров и не бражников и ябедников и не горлопанов и не миропродавцов, и которые в прошлых годех в старостех не бывали, и которые бы в сборе всяких великих государей денежных доходех и в хлебных запасех и в государских делах мочно было верить и которые на предь сего в причинах ни в каких не бывали и которые всем мирским людем любы: ...и велеть на них написать выборы и к тем выборам им выборным грамотным людем велеть руки свои приложить, а которые грамоте не умеют и в их место велеть руки приложить отцем их духовным, или кому они верят.

А выбрав тех старост, прислать на Олонец с выборы и для наказов о сборе государевых денежных доходов, всех на лице, тотчас и кончее к 1 августа нынешнего 1686 году и о высылке их для ведома писать; а отписку и выборы велеть подать и самим явиться в приказной избе стольнику и воеводе Никите Даниловичу Глебову.

А вам, старостам, вновь ко 1687 году в старосты отнюдь не ставится и выборов не имать, потому что в приходе и расходе не щитаны и доимка на иных на вас в казну великих государей есть, и знатно, что вы ныне той доимки с крестьян не сбираете и не правите и наровите им, хотя и впредь быть во 1687 году в старостах. И вам бы, собрав доимочные государские доходы, что доведется по наказам сполна без доимки и с теми доходы и с книгами и с розводными памятьми к отчету ехать на Олонец и кончее сентября к 1 числу 1686 году безо всякого задержанья, чтобы впредь для того великих государей доходом доимки мотчать, а крестьяном лишных убытков не было.

...А будет вы по сей памяти тех старост с выборы на Олонец не пришлете и сами с достальными с государскими доходы и с книги и с розводными памятьми к отчету на те сроки не будете, или учнете против сей памяти, что против чинить или от того чем корыстоваться, и мирским людем какие обиды и убытки или неправду чинить и прихоти свои исполнять, и по указу великих государей посланы по вас и по новых старост будут по прежнему начальные люди и сотники и стрелецкие и подъякие со многими стрельцами из езду вскоре и велят вас и новых старост взять на Олонец скованных и на Олонце за ваше ослушание, а новым старостам за мотчанье учинено будет жестокое наказанье без пощады и доимочные государские доходы доправлены будут на вас мимо крестьян сполна без доимки и вскоре безо всякого мотчанья.

Да и мирским людем всем сказать с большим подкреплением будет они мирские люди выберут в старосты воров и бражников и ябедников и горланов и миропродавцев и не добрых людей, а не по сей памяти, или вскоре их выбирать и выборов давать не учнут и затем сбору государским доходом на 1687 год учинится мотчанье, также как и на перед сего за их мотчаньем государские многие доходы в доимке им крестьяном за то быть в жестоком наказанье, да на них же доправлены будут по указу великих государей пени большие, а для правежу государских доходов на настоящий год по окладу и на прошлые годы недоимки, посланы будут праветчики со многими стрельцами сентября с 1 числа 1686 году без всякого мотчанья и ту убытки и лишние харчи им, крестьяном будет от себя...

Память воеводы Глебова о выборе старост в волости и погосты.

Олон. Губ. Вед., 1849 г., № 45.

8. КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЛНЕНИЯ

№ 42. Сыск беглых крестьян и бобылей (1649 г.)

...Да в прошлых годех Заонежских погостов государевы крестьяне от податей и от хлебного недороду и зяб сошли из Заонежских погостов многие, и живут в розных городех в государевых в дворцовых селех и в черных волостях, и за помещики и вотчинники и за митрополитом и за монастыри, а участки тех сошлых крестьян запустели и государевы доходы с участков их в доимке. И по государеву указу, Заонежских погостов сошлые крестьяне сыскиваны и в Заонежские погосты свожены.

А в нынешнем во 1649 году декабря в 28 день, писали ко

государю царю и в. кн. Алексею Михайловичю всеа Руси из Заонежья, окольничей и воеводы князь Федор Федорович Волконской да Степан Елагин: били де челом государю, а им окольничему и воеводам подавали челобитные Заонежских погостов крестьяне: в прошлых де годех от хлебного недороду из Заонежских погостов крестьяне, покиня участки, сошли в Новгород и в Новгородцкой уезд и в иные городы и в уезды и живут за дворяны и за детьми боярскими и за монастыри и за всякими людьми; и государь бы их пожаловал, велел тех сошлых крестьян сыскав свезти в Заонежские погосты на прежние их участки.

И государь царь и в. кн. Алексей Михайлович всеа Русии указал: Заонежских погостов сошлых крестьян и бобылей, которые вышед из Заонежских погостов, живут в Новгороде и в Новгородцком уезде и в иных городех и в уездах, а в Заонежских погостех в писцовых книгах написаны и которые в писцовых книгах не написаны, а написаны отцы их, сыскав вывести в Заонежские погосты на прежние их участки с женами и с детьми и со всеми их крестьянскими животы, без урочных лет.

И окольничему и воеводам Василью Александровичю и Степану взяти в Заонежских погостех у старост и у всех волостных людей сошлым крестьяном и бобылем, которые в писцовых книгах в Заонежских погостех написаны за государем и которые не написаны, а написаны отцы их, имяна за руками, по погостом, порознь, кто имянем и из которого погоста и из деревни и в котором году сшол и где живет, и сколько кто живучи в Заонежских погостех платил государевых доходов; да на тех же сошлых крестьян и на бобылей взяти знатцов добрых, сколько человек надобе, и выборы на тех знатцов у мирских людей взяти за руками, да по той посписи Заонежских погостов сошлых крестьян и бобылей, которые живут около Заонежских погостов за всякими людьми, велеть сыскивати, а для сыску тех сошлых крестьян и бобылей посылать кого пригоже, да с ними знатцов. А как сыщут и их велеть распрашивати: старинные ли они Заонежских погостов жильцы и в писцовых книгах в Заонежских погостех за государем они или отцы их написаны ль и в котором погосте и в деревне и на тяглом ли участке или в бобылех написаны и сколь давно из Заонежских погостов сошли? да будет которые крестьяне и бобыли, или отцы их, старинные жильцы Заонежских погостов и в писцовых книгах за государем в Заонежских погостех написаны и окольничему и воеводам велеть тех крестьян и бобылей с женами и с детьми и со всеми их животы, из за всяких чинов людей выводить в Заонежские погосты, без урочных лет и велеть сажать на прежние их участки, где кто наперед того жил, или на порозжие участки, а подводы под них велеть имати на тех, за кем они жили; и велеть по тех крестьянех и бобылях Заонежских погостех старостам и целовальником имать поручные записи в том, что им жити за государем в Заонежских погостех и государевы царевы

и в. кн. Алексея Михайловича всеа Русии всякие доходы платить с мирскими людьми по прежнему.

А за кем Заонежских погостов сошлые крестьяне и бобыли жили и окольничему и воеводам на тех людех велети имать за них доходы против того, по чему они платили государевых доходов в Заонежских погостех сыскивая допряма, кто сколько лет за кем жил, чтоб неповадно было вперед государевых крестьян принимать и за собою держать. А кто тем крестьяном давал ссуду и той ссуды на крестьянех имати давать не велеть, а имать их в Заонежские погосты со всем.

... А которые Заонежских же погостов крестьяне и бобыли, вышед из Заонежских погостов, живут в Великом Новегороде и в Новгородских пригородех, и в Новгородцком уезде и в иных городех и в уездех за всякими людьми, а в Заонежских погостех в писцовых книгах они или отцы их написаны за государем: и окольничему и воеводам о тех сошлых крестьянех и бобылех писати от себя в городы к воеводам и к приказным людем, и имена их выписав из писцовых книг и знатцов на них посылать, чтоб тех Заонежских погостов сошлых крестьян и бобылей велели сыскивать безо всякие понооровки, и высылыли в Заонежские погосты с женами и с детьми и со всем их животом и доходы б на тех людех, за кем они жили, имали и о всем делали по государеву указу, как о том государев указ написан в сем наказе выше сего.

Из наказа олонецкому воеводе о вывозе в Заонежские погосты беглых сошлых крестьян и бобылей.

Доп. к Актам Историческим, т. III, док. 67.

№ 43. Захват земель Муромского монастыря крестьянами (1650 г.)

Бил нам челом Новгородского уезда, с Онега озера и с пустыни успения пресвятыя богородицы да рождества Ивана предтечи и преподобного Афанасия, чудотворца Муромского, строитель старец Иларион Запольский с братией: в прошлом де во 1612 году приходили к ним в Заонежские погосты немецкие и литовские людские воры, и монастырь их разорили и жалованные и межевыя грамоты и всякия крепостныя монастырския дела поимали и Никольского, Андомского и Пудожского погостов крестьяне их монастырскою землею и водами завладели насильством, потому что у них у строителя с братиею межевыя грамоты нет. И нам бы их пожаловать, велеть бы им дать на землю и на угодье нашу межевую грамоту с прежних данных, каковы данныя им дали на землю на Муромский нос благоверные новгородские старые князи и посадники.

. . . И как к вам ся наша грамота придет, и вы б в тот Муромский монастырь, и Никольской, в Андомской и в Пудожский погосты послали кого пригоже и кому мочно верить, чтоб учинил правду; а велеть к тому Муромскому монастырю землю и угодье Никольского, Андомского и Пудожского погостов от нашей земли отвести по старым крепостем, каковыя крепости есть в Муромском монастыре у старцев и каковыя крепости Никольского, Андомского и Пудожского погостов у крестьян и владеть велеть землею и годьи, кому что дано и как у кого в крепостях написано и владели изстари, а в чужое никому и ни во что не велеть вступаться и насильством владеть не велеть же, чтоб нам впредь никто ни на кого не бил челом. . .

Писана в Москве лета 1650 г. 8 января в 4 день.

Грамота царя Алексея Михайловича воеводе Василью Елагину об отводе Муромскому монастырю земель, захваченных крестьянами Никольского, Андомского и Пудожского погостов.

Олон. сборник, т. II, стр. 114—115.

№ 44. Бегство крестьян Заонежских и Лопских погостов (1651 г.)

Роспись Заонежских погостов государевым сошлым крестьяном и бобылем, которые живут в розных городех на посадех и в стрельцах и в казаках и в государевых дворцовых селех и в черных волостех и в митрополичьих и в монастырских вотчинах, бояр и дворян и детей боярских в вотчинах и в поместьях и сколько в котором городе и в уездех тех сошлых крестьян и бобылей, и в котором году кто сшол, и сколько за них довелось взять пожилых денег, и тому всему посланы с целовальники в городы имянные росписи, которые списаны с подлинных и с заручных росписей и с писцовыми книгами справлены и имяна их сошлых крестьян и отцов их и братьи в писцовых книгах князя Ивана Долгорукого и Микиты Панина с товарыщи 1628 и 1629 году написаны; а каковы росписи в городы с целовальники посланы и сколько в котором городе государевых сошлых крестьян и бобылей на посадех и в стрельцах и в казаках и в дворцовых селех и в черных волостех и в митрополичьих и в монастырских вотчинах бояр и дворян и детей боярских и вотчинах и в поместьях и с тех росписей, которые в городы даны целовальником, выписано по городам на перечень.

В Великом Новегороде и в Новгородцком уезде 267 семей; пожилых денег за них довелось взять, почему оне, живучи в Заонежских погостех, государевых денежных доходов платили по годом 4306 рублев 32 алт.

В Старой Русе и в Старорусском уезде 50 семей; пожилых

денег за них довелось взять, почему оне, живучи в Заонежских погостех государевых денежных доходов платили по годом 526 рублев 16 алт. 5 денег.

В Городецком уезде и в Бежецком Верху 24 семьи; пожилых денег за них довелось взять, почему оне, живучи в Заонежских погостех государевых денежных доходов платили по годом 530 рублев.

В Осташкове 2 семьи; пожилых денег за них довелось взять, почему оне в Заонежских погостех государевых денежных доходов платили по годом 23 рубли 3 алт. 2 ден.

Во Пскове и во Гдове 5 семей; пожилых денег за них довелось взять, почему оне в Заонежских погостех государевых денежных доходов платили по годом 70 рублев.

В Ладоге и в Ладожском уезде 22 семьи; пожилых денег за них довелось взять, почему оне в Заонежских погостех государевых денежных доходов платили по годом 203 рубли 14 алт. 2 ден.

На Устюжни Железном за девичьим монастырем, что на Тифине, 2 семьи; пожилых денег за них довелось взять, почему оне в Заонежских погостех государевых денежных доходов платили по годом 25 рублев.

В Белозерском уезде 23 семьи; пожилых денег за них довелось взять, почему оне в Заонежских погостех государевых денежных доходов платили по годом 631 рубль 7 алт.

В Вологоцком уезде 14 семей; пожилых денег за них довелось взять, почему оне в Заонежских погостех государевых денежных доходов платили по годом 208 рублев 13 алт.

В Каргополе и в Каргопольском уезде 28 семей; пожилых денег за них довелось взять, почему оне в Заонежских погостех государевых денежных доходов платили по годом 422 рубля.

В Сумском и в Кольском острогах и в усольях 13 семей; пожилых денег за них довелось взять, почему оне в Заонежских погостех государевых денежных доходов платили по годом 181 рубль 13 алт. 4 деньги.

В Углецком уезде 1 крестьянин; пожилых денег за него довелось взять, почему он в Заонежских погостех государевых денежных доходов платил по годом 13 рублев 6 алт. 4 деньги.

В Олонецком уезде в Заонежских в розных погостех 26 семей; пожилых денег за них довелось взять почему оне в Заонежских погостех государевых денежных доходов платили по годом 284 рубли 29 алт. 5 ден.

И всего Заонежских погостов государевых сошлых крестьян в розных городех, которые в писцовых книгах написаны 477 семей; пожилых денег за них довелось взять почему оне в Заонежских погостех государевых денежных доходов платили по годом 7426 рублев 3 алт. 2 деньги.

Да государевых же заонежских сошлых крестьян розных погостов живут в Великом Новегороде и во Пскове и в Городец-

ком уезде и в Бежецком Верху и на Белоозере и на Вологде и в Сумском остроге и тех городов в уездах, а в писцовых книгах князя Ивана Долгорукого, да Никиты Панина с товарыщи прописаны, опричь безвестных крестьян, которые сошли безвестно, 103 семьи; пожилых денег за них довелось взять, почему оне, живучи в Заонежских погостех, платили государевых денежных доходов по годом 1254 рубли 3 алт. 5 ден.

И обоего государевых Заонежских погостов сошлых крестьян и бобылей, которые сошли в прошлых годех и живут в розных городех и в уездех, и с теми, которые в писцовых книгах не написаны, 580 семей; пожилых денег за них довелось взять, почему оне, живучи в Заонежских погостех, платили государевых денежных доходов по годом, 8680 рублев 6 алт. с деньгою.

Да с Лопских погостов сошли государевы крестьяне, живут в розных городех и в уездех: в Великом Новегороде и в Новгородском уезде 20 семей, в Старой Русе и в Староруском уезде 71 семья, в Городецком уезде 4 семьи, и Ладожском уезде 3 семьи, в Сумском остроге 3 семьи, в Олонецком уезде в Заонежских розных погостех в монастырских вотчинах 9 семей, и всего в розных городех и в уездех Лопских погостов сошлых крестьян 110 семей; а в котором году оне сошли и сколько государевых денежных доходов в государеву казну платили и в писцовых книгах написаны ль и того в сказке Лопских погостов старост и крестьян подлинно не описано, а в городе на Олонце Лопских писцовых книг нет и справитца не по чему.

Роспись населенных мест, где сысканы Заонежские и Лопские беглые сошлые крестьяне.

Доп. к Актам Историческим, т. III, док. 82, ч. II.

№ 45. Сыск и своз беглых крестьян Заонежских и Лопских погостов (1654 г.)

В прошлом, государь, во 1652 и во 1653 годех, в розных месяцех и числех из Великого Новагорода, и из Старой Русы свощик Иван Кобыльской писал ко мне холопу твоему о сошлых крестьянех, и прислал с целовальники и с пушкари, под отписками своими, по тех сошлых крестьянех с поручных записей списки, что им стать передо мною холопом твоим в городе на Олонце и тем сошлым крестьяном именные росписи. А в росписях, государь, Ивана Кобыльского написано: в розных присылках отпущены из Новагорода, и из Старой Русы и изо Пскова с целовальники и с пушкари 314 человек.

А на Олонец ко мне холопу твоему, по его Ивановым присылкам и по росписем, целовальники и пушкари в съежей избе к допросу поставили только 263 человека, а не поставили, госу-

дарь, в город на Олонец те целовальники и пушкари тех твоих государевых сошлых крестьян, против его Ивановых росписей 51 чел., а сказали мне холопу твоему те целовальники и пушкари про тех сошлых крестьян и бобылей; что де те крестьяне написаны в присылках в Ивановых росписех с ними а иным де тем сошлым крестьяном, для хлебного обряду и для жон и детей, даны были сроки, для того, что де у них хлеб был не обряжен, а имяна их написаны были с ними ж в роспись; да многие де, государь, сошлые крестьяне из городов с ними не поехали, а иных де твоих государевых сошлых крестьян отымали помещики и вотчинники. Да и про тех твоих государевых сошлых крестьян, которых целовальники и пушкари привезли на Олонец одних, без жен и без детей и без животов, сказали передо мною холопом твоим: что жены их и дети и все их крестьянские животы, лошади и коровы и хлеб молоченой и стоячей и насеяной в земле, за кем они жили, необряжен, а жены де их и дети остались у помещиков и в монастырских вотчинах, пока они совсем обрядятца.

И те, государь, сошлые крестьяне, которые без жен приведены на Олонец, били челом тебе государю, чтобы их по жены и по дети и для животов и хлеба отпустить в Великий Новгород и в Старую Русу и в Новогородцской и в Старорускской уезд.

И я холоп твой тех твоих государевых сошлых крестьян, которых целовальники и пушкари в город на Олонец поставили, по допросу разобрал в солдатскую службу, а иных в тяглые крестьяне и бобыли... И те, государь, многие свозные крестьяне, дав по себе поручные записи в житьи, что им жить за тобою государем в Заонежских погостех на прежних своих деревенских участках и отпросясь за порукою по жены свои и по дети и для обирки животов, и в Заонежские погосты съехав не бывали, а живут, государь, многие за прежними помещики и за вотчинники и за монастыри, а иные селятца за иных помещиков и за монастыри и порутчиков, государь, они своих в поруки выдали. А целовальники, государь, и Олонетцы и порутчики, которые по них ручались, бьют челом тебе государю, что де тех сошлых крестьян помещики и вотчинники и монастыри не отдают, а иные де за собою не сказывают и таят...

Из отписки олонецкого воеводы Басилия Чеглокова царю Алексею Михайловичу о сыске и вывозе беглых крестьян Заонежских и Лопских погостов.

Доп. к Актам Историческим, т. III, док. 82, ч. IV.

№ 46. Отказ крестьян выполнять работу на Олонецких заводах (1683 г.)

Били челом нам великим государем иноземцы королевского величества дацкого фактор[1] Андрей Бутенант да Крестьян[2] Марселис, а в челобитной их написано: у Олонецких их заводов наймываютца дров сечь на угольное зжение и в руду копать Тифинского монастыря Толвойского погосту домовыя крестьяня да Вяжитцкого монастыря крестьяня и, взяв у них многие деньги наперед, дров не секут и руды не копают и теми взятыми деньгами владеют напрасно; а суд де на них в монастырях им не дают и на Олонец к суду нейдут же. . .

И как к тебе ся наша великих государей грамота придет и ты б, думной наш дворянин и воевода Иван Иванович, в иску иноземцев королевского величества дацкого фактора Андрея Бутенанта да Крестьяна Марселиса и на прикащиков их в наемных работных делах, которые крестьяна наймутца дров сечь и уголья жечь Тифина монастыря Толвойского погосту домовых крестьян да Вяжитцкого монастыря, или иные чьи ни будут, взяв у них работные деньги, а на заводах не работают, велел на них в тех работных деньгах дать суд, а по суду и по розыску наш великих государей указ учинили им по нашему великого государей указу и по уложенью до чего доведатца в правду да о том к нам великим государем писали и отписку велели подать в Пушкарском приказе боярину нашему князю Василию Васильевичю Голицыну с товарищи.

Писан на Москве лета 1683-го декабря в . . . . день.

Из грамоты Пушкарского приказа олонецкому воеводе Ивану Панину о производстве суда над крестьянами Тихвинского и Вяжицкого монастырей на Олонце.

Крепостная мануфактура в России, ч. II, док. 12.

№47. Нападение крестьян Кижского погоста на Олонецкие заводы (1684 г.)

Жалоба, государи, нам Олонецкого уезду Кижского погоста на старосту на Костянтина Семенова сына Попова.

В нынешнем, государи, во 1684-м году генваря в 8 день приезжал он Костянтин воровским вымыслом на наши Олонецкие

---

[1] Комиссионер.
[2] Христиан.

заводишики на Усть реку многолюдством с пищальми и з бердыши и с рогатинами и с кистенями нас иноземцов бранил и бесщестил всякою неподобною бранью и прикащика нашего иноземца же Андрея Кастропа рогатиною поколол и за мастеровыми и работными людьми з бердыши и с копьями гонялся и похваляютца смертным убивством, и наемного нашего угольного извощика Ивашка Венедиева на дороге бил смертным боем, и ныне он Ивашка лежит при смерти.

Да он же Костянтин многолюдством наемных наших извощиков, которые возят железную руду и уголь из Сеногубской волости и из Кижских острогов, по дорогам бьет и грабит и руду из возов мечет в воду и похваляетца смертным убивством и те наши наемные извощики с рудою и с угольем от ево Костянтинова похвального смертного убивства и от грабежу прямою большею дорогою ездить не смеют и объезжают с великою нуждою, где, государи, преж сего вечно дорог не бывало, и многие наемные работные люди от ево Костянтиновых угрозов и от похвального смертного убивства с тех наших заводишек бредут врознь и из найму на работу и руды и уголья возить и дров сечь нихто не идет.

Да нам же иноземцом взять по крепостям в Кижском погосте на должниках, которым давано многой хлеб и многие деньги, и на тех должников били челом вам великим государем мы иноземцы на Олонце; и с Олонца, государи, посыланы были многие приставы с наказными памятьми, и он Констянтин от тех должников приставов отбивает и по крепостям долгу нашего платить нам не велит, и от того нам иноземцом и прикащиком нашим и мастеровым и работным людем от ево Костянтинова наглова приезду и озорничества и грабежю чинитца великое разорение, и заводишка наши, кои нам иноземцом в доискиванье всяких руд и в вывоске мастеровых и работных людей из-за моря доныне стали больши 22.000 рубл., остановил, хотя разорить без остатку, и от того нам иноземцом учинялись великие убытки.

Милосердные государи цари и в. кн. Иоан Алексеевич, Петр Алексеевич пожалуйте нас, иноземцов велите, государи про его Костянтинов приезд и про озорничество и про бой и про похвальныя слава разыскать по своему великих государей указу и Уложенью, а во брани и в бесчестье нашем и прикащика нашего, его Костянтина выслать к суду к Москве, потому что он Костянтин вашему великих государей указу чинитца силен, на Олонец к суду не ставитца и приставов, кои с Олонца с вашими государскими указы ездят, бьет и чинитца непослушен, чтобы нам иноземцом и прикащиком нашим и мастеровым и работным людем и заводишкам нашим от ево Костянтинова наглова приезду и озорничества в конечном разорении не быть; и о том по него Костянтина велите, государи, на Олонец к воеводе дать свою великих государей грамоту, а что от ево Костянтинова наглова приезду и озорничества и остановки нам ино-

земцом в заводишках наших учинились какия убытки, и тому мы иноземцы принесем роспись.

Челобитная иноземцев Андрея Бутенанта и Христиана Марселиса в Пушкарский приказ на крестьян Кижского погоста, напавших на Олонецкие заводы „с пищалями и бердышами".

Крепостная мануфактура в России, ч. II. док. 13.

№ 48. Сопротивление крестьян Фоймогубской волости подъячему со стрельцами (1687 г.)

По указу великих государей, а по вашей, государи, наказной памяти велено мне взять с собою в понятые волостных людей сколько человек пригоже и с теми людьми велено мне сыскать с Фоймогубской волости Ведешку Офонасьева з братом Титком, Евстрака Прохорова з братом Гришкою, Мартинка Семенова, Нефедка Михайлова, Федьку Самсонова, Якушка Яковлева, Костьку Елесеева с племянником, Еремку Дорофеева, Андрюшку Ильина, а сыскав, велено их, Ведешку с товарищи, за многое их ослушанье выслать их к суду на Олонец с волостными провожатыми с подъячим з Гаврилою вместе тотчас безсрочно, а езд на них[1] Ведешки с товарыщи, велено на 100 верст доправить по полтине да Олонецким и уездным ямщиком прогонных денег на 10 верст по 3 деньги за подводу, а доправя те прогонные деньги, велено отдать ямщиком с росписками по рощету против челобитья датцкого королевского величества камисара Андрея Бутенанта да Крестьяна Марселиса и ыску их пашенной и сенокосной земли в урочищи Шильти и в приходе на их заводы и в похвальбе и в брани прикащиков их и в составной воровской записи.

Да мне же Ивашку велено взять скаска Фоймогубской волости у дьячка Федьки Якимова да у попа Харитона Манойлова за руками в том: тое ж волости крестьяне Евсегнейко Офонасьев с товарищы такову запись промеж собою написали ль, буде их иноземцов Андрея Бутенанта да Крестьяна Марселиса прикащики их с работными людьми на отводную землю на Шильтю пахать будут, чтоб им Евсегнейку с товарыщи друг друга не подавать и стоять друг за друга накрепко, буде что и дурно учинитца, голова в голову, а которой из них стоять заодно не учнет и на том взять заряду денег 30 руб. сверх того убытки, и он дьячек такову запись им Евсегнейку с товарыщи писал ли, и поп к той

[1] В данном случае имеется в виду стоимость проезда.

записи руку приложил ли, и после того в нынешнем же во 1687-м году июня в 26 день они же Евсегнейко с товарыщи своими умысля тое свою прежнюю запись им дьячку и попу переписать сильно не против прежней записи поневолили ль? И тое их скаску велено мне привесть с собою вместе на Олонец.

И я Ивашко по той наказной памяти, взяв с собою в понятые старосту Матюшку Костянтинова да крестьян Фоймогубской же волости, Якушка Филипова, Ларьку Меркурьева, Федотка Созонова, Осташка Пахомова, Артюшку Иванова с товарыщи, и с теми людьми, не доходя деревни Харловой за полверсты, прежние отбойщики Евстратко Прохоров с товарыщи со многими людьми, увидя нас идучи к себе, и учали кричать, что-де «вы к нам не ходите, будет дурно и живы не дадимся». А были они в скопе нарочно, для того дела с ружьем, с топорами и с копьями и с кольем. И после того я Ивашка пришед в то их деревню к ним же отбойщикам, а стрельцов они не пустили с понятыми же людьми, и указ великих государей и вашу, государи, наказную память им вычитал, и они отбойщики, выслушав памяти, отказали и говорили прежние свои речи, что «мы живы не дадимся, хотя будет и больши того стрельцов». И бранили всячески и уграживали всякими угрозы, и были они все с ружьем, с топорами и с кольем.

Из отписки подъячего Ивана Буракова в Олонецкую приказную избу о сопротивлении, оказанном ему крестьянами Фоймогубской волости.

Крепостная мануфактура в России, ч. II, док. 23. ч. I.

№ 49. Захват крестьянами покосов, отведенных заводам (1687 г.)

Жалоба, государи, нам иноземцом[1] Верхнозерской волости на Аксенка Лазарева, на Федотка Павлова, на Федьку Иевлева с товарищы.

В нынешнем, государи, во 1687-м году они, Аксенко с товарищи, насильством своим отводные наши сенные покосы, Римбозерской мох, сено покосили и работников наших, которые были посланы с нашего иноземческого медного и железного заводов с Фоймогубской волости, от того болота отбили. Милосердные великие государи цари и в. кн... пожалуйте нас иноземцов велите, государи, в том насильстве дать на них свой великих государей суд и управу, а к суду выслать на Олонец.

[1] Христиан Марселис и Андрей Бутенант.

А то их покошенное сено на том болоте до своего великих государей указу велите, государи, записать, чтоб того сена с того болота не свозили, и о том дать память. Великие государи, смилуйтеся, пожалуйте.

На обороте: 1687-го августа в 19 день по указу великих государей послать память, велеть из них человека или двух за их руками к суду выслать после страдные поры на Олонец, а спорные сена велеть переписав до указу приказать беречь окольным людем, а до указу свозить не велеть.

Челобитная о покосе крестьянами Верхнозерской волости Римбозерского моха.

Крепостная мануфактура в России, ч. II, док. 20, ч. I.

50. Сопротивление Кижских крестьян против приписки к Олонецким заводам (1696 г.)

Да в прошлом же в 1694-м году апреля в 13 день бил челом нам великому государю нашему царскому величеству он же Андрей, чтоб мы великий государь наше царское величество пожаловали ево, велели к вышеименованным железным и укладным заводам для вспоможения и большого того заводу отдать ему в Олонецком уезде погост Кижской с принадлежащими к нему деревнями и со всякими угодьи и со крестьяны и с бобыли; а что с того погоста наших государевых доходов емлется по окладу, и те-де доходы с того погоста платить будет в нашу царского величества казну он Андрей; а в Олонецких писцовых книгах писца Никиты Панина, да подьячего Семена Копылова 1628-го и 1629 годов... с селы и с деревнями и с выставками и починки 1197 дворов крестьянских и бобылеских с землями и с лесами и с сенными покосы и со всякими угодьи впредь до нашего государева указу, и им крестьяном и бобылям ево Андрея и прикащиков велено слушать и работу всякую на железных ево заводах работать, верстаясь меж себя по землям и по угодьям и по прежнему тяглу; а наши великого государя всякие доходы с того погоста по окладу сполна платить ему Андрею, денежные на Москве в Новгородском приказе, а хлеб на Олонце по вся годы без доимки... а которые в том погосте живут священники и церковные причетники и олончане посадские люди и обеленые крестьяне, в них ему вступаться не велено; а владеть им землями и всякими угодьи попрежнему, чем они владели наперед того, по дачам и по писцовым книгам и тяглам им посадским людем платить на Олонце; а с прикупных и с закладных земель и с сенных покосов, которыми землями и сенными покосы владели они сверх упомянутых

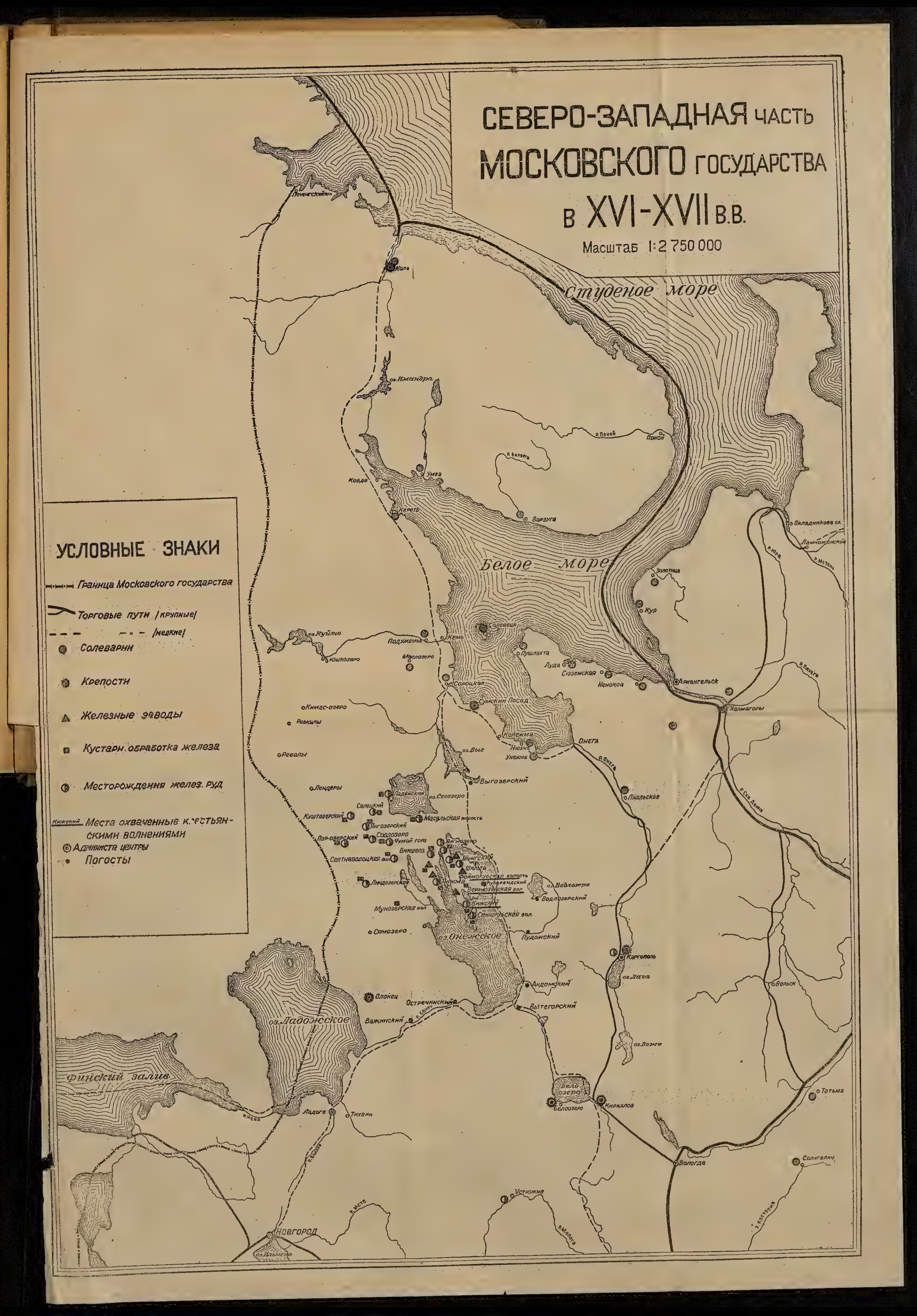
уча...[1] к железным заводам не дались, велено учинить наказанье бить кнутом; и по тому нашему великого государя указу Кижского погоста старосты и крестьяне учинились ослушны ж, переписаться отказалися и наказанье ослушником учинить не дались же; и в прошлом в 1695-м году, по нашему великого государя указу посыланы из Преображенского в тот Кижский погост стольник Афанасий Брянчанинов да Новгородского приказу подьячей Петр Курбатов да с ними московских и вологодских и двинских стрельцов 335 человек, а по наказу велено им тот Кижский погост с селы и с деревнями и со всякими угодьи и со крестьяны и с бобыли по прежнему нашего великого государя указу, переписать и отписать к работам к железным заводам Андрея ж Бутенанта, а старостам и крестьяном, которые нашим государевым указам чинились ослушны, велено по розыску учинить наш великого государя указ. По нашему великого государя указу апреля в 28 день писали к нам великому государю они Афанасей и Петр и прислали в Преображенское доезд за своими и понятых людей руками; а в доезде их написано: как-де они с стрельцами и с понятыми в Кижской погост приехали, и того же погоста крестьяне учинили бунт, и у церкви Преображения господня били в колокола в сполох, и собрались из деревень с дубьем и с кольем, да и в иных числех они крестьяне против вышеименованного нашего государева указу во всем чинились служны ж...[2]

Из жалованной грамоты царя Петра Алексеевича заводчикам-иноземцам.

Крепостная мануфактура в России, ч. II, стр. 149—150.

[1] Пропуски в подлиннике.
[2] Конец документа утрачен.

СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ ЧАСТЬ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА
В XVI-XVII В.В.
Масштаб 1:2 750 000
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
Граница Московского государства
Торговые пути /крупные/
/мелкие/
Солеварни
Крепости
Железные заводы
Кустарн. обработка железа
Месторождения желез. руд
Места охваченные крестьянскими волнениями
Админист. центры
Погосты
Студеное море
Белое море
Кола
оз. Имандра
Понои
р. Поной
р. Варзуга
Умба
Ковда
Кереть
Варзуга
Окладникова сл.
Ламножемское
р. Юга
р. Мезень
Золотица
Куя
оз. Куйто
Подужемье
Кемь
Соловецк
Юшкозеро
Маслозеро
Пушлахта
Луда
Сюземская
Ненокса
Архангельск
Холмогоры
р. Пинега
Сороцкая
Сумский Посад
Кимас-озеро
Ровкулы
Колежма
Нюхча
Унежма
Онега
р. Онега
Реболы
оз. Выг
Выгозерский
Лендеры
Паданский
оз. Сегозеро
Пияльское
р. Сев. Двина
Селецкий
Куштозерский
Масельская волость
Янгозерский
Совдозеро
Чумой гора
Шунгский
Шильта
Святнаволоцкая вол.
Линдозерский
Кижский
оз. Водлозеро
Водлозерский
Муноверская вол.
Сенногубская вол.
Сямозеро
оз. Онежское
Пудожский
Каргополь
оз. Лача
Андомский
Олонец
Остречинский
Вытегорский
Важинский
оз. Ладожское
Вельск
оз. Воже
Финский залив
Бело озеро
Белоозеро
Кириллов
Тотьма
р. Нева
Ладога
Тихвин
Вологда
Сольгалич
Устюжна
р. Мста
р. Молога
р. Кострома
Новгород
оз. Ильмень

ПРИЛОЖЕНИЯ

ХРОНОЛОГИЯ ПО ИСТОРИИ КАРЕЛИИ

1137 г.

По уставу новгородского князя Николы-Святослава Олеговича карелы в Олонце обязаны были платить новгородскому владыке по 3 гривны и нести расходы, связанные с поездками владыки.

Впервые упоминается карельская солеварня на Белом море, с которой русские брали дань.

1143 г.

Поход карел на Ямь.

1227 г.

Новгородский князь Ярослав отправил священников в Карельскую землю для крещения карел.

1241 г.

В походе Александра Невского на немецких рыцарей участвовали карелы.

1253 г.

Новгородцы вместе с карелами, опустошив часть Ливонии, разбили немецких рыцарей в окрестностях Нарвы.

1270 г.

Карелы участвуют на стороне новгородцев в их борьбе против изгнанного ими из Новгорода князя Ярослава Ярославовича.

1278 г.

Восстание карел против новгородцев и подавление его кн. Дмитрием Александровичем.

1283 г.

Шведы побили обонежских купцов на Ладожском озере.

1284 г.

Нападение шведов на Карелию с целью взять с нее дань. Новгородцы с ладожанами разбили их в устье Невы.

1292 г.

Поход шведов на карел.

Карелы отбились от шведов своими силами без помощи Новгорода.

1293 г.

Постройка шведами города Выборга.

Присоединение югозападной Карелии к Швеции шведским королем Кнутсоном.

1295 г.

Постройка шведами крепости Корелы (современный Кексгольм) и разорение ее в том же году новгородцами.

1302 г.

Поход новгородцев и карел в Норвегию.

1310 г.

Постройка новгородцами крепости Корелы (современный Кексгольм) взамен разрушенной ими в 1295 г.

1314 г.

Восстание карел против новгородцев в крепости Кореле. Перебив новгородцев, карелы впустили в крепость шведов, вызванных из Выборга.

1316 г.

Карелы вместе с Новгородом участвуют в борьбе тверского князя Михаила Ярославовича с московским князем Юрием Даниловичем на стороне второго.

1323 г.

Постройка новгородцами крепости Орешек (современный Шлиссельбург).

Заключение Ореховского мира между новгородцами и шведами, по которому новгородцы уступили шведам часть западной Карелии.

1326 г.

Заключение договора новгородцев с норвежцами, восстанавливающего «древний рубеж» и разрешающего приезд торговцев из Новгорода и Заволочия в Норвегию и обратно.

1333 г.

Отдача Приладожской Карелии новгородцами литовскому кн. Наримонту Гедиминовичу в кормление.

1337 г.

Восстание карел в городе Кореле под руководством воеводы Валита. Измена Валита восставшим и подавление восстания.

Восстание приладожских карел против ставленника (сына) Наримонта Гедиминовича, Александра.

Подавление восстания новгородцами.

1339 г.

Заключение первого договора между Новгородом и Швецией о карелах-перебежчиках. По договору обе стороны обязались казнить перебежчиков, кроме карел христианской веры, перебежавших из Швеции в Новгород.

1350—1391 гг.

Основание Муромского монастыря.

1375 г.

Толвуя впервые упоминается как погост.

1384 г.

Удаление Новгородом из Корелы кн. Патрикия по жалобе ореховцев и карел.

XIV в.

Основание Палеостровского монастыря (Петрозаводский уезд).

1422—1424 гг.

Голод в Карелии.

1430 г.

Построение Соловецкого монастыря.

1445 г.

Поход карел на Мурман (норвежцев), с целью взять дань с лопарей.

1447 г.

Князь Дмитрий Шемяка спасается от преследования в. кн. Василия Темного в Пудоге. Первое известие о Пудоге.

1478 г.

Подчинение Новгорода Москве.

1485 г.

Основание Александро-Свирского монастыря (Олонецкий уезд).

1496 г.

Поход кн. Ушатого (посланного Иваном III) на Швецию и присоединение Карелии к Московскому княжеству.

Юрий Сабуров описывает Обонежскую пятину (перепись населения).

1500 г.

Основание Клименицкого монастыря (Петрозаводский уезд).

1523 г.

Основание Ильинского женского монастыря (Повенецкий уезд).

1539 г.

Первые губные грамоты (Белозерская и Каргопольская).

1545 г.

Гавриил Муранов с подьячим Иваном Алексеевым описывают Обонежскую пятину.

1572 г.

Карелия завещана Иваном Грозным своему сыну Ивану.

1575 г.

Заключение перемирия на два года между Новгородом и шведами, по которому шведы обязались не воевать новгородские земли: Корелы, Орешка и другие.

1579 г.

Иван Грозный послал войско для защиты Карелии от шведов.

1582—1584 гг.

Андрей Лихачев описывает Обонежскую пятину.

1583 г.

Перемирие со Швецией.

1583—1589 гг.

Описывают Обонежскую пятину Андрей Плещеев, Леонтей Аксенов, Афанасий Жеребячев, Василий Волынский.

1591 г.

Шведский отряд под командою Свена Педерсена взял и выжег Суму, Вирмы, Кемь.

1595 г. Май.

Заключение мира между Россией и шведами, по которому Карельская область была утверждена за Россией.

1609 г. Февраль.

Заключение соглашения со шведами, по которому г. Корела отходит к Швеции за помощь Шуйскому в борьбе с Лже-Димитрием II.

1610 г.

Вторжение шведских войск в Обонежье. Шведские войска подступили к Сумскому острогу, но не взяли его. Во время похода прошли, опустошив 11 волостей; Реболу, Ровкулу, Чолку, Котвас-озеро, Тютню, Ловуш-остров, Лендеру, Вонгоры, Кимас-озеро, Юшкозеро, Сопасадму.

1612 г.

Взятие шведами г. Корелы.

1612 г. Декабрь.

Польско-литовский отряд взял и сжег посад в Каргополе. Сама крепость взята не была.

1613—1614 гг.

Тимофей Свиблов описывает Обонежскую пятину.

1614. Январь.

Вторжение польско-литовских отрядов из-под Сумского посада в глубь Карелии под командованием полковника Барыш-

польца и Сидорки. Разгром русскими войсками польско-литовских отрядов в Толвуйском и Шуньгском погостах.

1614 г. Январь.

Соглашение польско-литовских войск (после разгрома в Толвуе) со шведским отрядом о совместных действиях против русских.

1614 г. Января, 29.

Сдача русскими Олонца польско-шведским отрядам.

1614 г. Март.

Разгром русскими войсками соединенных польско-шведских отрядов под Олонцом.

1614—1615 гг.

Суторма Коротнев описывает Обонежскую пятину.

1614 г.

Отделение Заонежья от Новгорода и переход области в административное управление Москвы.

1614—1618 гг.

Учреждение села Каргополь городом.

1615—1619 гг.

Петр Воейков и дьяк Иван Лговской описывают Обонежскую пятину.

1617 г.

Заключение Столбовского договора между Россией и Швецией, устанавливающего новую границу между Московским государством и Швецией.

1620—1622 гг.

Иван Воейков и дьяк Третьяк Копнин описывают Обонежскую пятину.

1621 г.

Размежевание границ между Россией и Швецией на основании Столбовского договора.

1636 г.

Захват крестьянами Важинского и Остречинского погостов карбаса с солью, принадлежащего Палеостровскому монастырю.

1640 г.

Спор между Палеостровским монастырем и Великогубскими крестьянами об общей земле. В том же году окончился полюбовной сделкой.

1649 г.

Преобразование Рождественского Олонецкого погоста в город Олонец с воеводским управлением.

1666 г.

Новгородский гость Семен Гаврилов с иноземным мастером Денисом Юрышем приехали в Олонецкий уезд для сыска медной руды.

1667 г.

Начало возмущения в Соловецком монастыре.

1669 г.

Иноземец Марселис подал челобитную царю Алексею Михайловичу о выдаче привилегии на разработку заонежских медных и иных руд.

1672 г.

69 чел. безлошадных чернорабочих заводов Марселиса обратились с челобитною к царю о недостаточности заработной платы.

1676 г. Январь, 20.

Взятие царскими войсками Соловецкого монастыря, захваченного раскольниками.

1680 г.

В Повенце учреждена таможня.

1683—1684 гг.

К Архангельску с Заонежских заводов было доставлено 6449 пудов 25 гривенок железа, из которых отправлено «за море» 3488 пудов 25 гривенок.

1684 г. Январь, 8.

Нападение на Олонецкие заводы кижских крестьян с «пищалями и бердышами».

1683—1687 гг.

Волнения крестьян урочища Шильта в связи с захватом урочища заводчиками Марселисом и Бутенантом.

1684 г. Май.

Указ о закреплении за Андреем Бутенантом и Христианом Марселисом земель, бывших за Семеном Гавриловым в Олонецком уезде.

1687 г. Январь.

Захват вооруженными крестьянами и раскольниками Палеостровского монастыря и их самосожжение.

1689 г.

Второе самосожжение в Палеостровском монастыре.

1693 г.

Спор между Палеостровским и Муромским монастырями о владении 9 оброчными Челмужскими пустошами и Мягнаволоком. Царским указом вопрос решен в пользу Палеостровского монастыря.

1694 г.

Сопротивление крестьян Кижского погоста против приписки крестьян к заводам иноземцев Марселиса и Бутенанта.

Указ о приписке крестьян Кижского погоста к заводам (по писцовым книгам приписано 1197 дворов).

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ МАЛОИЗВЕСТНЫХ СЛОВ И ТЕРМИНОВ

Алтын — Старинное название серебряной монеты ценностью в 6 денег или 3 копейки.

Арбуй — Местное название языческого жреца.

Без вывета — Без права требования возврата.

Без тягла — Не положенный в тягло, т. е. не платящий государственные подати.

Бердыш — Холодное оружие, употребляемое пехотой, главным образом, стрельцами. Секира с длинным и закругленным в форме полумесяца лезвием, насаженная на длинное древко.

Бити челом — Просить, подать прошение.

Бобыли — Социальная категория сельского феодально-зависимого населения. Обезземеленные крестьяне, занимавшиеся, главным образом, ремеслами, мелкой торговлей и промыслами или сельскохозяйственной работой по найму. Как не имеющие собственного сельского хозяйства бобыли, не включались в т я г л о (см.), но как проживающие на чужой земле платили землевладельцу особый оброк — «бобыльщину».

Варница — Солеварня, где из природного рассола в больших сковородах — цренах — вываривали соль.

Варницы пустые — Заброшенные, не работающие варницы.

Варницы живущие — Действующие варницы.

Вежа рыбная — Место рыбной ловли.

Веретея — Возвышенный сухой участок земли среди болот или близ берега реки, образующий во время разлива остров.

Взять на себя — Отобрать, конфисковать.

Взять на щит — Взять укрепленное место штурмом. Также захват военной добычи.

Вира — Уголовное взыскание за убийство.

Вклад — Дар монастырю или церкви земельных угодий, денег и др.

Во двор бить челом — Поступить к кому-либо на службу, став его холопом.

Воеводская изба — Канцелярия, присутственное место.

Волостель — Должностное лицо с административно-судебной властью, стоящее во главе волости.

Волость, волостка — Территориально-административная единица. Иногда употребляется и в смысле частного земельного владения.

Волостные разметы — См. Разметы волостные.

Волощане — Жители волости.

Ворвань — Жир, вытапливаемый из рыб или морских животных. Применяется при приготовлении кож и как осветительный и смазочный материал.

Воровским вымыслом — противоправительственно.

Воровская запись — Запись, составленная в разрез интересам правительства или отдельным собственникам; ложно составленный письменный акт.

В подводы не тянут — Не участвуют в выполнении ямской повинности, т. е. не выполняют обязательства поставлять подводы царским гонцам, служилым людям и др.

В полон поимано — Взято в плен во время военных столкновений.

Выморочные дворы — Дворы, оставшиеся без хозяина вследствие отсутствия наследников после смерти дворовладельца.

Гарвы — Крупноячейковые ставные сети; ставятся по нескольку в ряд у самой поверхности воды.

Горница — Комната.

Гостиная сотня — высший разряд купечества в XVI—XVII вв.

Гость — крупный купец, пользовавшийся правом заграничной торговли.

Губа — Судебный округ, подчиненный губному старосте (см.).

Губная грамота — Устав о порядке судопроизводства в губе (см.).

Губная изба — Присутственное место, где заседал губной староста и где шел уголовный суд и расправа.

Губной староста — Выборное лицо, ведавшее судом по уголовным делам, в частности борьбой с разбоем. Созданная в XVI веке должность Г. С., которые обязательно выбирались из дворян или детей боярских, усилила власть дворянства на местах.

Гулящие люди — См. Люди гулящие.

Дань обежная — Дань, собираемая с обжи.

Даньщики — Сборщики дани.

Даточные люди — См. Люди даточные.

Двор бобыльский — Двор, в котором живут бобыли (см. «бобыль»).

Дворецкая пошлина — См. Пошлина дворецкая.

Дворцовое село — Село с тяглым населением, составляющее личную собственность великого князя и в XVI веке подчиненное Приказу Большого Дворца.

Дворы не тяглые — Не платящие податей, не положенные в тягло.

Деньга — Мелкая серебряная монета. В рубле новгородском считалось 216 денег, в рубле московском — 200 денег.

Деньга обежная — Оброк с обжи.

Деревня живущая — Населенная деревня, платящая подати.

Деревня пустая — Запустевшая деревня, в которой, по тем или иным причинам, не осталось населения.

Деревня припускная — Деревня приписанная, в целях более равномерного распределения пашни сообразно с тяглом, к другой деревне.

Десяцкой — См. **Соцкой.**

Доводчик — Должностное лицо с судебными функциями.

Ез — Сооружение для рыбной ловли, состоящее из частокола, перегораживающего водный поток с небольшим отверстием посредине для установки сети.

Езд — Одна из судебных пошлин в пользу доводчика (см.).

Ефимок — Испорченное — иохимсталер. Название иностранной серебряной монеты, обращавшейся в Московском государстве с клеймом последнего.

Жалованная грамота — Грамота (письменный документ), утверждающая пожалование чего-либо, в частности льгот и при-

вилегий судебного и податного характера; выдавались как от имени великокняжеской и царской власти, так и от имени митрополитов и архиепископов в пределах церковных владений.

Жаловати — Награждать, предоставлять феодальные права и привилегии.

Железо укладное — Высокий сорт железа, сталь.

Животы — Имущество.

Житейские тягловые дворы — Дворы, платящие подати.

Забор — Приспособление в реке для ловли рыбы.

Задворные люди — Люди, работавшие на барской пашне (холопы, бобыли, обедневшие крестьяне и др.), поселяемые в особых избах и за двором землевладельца и неимеющие собственного сельского хозяйства. С введением подушной подати в XVIII веке задворные люди сливаются с крепостным крестьянством.

Заемная кабала — См. Кабала заемная.

Закладень — Человек, заложившийся за кого-либо. Категория людей, зависимых (временно или постоянно) от земельных собственников.

Закладная кабала — См. Кабала закладная.

Заручные сказки — Показания свидетелей, подписанные ими.

Заставной казак — Низшее должностное лицо на заставе.

Заставы взять — Взять неустойку при невыполнении обязательств по договорным актам.

Захребетники — Неимеющие своего хозяйства и поэтому свободные от тягла люди, живущие по чужим дворам в работниках («за чужим хребтом»). Захребетники, занимающиеся промыслом или наемной работой, платили особый налог — захребетное.

Земский дьяк — Должностное лицо земского приказа.

Земский староста — Выборное административное лицо, введенное с отменой кормлений (см.) в городах и деревнях с тяглым населением; З. С. выбирались на 3 года и обычно из наиболее зажиточной части населения. Ведали судом (кроме разбойных дел), раскладкой и сбором податей. После «смуты», в связи с усилением воеводского управления, в ведении З. С. остались только финансовые и хозяйственные функции, позднее З. С. были вовсе подчинены воеводам.

Земские люди — Население, не вошедшее в опричнину Ивана Грозного.

Зернью играть — Играть в кости.

Извет — Ложный донос.

Изветчик — Доносчик.

Излюбленный староста — (Излюбленный голова). Должность, возникшая в середине XVI века в связи с «земской реформой» Ивана Грозного в округах с черносошным населением. Излюбленный староста — выборное лицо местного управления, в обязанности которого входило собирание податей, администрация и суд. Излюбленными старостами как правило избирались «лучшие люди», что обеспечивало успешный сбор податей и проведение классовой линии в местном управлении.

Израда — Измена.

Израдник — Изменник.

Именной указ — Указ, данный от имени царя.

Ищея — Истец в судебном разбирательстве.

Кабала — Заемная расписка.

Кабала заемная — Долговое обязательство, расписка при разных денежных займах.

Кабала закладная — Письменное долговое обязательство, предоставляющее в обеспечение занятых денег заклад имущества. В случае просрочки долга имущество, заложенное по закладной кабале переходило в собственность принявшего залог.

Кабала служилая — Письменное долговое обязательство, предоставляющее в обеспечение занятых денег право на эксплоатацию заимодавцем труда заемщика, переходящего к нему во двор и становящегося зависимым его человеком.

Казак — Работающий в чужом хозяйстве по найму.

Келарь — Монах-эконом; одно из старших должностных лиц в монастырском хозяйстве.

Кересгоды — Рыболовная снасть.

Ключник — Заведывающий хозяйством в монастыре или монастырской вотчине.

Ключника пошлина — Пошлина, идущая в пользу ключника (см.) с монастырских вотчин.

Корм, кормление — Подать с населения (натуральная или денежная), шедшая в пользу представителей власти — «воло-

стеля», наместника. Лица, получавшие «кормы», назывались «кормленщиками». Кормления, как система управления, были отменены в связи с «земской реформой» Ивана Грозного и заменены выборной администрацией, члены которой обычно выбирались из числа дворян и находились на жалованье от государства. Отмена кормлений явилась результатом укрепления влияния в государственном управлении дворянства в противовес влиянию крупного феодального боярства, из состава коего обычно назначались прежние «кормленщики».

Коробья — Хлебная мера, равная 8—9 пудам.

Кортомить двор — Брать на откуп, на оброк; арендовать.

Корчм — См. Корчма.

Корчма — Кабак, место торговли спиртными напитками.

Котечная ловля — Звероловные угодья на морского зверя — котика.

Котцы — Рыболовная снасть.

Крестное целование — Присяга.

Крестоприводная запись — Запись, данная под присягой.

Крица — Штучная или весовая единица исчисления железа полуфабриката.

Куда топор и коса ходила, или куда плуг и соха ходили — Выражение, употребляемое в документах для обозначения границ владения.

Куница — вид подати. Новоженная куница — подать за вступление в брак. Выводная куница — подать за выдачу женщины замуж из одного округа в другой.

Купчая грамота (купчая) — Письменный акт, составленный при свидетелях на куплю и продажу земельных участков, строений и т. д.

Лехта — Заводь.

Лешие озера — Лесные озера.

Лешие промыслы — Лесные промыслы.

Лешие ухожеи — Лесные угодья.

Ловить за рост — Отдавать известный процент с улова.

Лудоши морские — Отмели, покосные островки.

Лук — Единица земельного обложения; мера земли. В хозяйстве Соловецкого монастыря лук земли равнялся приблизительно около 3½ десятинам и заключал в себе две о б ж и (см.).

Луковые угодья — Вошедшие в луковую запись и обложенные тяглом.

Лучевая рыба — Один из методов ловли рыбы путем яркого освещения мелких мест в ночное время. Спящая рыба при освещении колется с лодки или плота железной вилкой (острогой). Пойманная таким способом рыба и называется лучевой.

Лучшие люди — См. Люди лучшие.

Люди безвытные — Люди безземельные или не положенные в тягло.

Люди гулящие — Люди без определенных занятий и оседлости; беднейшая масса населения, лишенная средств производства.

Люди даточные — Подлежащие воинской службе.

Люди лучшие — Одна из категорий торговых людей, делящихся на лучших, средних и молодчих, по размеру своего торгового оборота и соответственно ему — тягла.

Люди молодчие — См. Люди лучшие.

Люди посошные — Платящие тягло с сохи (см.).

Люди средние — См. Люди лучшие.

Люди страдные — Работающие, особенно в период уборки хлебов (страда).

Меж двор скитаться — Ходить по миру, нищенствовать.

Мерд — Оброчная единица обложения с рыбных ловцов.

Мирской староста — староста, выбранный сельским обществом (миром).

Молотовщики — молотобойцы.

Молочшие люди — См. Люди лучшие.

Московка — Московская деньга.

Мостовщина — Один из видов торговых пошлин; взималась за переезд через мост.

Мостовщики — Сборщики пошлин за переезд через мост.

Мотчать — Медлить, затягивать. **Не мотчав** — Тотчас, немедленно.

Мушкеты — Ручное огнестрельное оружие крупного калибра, с фитильным замком.

Мыт — Особый вид торговой пошлины за переезд через заставу.

Мытарь — Сборщик мыта.

Мытарница или мытня — Дом, место, где собиралась пошлина — мыт.

Мягкая рухлядь — Пушнина, мех.

Наездом пашут землю — Непостоянная пашня, вдали от постоянного поля.

Наймит — Наемный работник. В частном значении — наемный заместитель при суде. (См. Поле).

Наказная память — Наказ-поручение.

Наместник — Должностное лицо княжеской (царской) администрации. Представитель власти, начальник местного управления, имевший широкие административные, судебные и военные полномочия. Наместники были и у «князей церкви» — митрополитов и епископов.

На подъем — Единовременная выдача денег при направлении ратных людей в полки.

На поле биться — Один из методов разрешения спорных дел путем единоборства истца и ответчика (см. Поле).

Насад — Род судна.

Нетчики — Ратные люди, бежавшие из полков или вовсе неявившиеся в них.

Неты — Нетчики (см.).

Неявленное питье — Не разрешенное к торговле; питье, за продажу которого не уплочена явка, т. е. сбор, взимаемый за разрешение торговать.

Носовой сбор — Торговая пошлина с проходящих судов.

Обельная грамота — Разновидность жалованной грамоты, освобождающая данное недвижимое имущество, главным образом, землю, от уплаты государственных податей. Термин происходит от слова «обелить», превратить «черную землю» (см.) в «белую».

Обжа — Единица обложения, определяемая применительно к сельскому пашенному хозяйству с учетом размера и средней доходности отдельных хозяйств. По определению Новгородской летописи, обжа равнялась сельскохозяйственному участку, который мог быть обработан одним человеком на одной лошади. В хозяйстве Соловецкого монастыря обжа равнялась приблизительно 1,7 десятинам. Обжа делилась на 2 лука. Три обжи составляли соху.

Оброк — Подать, налог в пользу феодала, уплачиваемый за пользование земельными угодьями.

Оброчные деньги — Деньги, собранные в оброк.

Оброчные пустоши — Запустелые, необрабатываемые места, с которых все же взимается оброк.

Оброчная обжа — Обжа, с которой взимается оброк.

Обыски обыскивати — Производить расследование.

Одерень — Навсегда, совсем, в вечное владение.

Опала — Наказание, изгнание.

Опалы не навести — Не попасть под наказание.

Орати — Пахать землю.

Орачь — Пахарь.

Осадное время — Период военных действий, в течение которого жители окружающих мест находятся в крепости (остроге).

Осадные — Солдаты, находящиеся в крепости для ее защиты во время осады.

Осадные люди — Люди, находившиеся в крепости во время осады ее неприятельскими войсками.

Острог — Частокол из кольев, окружающий стан или город, вообще укрепленное место.

Острожное дело — Крестьянская повинность по постройке острогов (крепостей).

Осьмина — См. Четверть.

Отвести землю — Передать в чье-либо владение землю, определить границы; размежевать земли между несколькими землевладельцами.

Охудати — Обеднеть, разориться.

Очищати —«Отчищати» землю или вообще имущество — освобождать от долговых обязательств заклада или других претензий со стороны. Обычное условие при продаже и других видах передачи недвижимого имущества.

Пенные деньги — Деньги, взимаемые с неплательщика за просрочку платежа.

Поголовное — Подать.

Поголовщина — Судебная пошлина, уголовное преступление.

Погост — Хозяйственно-административная единица в Новгородской земле, соответствующая Московской волости. Употребляется также в смысле разновидностей поселений — усадьба, стан, становище, село, поселок вокруг княжеского стана, место остановки князя во время объезда земель, место около церкви и кладбища.

По дворам пустить — Выгнать из дому без средств; пустить по миру.

Подъезд — Пошлина, налог связанный с объездом феодала своих владений.

Поезд — Особый способ ловли рыбы плавными сетями.

Пожня — Сенокосная земля, расположенная на низком месте, у воды. Иногда пахота, засеянная хлебом. **Кустарная пожня** — Заросший кустарником сенокос. **Ляжная пожня** — Болотистый сенокос.

Позем — Оброк, получаемый владельцами дворов с живущих в них съемщиков.

Поземщик — Человек, живущий в чужом дворе с уплатою позема.

Позовник — Приказной служитель, вызывающий к следствию или суду.

Поле — Судебный поединок, т. е. единоборство истца и ответчика по приговору суда, присуждаемое при отсутствии решающих судебных доказательств. «Поле» применялось в судопроизводстве древней Руси до XVII века и иногда называлось «судом божиим». Сторона, побеждавшая на поединке, признавалась по суду правой. При разрешении спора поединком стороны, в некоторых случаях, могли заменять себя «наймитами», бившимися за них.

Полевая пошлина — Судебная пошлина при решении дела поединком (см. Поле).

Полеший лес — Мелкорослый лес.

Полеший лес и воды — Мелкорослый лес и лесные озера.

Половник — Наемный работник, получающий в плату часть выработанного. Категория экономически зависимого сельского населения. Проживающий на чужом земельном участке с уплатою за пользование землею часть (половину) урожая.

Половье ис хлеба — Натуральный оброк, половина урожая.

Полозовое — Пошлина, взимаемая с воза.

Полон — Плен.

Полоняник — Пленник.

Польготить — Дать льготу.

Поруха — Убыток, ущерб.

Поручные записи — Поручительство.

Посад — Часть города, расположенная вокруг городского военного укрепления, кремля, преимущественно с торгово-промышленным населением, дворами, лавками и другими торгово-промысловыми заведениями.

Посадские люди — Разряд тяглых людей, состоящих главным образом из купцов, промышленников, мелких торговцев и ремесленников, являющихся основной массой тогдашнего городского населения.

Посадник — Высший представитель светской власти в Новгороде и Пскове, избираемый вечем. В древней Руси, назначаемый князем управитель города и относящейся к городу области.

Посельничья пошлина — Пошлина, идущая в пользу представителя (посельника) власти землевладельца в вотчине или поместье.

Послух — Свидетель.

Поседение — См. Седение.

Посоп — Подать зерном.

Поспом хлеб — Хлеб в зерне.

Посошные люди — См. Люди посошные.

Посохи — Подать, взимаемая с сохи (см.).

Посулы и поминки имать — Брать взятки.

Починок — Вновь организованная сельскохозяйственная единица, новоселок, будущая деревня.

Пошлина дворецкого — Пошлина в пользу дворецкого, ведавшего дворовым хозяйством и населением в дворцовых волостях.

Пошлина тиунская — Пошлина в пользу тиуна (см.).

Пошлина ключника — Пошлина в пользу ключника (см.).

Правеж — Ежедневное битье батогами перед судом несостоятельного должника, являющегося средством принуждения к уплате долга. От правежа можно было откупиться или поставить вместо себя крепостного.

Празга — Оброк, наемная плата за пользование землей или угодьями.

Приход — Низшая единица церковно-административного управления.

Приметные деньги — Род повинности, подать.

Прогонные деньги — Плата за проезд на ямских подводах.

Проезжая память — Разрешение на проезд через границу, также на право пользоваться ямскими подводами внутри государства.

Протамга — Пеня за неявку в таможню.

Противень — Копия.

Протори — Расход, ущерб, издержка, судебная издержка.

Пустошь — Запустелая деревня, заброшенный участок прежде обработанной земли.

Пятидесяцкой — См. Соцкой.

Пятина — Административно-территориальная единица Новгородской области, делившейся на пять основных частей — пятин. Карелы обитали в пределах смежных Обонежской и Водской пятин, начинавшихся, как и все пятины, у самого Новгорода и распространявшихся далеко на север. Западная граница Водской пятины являлась государственной границей со Швецией.

Разбойничьи дела — Уголовные.

Разводити — Разделять, провести границы владения.

Разводная память — Документ на право размежевания земель.

Разводной список — Документ с записью границ по размежеванию земельных участков.

Разметы волостные — Раскладка денежных сборов для нужд волости.

Разруб — Раскладка тягла.

Роспись за руками — Подписанная опись или перечень.

Рубль Новгородский — В отличие от московского новгородский рубль равняется:

1 руб. =	2 полтины =	15 гривен +	6 денег =	216 денег
	1 „ =	7 „ +	10 „ =	108 „
		1 „	=	14 „

Московский рубль равняется:

1 руб. =	2 полтины =	10 гривен =	33 алтына +	2 деньги =	200 денег
	1 „ =	5 „ =	16 „ +	4 „ =	100 „
		1 „ =	3 „ +	2 „ =	20 „
			1 „	=	6 „

Руга — Содержание попа и всего церковного причта от прихода деньгами, хлебом, припасами.

Рушати — Нарушать.

Рухлядь — Движимое имущество, пожитки.

Свея — Швеция.

Своеземцы — Мелкие землевладельцы.

Седение — Технический термин для обозначения факта организации в данном месте данным крестьянином сельского хозяйства.

Слободка — Поселение, преимущественно ремесленно-промыслового характера.

Служилая кабала — См. Кабала служилая.

Сошное письмо — Перепись населения.

Сошные крестьяне — Податные.

Сотник стрелецкой — Начальник стрелецкого отряда.

Соха — В специальном значении — единица обложения. По Новгородским писцовым книгам конца XV века приравнивалась трем обжам.

Соцкий, пятидесяцкий, десяцкой — Выборные лица сельского самоуправления.

Средние люди — См. Люди лучшие.

Стакався — Сговорясь.

Стольник — Чин московских служилых людей.

Страдомые земли — Распаханные, обрабатываемые земли.

Страдные люди — См. Люди страдные.

Стряпчий — Составитель бумаг, ходатай.

Суд смесный — Суд, производимый судьями смешанного состава, например, светскими и церковными.

Супоровати — Заводить спор, посягать на что-либо.

Съезжая изба — См. Воеводская изба.

Тамга — Таможенная пошлина.

Таможенная пошлина — Сбор за право провоза товаров через границу.

Тарасы — Срубы из бревен, трехугольной или квадратной формы, наполнявшиеся землей или мелким камнем.

Татинные животы — Имущество вора.

Татьба — Воровство, дело о краже.

Тереб — Место, расчищенное от кустарника для сенокосных угодий.

Тиун — Должностное лицо, назначаемое князем, наместником или волостелем, для выполнения судебно-административных функций на местах. Также слуги князя или боярина, ведающие какой-либо отраслью их хозяйства.

Толмач — Переводчик.

Тони луковые — Рыбные ловли, вошедшие в луковую роспись.

Тоня — Место рыбной ловли в реке или озере, вычищенное от камней и сучьев для удобства закидывания невода.

Тягался — Судился.

Тягло — Совокупность платежей и повинностей населения в пользу государства.

Тяглые крестьяне и бобыли — Население, платящее подати.

Убрус — Платок, полотенце, **новоженный убрус** — налог или пошлина, взимаемая с новобрачных.

Уклад — См. Железо укладное.

Хоженое — Одна из судебных пошлин.

Целовальники — Выборные, должностные лица, исполнявшие под присягой (крестным целованием) ряд разнообразных судебных и полицейских функций и ведавшие сбором податей и налогов.

Црен — Плоский железный ящик для варки соли в солеварнях. Црен наряду с обжою и сохою являлся единицей обложения.

Челобитная — Прошение, заявление, просьба.

Черносошенные крестьяне — См. Черные земли.

Черные земли — «Черная» земля — земля «тяглая», с которой уплачиваются государственные подати в противоположность «белой», «обеленной» т. е. освобожденной, согласно специальному пожалованию, от тягла. Живущие на этих землях крестьяне назывались **черносошными** (т. е. живущими на черных «сохах») и эксплоатировались непосредственно в пользу государства. Эти земли широко раздавались государством в поместья и вотчины дворянам, боярам и монастырям.

Четверть — Хлебная мера весом — московская 4 пуда, таможенная или приемочная — 5 и 6 пуд. В четверти 2 осьмины = = 8 четверикам = 64 малым четверикам = 3 третника = = 24 малых третника.

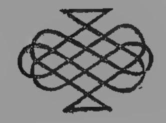
Явка — Пошлина, взимаемая за регистрацию сделки.

Язык — Пленный, захваченный для получения сведений о противнике.

Ям — См. Ямская повинность.

Ямские деньги — См. Ямская повинность.

Ямская повинность — Обязанность тяглого населения совершать необходимые правительству перевозки почты, должностных лиц, грузов и др. Ямская повинность отбывалась или непосредственно самим населением или специально выбранными ямщиками. Ямщики селились в специальных ямских слободах, расположенных около почтовых станций, называвшихся ямами. Иногда население взамен ямской повинности вносило так называемые «ямские деньги», на которые нанимались на определенный срок подводы. Наблюдение за выполнением Я. П. сосредоточивалось в ямском приказе.

ПОЯСНЕНИЕ К КАРТЕ ПОХОДА ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКИХ И ШВЕДСКИХ ОТРЯДОВ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ[1]

Впервые польско-литовский отряд в составе двух полков под командованием полковника Барышпольца и Сидорки появился на территории Карелии 12 декабря 1612 г. Взяв посад Каргополь, отряд ушел в Шальскую волость, где и действовал, разоряя погосты, до осени 1613 г.

10 ноября 1613 г. отряд русских войск под командованием воеводы Чулкова, посланный из Подвинья, пришел в Пудож, откуда направился в Андомский погост. Здесь он 21 ноября встретился с польско-литовским отрядом. В результате боя интервенты отступили к Каргополю, прошли мимо него 23 ноября по направлению на Холмогоры. Отряд Чулкова, дойдя до Каргополя, повернул на Пудож, а оттуда ушел к Толвуе.

Около Ямецкого стана произошел новый бой между отрядом стрелецкого сотника Смирного-Чертовского, посланного из Архангельска в Холмогоры, а затем в Ямецкий стан, и двигавшимся на Холмогоры польско-литовским отрядом. Стан был взят поляками, а отряд Чертовского отступил в Холмогоры.

6—10 декабря 1613 г. происходили бои за Холмогоры. Понеся большие потери и не взяв Холмогор, поляки пошли на Архангельск. Часть отряда в 300 человек под командованием сотника Федко выделилась и пошла вверх по Двине.

В начале 1614 г. этот отряд появился в Толвуе. Русский отряд Чертовского остался в Холмогорах.

10 декабря 1613 г. поляки взяли Архангельск и через Никольско-Карельский монастырь, Неноксу, Луду, Уну — пришли в Сумский острог. Взяв его, двинулись двумя колоннами на Шуньгский и Толвуйский погосты, куда и прибыли 2 января 1614 г. Здесь интервенты столкнулись с русскими отрядами, в результате чего до 19 января произошло несколько стычек.

---

[1] См. карту на стр. 124—125.

2 января произошел бой за Шуньгский острог, где сидел атаман Богдан Грязной. Острог полякам взять не удалось. 8 января под Толвуйским острогом интервенты столкнулись с отрядом воеводы Чулкова, а 13 января с русским отрядом, высланным против них из Шуньгского острога.

Понеся большие потери в боях с русскими войсками, поляки решили просить помощи у шведов, хозяйничавших с 1611 г. в Лопских погостах.

Объединенный шведско-польско-литовский отряд двинулся на Олонец.

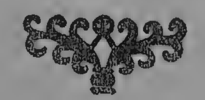
29 января произошел бой за Олонец. Первоначально победа склонялась на сторону русских. Им удалось захватить у поляков даже знамя отряда, но с прибытием подкреплений к интервентам Олонец ими был взят, и русский отряд под командованием головы Захарья Страхова отступил в дер. Неглинскую.

3 февраля к Олонцу пришел русский отряд из-под Ладоги под командованием атамана Федора Бронникова и Ермолая Терентьева. 3 и 4 февраля произошел бой, но интервентам удалось удержать Олонец в своих руках. В это время под Олонец на помощь интервентам пришел еще небольшой шведский отряд.

В первых числах марта произошел последний бой за Олонец. Олонец был взят русскими войсками. Интервенты потеряли полностью полк Барышпольца, а в полку Сидорки осталось только 500 человек.

Разбитые интервенты начали отступление на северо-запад, пытаясь пройти на родину, но ввиду глубокого снега и потому, что русские «все дороги залегли», повернули в Заонежье.

В Шуйском погосте шведско-польско-литовский отряд появился 10 марта 1614 г. Вскоре в качестве подкрепления к интервентам пришел еще один шведский отряд в Толвую, численностью в 200 человек. Дальнейшая судьба этих отрядов неизвестна. Возможно, часть мелкими отрядами пробилась в Швецию, часть просто погибла в глубоких снегах в обстановке суровой северной зимы, большая же часть была, повидимому, перебита местным населением.

ОГЛАВЛЕНИЕ

III. Карелия под властью Московского государства в XVI веке

1. Карельская деревня

ДОКУМЕНТЫ:

2. Монастырское хозяйство

3. Местная администрация в Карелии

4. Взаимоотношения со Швецией

IV. Борьба с польско-литовской и шведской интервенцией на территории Карелии в начале XVII века

V. Карелия в XVII веке

1. Карельская деревня.

2. Крепостная мануфактура в Карелии

3. Торговля

4. Монастыри в XVII веке

5. Город Олонец в XVII веке

6. Военная служба в заонежских полках

7. Местная администрация

8. Крестьянские волнения.

Приложения

Ответственный редактор *В. БЕРНАДСКИЙ*
Техн. редактор *П. Фрумкин* Отв. корректор *А. Равинская*

Сдано в набор 21|XI 1938 г. Подписано к печати 16|III 1939 г.
Формат книги 62×94 ($^1/_{16}$). Объем $14^3/_4$ печ. листов. Тираж 5000 экз.
Главлит Карельской АССР № В—42. Заказ № 3092.

Типография „Коминтерн" Ленинград, Красная ул., 1.